

Культурный ландшафт регионов

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ Том 2 № 1 2020

Электронный адрес журнала: <http://dialog-ru.ru>

Журнал «Культурный ландшафт регионов» - рецензируемое научное периодическое сетевое издание, открытого доступа (open access).

Журнал стремится к осмыслению, сохранению самобытных ценностей Малой Родины, формируя «региональный образ» каждого из районов через изучение объектов природного и культурного наследия, его современной истории.

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной культурной и социальной политики, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран, которые связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания, обусловленной междисциплинарным характером социального знания

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

- 24.00.00 Культурология
- 23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика
- 10.01.09 Фольклористика
- 07.00.00 Исторические науки
- 07.00.07 Этнография, этнология и антропология

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК

Миссия редакции научного журнала состоит в организации дискуссионного пространства, где специалисты в области литературы, истории, культурологии, музееведения, архивоведения, охраны наследия, сотрудники научных и образовательных учреждений, музеев и архивов, молодые исследователи публикуют результаты своих научных работ, представляя собственные достижения.

Основой политики журнала является открытость издания для авторов и читателей. Редакция журнала руководствуется в своей деятельности принципами научности, объективности, профессионализма, информационного обеспечения наиболее значимых специализированных исследований и соблюдения стандартов издательской этики и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE, <http://publicationethics.org>) и положения главы 70 "Авторское право" Гражданского кодекса Российской Федерации. Редакционная коллегия осуществляет научное рецензирование всех материалов, представленных в редакцию (двустороннее слепое рецензирование-рецензент не получает сведений об авторах рукописи, автор не получает сведений о рецензентах), что позволяет не только повысить качество публикуемых материалов, но и преследует обучающую цель.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе Антиплагиат

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Учредитель и издатель: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования. Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования (НОЧУ ДПО «КМИДО»)

www.kmido.ru

E-mail: dpo@kmido.ru;

+7 861 203 51 61

Главный редактор

Литвинов Кирилл Александрович - кандидат педагогических наук, директор Негосударственного образовательного частного учреждения дополнительного профессионального образования "Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования"

Научный редактор

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор Краснодарского государственного института культуры

Адрес редакции: 350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32-301

7 905 471 31 94 (по вопросам публикации и сотрудничества)

E-mail: dpo18@yandex.ru (по вопросам публикации и сотрудничества)

Редакционный Совет

Главный редактор

Литвинов Кирилл Александрович, кандидат педагогических наук, директор Краснодарского многопрофильного института дополнительного образования (КМИДО)

ORCID ID: 0000-0001-8804-1525

г. Краснодар, Россия

Научный редактор журнала

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Краснодарский государственный институт культуры

ORCID ID: 0000-0002-2124-1343

Scopus ID: 57201316433

г. Краснодар, Россия

Акользина Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

ORCID ID: 0000-0002-8684-9405

г. Тамбов, Россия

Ангелова Росица Жечкова, доктор, профессор,

Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского

г. Шумен, Республика Болгария

Блейх Надежда Оскаровна, кандидат педагогических наук, доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова,

член-корреспондент Российской Академии Естествознания

ORCID ID: 0000-0002-6715-9185

г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, доцент,

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

г. Брянск, Россия

Куклинова Ирина Анатольевна, кандидат культурологии, доцент,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

г. Санкт-Петербург, Россия

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор,

Новосибирский государственный педагогический университет

Почетный работник высшего профессионального образования

г. Новосибирск, Россия

Лихарев Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, профессор

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Россия

Поляков Владимир Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
г. Симферополь, Республика Крым, Россия

Резник Оксана Владимировна, доктор филологических наук, профессор,
Крымский университет культуры, искусств и туризма
Республика Крым, Россия

Халилов Тимур Александрович, кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351 г. Краснодар. Россия
г. Краснодар, Россия

Editorial Council

Chief Editor

Kirill A. Litvinov, Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the Krasnodar Multidisciplinary Institute of Continuing Education

ORCID ID: 0000-0001-8804-1525
Krasnodar, Russia

Научный редактор журнала

Natalya B. Akoeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Krasnodar State Institute of Culture
ORCID ID: 0000-0002-2124-1343
Scopus ID 57201316433
Krasnodar, Russia

Marina K. Akolzina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
ORCID ID:0000-0002-8684-9405
Tambov, Russia

Rositsa G. Angelova, Doctor, Professor,
Shumensky University Bishop Constantine of Preslav
Shumen, Republic of Bulgaria

Nadezhda O. Blaikh, Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor of Historical Sciences,
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
Honored worker of science and education
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID ID:0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia

Valeriy F. Blokhin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Bryansk State University
Bryansk, Russia

Irina A. Kuklinova, Candidate of Culturology, Associate Professor,
Saint Petersburg State Institute of Culture
Saint Petersburg, Russia

Olga I. Ivonina, Doctor of historical Sciences, Professor,
Novosibirsk state Pedagogical University
Honorary worker of higher professional education
Novosibirsk, Russia

Dmitrii V. Likharev, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Vladimir E. Polyakov, Doctor of historical Sciences, Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Oksana V. Reznik, Doctor of Philological Sciences, Professor
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
Republic of Crimea, Russia

Timur A. Khalilov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Kuban State University
Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID ID: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar, Russia

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Музееведение		Museology	
Киселев М.Ю. Москва, Россия	8	M.Yu. Kiselev Moscow, Russia	Local studies and science: to the history of the question
Краеведение и наука: к истории вопроса			
Исторические науки		Historical Science	
Иванов В. А. г. Симферополь, Республики Крым	18	V.A. Ivanov Simferopol, Republic of Crimea	Anti-Nazi guerrilla and underground Resistance Movement in the Crimea: the historiography of the problem
Антинацистское партизанско-подпольное Движение Сопротивления в Крыму: историография проблемы			
Космовская А.А. Пермь, Россия	42	A.A.Kosmovskaya Perm, Russia	Taxes from the stigma of cubes and cauldrons in the territory of Prikamye
Сборы с клеймения кубов и казанов на территории Прикамья			
Курков Г.М. г. Ейск, Россия	52	G.M. Kurkov Yeisk, Russia	Yeisk during the Great Patriotic War
Ейск в годы Великой Отечественной войны			
Пчела И.В. г. Уссурийск, России	63	I.V. Phela Ussuriisk, Russia	Rural school in the natural and cultural landscape of the Far East at the turn of the XIX-XX centuries
Сельская школа в природном и культурном ландшафте Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв.			
Прохоров М.Ф. г. Москва, Россия	77	M.F. Prokhorov Moscow, Russia	Moscow Kuntsevo in the period of the New Economic Policy
Подмосковное Кунцево в годы НЭП.			
Федоровский Ю. Р. г. Луганск, Л Н Р	90	J.R. Fedorovsky Lugansk, Lugansk People's Republic.	The first Soviet Ukrainization of the Lugansk region
Первая советская украинизация Луганщины			
Культурология		Cultural Studies	
Маматсырова С.Р. г. Краснодар, Россия	109	S.R. Mamatsyrova Krasnodar, Russia	Restoration of Armamir Monuments Damaged During the Great Patriotic War
Восстановление памятников Армавира, поврежденных в годы Великой Отечественной Войны			

Митрофанов В.В. г. Санкт-Петербург, Россия	V. V. Mitrofanov Saint Peetersburg, Russia
«... но не могу не выразить горячего желания видеть Вас в Твери...»: Письма И.А. Иванова С.Ф. Платонову (1915-1916 гг.)	123 "... but I cannot but express my ardent desire to see you in Tver ...": Letters to I.A. Ivanova S.F. Platonov (1915-1916)
Панасенко В.В. г. Краснодар, Россия	V.V. Panasenko Krasnodar, Russia
Три Сочинских виадука	149 Three Sochi viaducts
Шевцова А. А. г. Краснодар, Россия	Shevtsova A.A. Krasnodar, Russia
Церковь Спаса на Нередице в Новгороде: история создания и восстановления национального памятника	158 Church of the Saviour on Nereditsa in Novgorod: history of creation and restoration of the national monument

УДК 908

Киселев Михаил Юрьевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук
Москва, Россия
e-mail: kiss_RAN@mail.ru

КРАЕВЕДЕНИЕ И НАУКА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Аннотация. В статье представлена информация о хранящихся в Архиве Российской академии наук материалах Первого совещания по краеведению, проведенного Отделением изучения природы СССР Биологического института им. А.К. Тимирязева 15 декабря 1924 г. На совещании выступили Боссе Г.Г. с докладом «Очерк истории развития краеведческой работы», Перов С.С. с докладом «Проблема краеведения и принципы краеведческой работы» и другие. Участники совещания по краеведению в 1924 г. понимали краеведение с точки зрения, отличающейся от его современного понимания. Наряду с критикой любительского академизма и дилетанства дореволюционных краеведческих организаций, они, в условиях разрухи после гражданской войны, предлагали уделить значительное внимание изучению природных ресурсов страны. С другой стороны, их пристальное внимание к привлечению широких масс трудящихся в краеведческие организации, заслуживает самой высокой оценки, поскольку была предпринята попытка, как ликвидации неграмотности, так и привлечения к изучению истории различных регионов страны. Постановка вопросов краеведения в научном учреждении является еще одним небольшим штрихом в изучении истории краеведения в России. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории краеведения и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Ключевые слова: история, краеведение, Ботанический институт, совещание, архив, Российская академия наук

Для цитирования: Киселев М.Ю. Краеведение и наука: к истории вопроса. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 08-17.

Mikhail Yu. Kiselev

Federal State Budgetary Institution of Science

Archive of the Russian Academy of Sciences

e-mail: kiss_RAN@mail.ru

Moscow, Russia

LOCAL STUDIES AND SCIENCE: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

Abstract. The article provides information on the materials stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences of the First meeting on local history conducted by the Department for the Study of Nature of the USSR Biological Institute named after A.K. Timiryazeva December 15, 1924. At the meeting, G.G. Bosse spoke with the report "Essay on the history of the development of local lore work", S.S. Perov with the report "The problem of local history and the principles of local history work" and others. The participants in the meeting on local history in 1924 understood local history from a point of view that was different from its modern understanding. Along with criticism of amateur academism and amateurism of pre-revolutionary local history organizations, they, in the conditions of devastation after the civil war, proposed to pay considerable attention to the study of the country's natural resources. On the other hand, their close attention to attracting the masses of working people to local history organizations deserves the highest praise, since an attempt was made both to eradicate illiteracy and to involve in studying the history of various regions of the country. The formulation of local history issues in a scientific institution is another small stroke in the study of the history of local history in Russia. The information provided will expand the source study base on the history of local history and can be used for educational and research purposes.

Keywords: history, local history, Botanical Institute, meeting, archive, Russian Academy of Sciences

For citation: Kiselev M.Yu. Local studies and science: to the history of the question. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 08-17. (In Russ., abstr. in Engl.).

Архив Российской академии наук (РАН) остается одним из старейших ведомственных архивохранилищ и крупнейшим информационным центром России по истории отечественной науки и культуры XIX-XXI вв. Среди документальных комплексов сохранился фонд Биологического института им. К.А. Тимирязева Коммунистической академии ЦИК СССР, который в 1924-1930 гг. носил название Государственного научно-исследовательского института по изучению и пропаганде научных основ диалектического материализма Народного комиссариата просвещения РСФСР. В структуре института было организовано Отделение изучения природы СССР, которое 15 декабря 1924 г. провело Первое совещание по краеведению [1, л. 5-15].

На совещании выступил руководитель Отделения популяризации и пропаганды института Боссе Г.Г. с докладом «Очерк истории развития краеведческой работы». Докладчик отмечал, что в условиях новой экономической политики и хозяйственной разрухи РСФСР необходимо более чем когда-либо обратить серьезное внимание на краеведение, «понимаемое в смысле всестороннего изучения

края, и как задачу не только просветительскую, но и чисто хозяйственную – изучение производительных сил страны». Он констатировал, что краеведческие исследования в других странах характеризовались «планомерностью и систематичностью», обусловленные высоким культурным уровнем их населения, развитием «любительства, поощряемого государством», сетью частных, общественных и государственных научно-исследовательских институтов и большим количеством ученых, «менее обремененных преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях» [1, л. 5].

По мнению ученого, в России до революции государство препятствовало развитию «любительской науки и противодействовало образованию свободных научных объединений». Преподаватели высших учебных заведений, перегруженные педагогической работой и предпочитавшие исследование общих вопросов, исследовали особенности отдельных территорий медленно и односторонне. «Любители, распыленные по громадной территории России, среди малокультурного населения, без доступного оборудования, вдали от книгохранилищ, работали не согласовано, над случайными темами и часто отсталыми методами исследования» [1, л. 5].

Боссе Г.Г. отмечал, что после Октябрьской революции новые государственные органы и их местные организации развернули научно-исследовательские работы без планов и системы, в результате чего наблюдался «широкий параллелизм в работе, непроизводительная растрата научных сил и средств, беспорядочное накопление и использование собранных материалов» [1, л. 5]. В целях активизации краеведческой работы и более эффективного распределения средств и научных сил в 1922 г. была проведена Первая конференция по краеведению: по докладу Боссе Г.Г. было принято решение о создании Центрального бюро краеведения (ЦБК) при Академии наук и Народном комиссариате просвещения. ЦБК должно было установить связь с народными комиссариатами для решения вопросов о ее участии в распределении средств на проведение экспедиций, помощи краеведческим обществам, «установлении связи краеведческих работ со школьным преподаванием естествознания и с политико-просветительской работой» [4].

По мнению докладчика, ЦБК «по целому ряду причин и прежде всего в силу своего персонального состава (чисто академического) оказалось совершенно неспособным активно руководить краеведческими работами, в особенности в области спайки его с просветительской работой и вовлечения в краеведческую работу широких масс» [1, л. 5]. Он сообщал, что на II Конференции по краеведению было принято решение о направлении работы краеведческих обществ в сторону сосредоточения внимания на изучении производительных сил и сближения со школьной и просветительской внешкольной работой и вовлечения в краеведческую работу рабочих и крестьян.

Боссе Г.Г. объяснял необходимость и целесообразность участия института в краеведческой работе следующим понятием краеведения: «Понятие краеведения чрезвычайно гибко и часто под ним понимают или местную географию (родиноведение) или собрание всякого рода исследований лишь территориально связанных с данным районом. С моей точки зрения краеведение надо и можно понимать лишь как комплекс всех элементов лито- и гидро- и био- и атмосферы» [1, л. 5].

По его мнению, новый состав ЦБК должен проводить политику введения этих принципов в жизнь, прежде всего в пропаганде указанного подхода к краеведению, его задачам и методам. Он предлагал местным ячейкам и «сочленам-корреспондентам» проводить на местах работу по комплексному краеведению в целях: изучения производительных сил района; обеспечения школ возможностью

на местном доступном материале изучать основные закономерности естественно-научного материализма; использования знаний населением местной природы для того, чтобы «на этих бытовых знаниях построить пропаганду материализма и вовлечения рабоче-крестьянских масс в кружки краеведения» [1, л. 5]. Совецание постановило: считать оценку истории и постановку краеведческой работы, выраженные в выступлении Боссе Г.Г., правильными.

В своем докладе «Проблема краеведения и принципы краеведческой работы» руководитель Отделения изучения природы России института Перов С.С. отмечал, что краеведение в условиях советского строя приобретало преимущественную важность как основа для планомерного развития производительных сил страны и как способ привлечения широких масс рабочих и крестьян «в дело научной организации производства. По его мнению, «над краеведением до сих пор висит тяжелое наследие прошлого», которое выразилось в следующем.

Общества краеведения были центрами прогрессивных сил для борьбы с царизмом, однако после Октябрьской революции они стали центром консервативных сил, защищающих буржуазный строй. «Гробокопательство было прежде наиболее модным занятием чиновников царизма в краеведческих обществах; одобренное ультраконсервативным духом прежних историко-археологических комиссий, осталось в целом ряде краеведческих организаций современности» [1, л. 6]. Любительский академизм и дилетанство были присущи работникам краеведческих организаций в области естествознания – «этот метод не изжит и в настоящее время». Напуганные пролетарской революцией, краеведы все дальше уходили от жизни, ряды их пополнялись деятелями науки, для которых неприемлема реформа научных учреждений и школы, и бывшими политическими деятелями, «ищущими тихого, но влиятельного пристанища». Массы, особенно рабочих и крестьян-бедняков, «отодвинуты» от краеведческой работы, «краеведение аристократируется, замыкается в цеховые (своеобразные) формы» [1, л. 6].

По мнению Перова С.С. при организации краеведческой работы на первое место должны быть выдвинуты естественно-исторические исследования. Историко-археологическая и историко-литературная работа «при отсутствии марксистского подхода к ней должна быть удалена из работ по краеведению». Он предлагал: разработать типовой устав краеведческого общества; пересмотреть список и состав краеведческих обществ с тем, чтобы это название носили только действительно краеведческие организации.

Докладчик предлагал в основу будущей работы по краеведению положить следующие принципы:

1. Подходы к краеведению должны быть «сугубо материалистичны и практичны и подготовить почву» для научной, производственной и школьной деятельности.

2. В основе всех исследований должно лежать понятие производительных сил страны.

3. Естественно-исторические изыскания, играя первостепенную роль, «не должны замыкаться в рамки академизма».

4. Изучение края должно проводиться с промышленным уклоном, а статистико-экономические работы «(с марксистским уклоном) должны составлять стержень» работ по краеведению.

5. Необходимо разработать методы нового типа исследований и наблюдений «вполне доступных массам», особенно рабочим и беспартийному крестьянству.

Сообразно этому должна быть изменена и организационная структура краеведческих обществ, «фактом подчинения их плановым органам края и обязатель-

ной увязки» с партийными, профессиональными, крестьянскими организациями и союзом молодежи. Учебные заведения должны составлять ячейки краеведения на местах; самое действенное участие в работе по краеведению должны принять учащиеся и сельская интеллигенция, в частности «учительство». Совещание постановило: предложения Перова С.С. принять за основу при реформе организации краеведческого дела.

Смирнов П.А. выступил с докладом «Краеведение в Центральной промышленной области», в котором отметил крайне малую изученность «главнейших производительных сил края – лесов и лугов» и отсутствие удовлетворительного геоботанического описания леса региона. Совершенно не исследованы с геоботанической точки зрения луга реки Москвы, изучены отдельные участки лугов рек Волги и Оки, имелись предварительные сообщения о лугах реки Клязьмы, но они не опубликованы. Центральная промышленная область (ЦПО) по степени изученности естественных производительных сил отставал от ряда других областей республики. Краеведческие организации ЦПО, по мнению докладчика, за немногими исключениями, уделяли мало внимания исследованию производительных сил, занимаясь больше отдаленными от центра районами.

Смирнов П.А. отмечал значительные успехи в изучении растительности Московской губернии, ссылаясь на капитальный труд Сырейщикова Д.П. [5]. Он указывал, что автор внес в изданный оригинал много «дополнений и усовершенствований»; к тому же книга являлась библиографической редкостью. Вполне своевременным докладчик считал переиздание книги, которая, благодаря своей универсальности, имела большое значение не только для Московской губернии, «но и для более обширного района, в известном смысле для всего СССР».

Для «проведения идей краеведения в крестьянство и рабочую массу» Смирнов П.А. считал важным использовать, прежде всего, «учительство». По его мнению, «лекции и книжки являлись мало действительным средством для популяризации краеведения. Необходимы в первую голову экскурсии с учителями среди самой живой природы. Только таким способом можно избежать инертности и охлаждения к краеведческой работе». Он предлагал составить очерки отдельных местностей ЦПО «не академического типа, а самого популярного, доступного широкому читателю» [1, л. 6].

Содокладчиком к докладу «Краеведение в ЦПО» выступил Ласточкин Д.А. на тему «Изучение естественной истории Иваново-Вознесенской губернии». Исследования проводились в отношении фауны (беспозвоночные и рыбы), флоры, водоемов, почвы, вредителей сельского хозяйства. Насущной необходимостью являлось изучение геологии края, которой уделялось мало внимания. В области организации краеведческой работы достигнута договоренность о проведении с соседними губерниями в феврале [1925 г.] по согласованию исследовательских планов, разработке и изданию программ краеведческих исследований. В краеведческую работу вовлекается студенчество; приступили к изданию руководств по проведению экскурсий.

В резолюции совещания указывалось: связаться с Ассоциацией по изучению производительных сил ЦПО и «выдвинуть перед ней необходимость планомерного подхода к изучению основных производительных сил области – лугов и лесов»; разработать карту ЦПО с указанием всех районов, изученных в краеведческом отношении; принять все меры к переизданию работы Сырейщикова Д.П. «Иллюстрированная флора Московской губернии» [1, л. 7].

На совещании Смирнов П.А. выступил с сообщением «Геоботанические исследования лугов реки Оки в Московской губернии в 1923-1924 гг.». Он обследо-

вал экскурсионным путем весь московский участок реки Оки и детально изучил район у села Лужки Серпуховского уезда и села Белые Колодези Коломенского уезда. Сделаны описания заливных лугов и отчасти лесов вторых берегов. Осмотрены водоразделы, окружающие реку Оку, и сделан маршрут Ока-Венев; изучены склоны по реке Осетру в Веневском уезде Тульской губернии. Найдены несколько новых видов растений, характерных для Московской и Тульской губерний и один новый для науки вид валерианы. Проведена экскурсия с учителями Серпуховского уезда по лугам реки Оки. Ученый представил некоторые сведения о происхождении Окской флоры Московской губернии [1, л. 13] .

На совещании выступил член президиума Союза обществ и организаций по изучению Центрально-Черноземной области (ЦЧО) профессор Козо-Полянский В.М. с докладом «Краеведческая работа в ЦЧО с момента организации Союза краеведов». Докладчик отмечал, что областная конференция в июле 1924 г. считала насущной задачей «современного краеведения изучение производительных средств каждого угла республики на предмет их наилучшего использования в интересах ее благосостояния. По его мнению, современная краеведческая работа должна обладать следующими свойствами: «равномерным распределением, согласованностью, связью с планированием и регулированием народного хозяйства». Для достижения этого необходимо создание «равномерно распределенных, связанных и согласованных рабочих ячеек, что не может быть осуществлено без реализации широкого и рационального инструктирования и создания соответствующей литературы по краеведению». Президиум Союза признал необходимым разработку программ-инструкций, программ комплексного типа и специальных программ («дифференцированных программ»); ряд программ разработан и подготавливается к публикации.

Что касается опорных пунктов, то школы и политические пункты, по мнению ученого, должны использовать краеведческий материал «для пропаганды новой идеологии и обновления приемов преподавания вообще и принести большую пользу в качестве очагов краеведческой агитации и инструктирования, равно как и сбора свежего материала». Значение краеведения для школы уже оценено по достоинству, хотя и односторонне – «краеведческий материал ценится как материал «живой и предметный», а не как база для пропаганды материалистического мировоззрения». Он считал, что на очереди стоит задача использования школы для краеведения, идущая вслед «за созданием аппарата инструктирования».

Докладчик указывал на необходимость издания «образцов, иллюстрирующих, что должно получиться в результате проработки программ». Такие образцы, по мнению Президиума Союза, должны быть в виде «конкретных обработок или путеводителей». В докладе освещены причины «нерациональности» издания краеведческой хрестоматии ЦЧО. Сообщалось об издании в области первого номера журнала «Краеведческая работа», подготовке книги «Труды по районированию», выходу в свет хрестоматия «Орловский край», брошюры Хитрово [В.Н.] «Краеведение и школа», подготовке в Курске краеведом Васильковым пособия «Наш Край», проведении губернских краеведческих конференций в Тамбове и Курске. Козо-Полянский В.М. высказал убеждение, что краеведческая работа в ЦЧО «не только носит достаточно-актуальный характер, но вместе с тем стремится удовлетворить запросы современной новой жизни» [1, л. 9-10] .

На совещании выступал Гордеев В. с «Информацией о работе Секции краеведения студенческого геологического кружка при I Московском государственном университете». Секция возникла зимой 1924 г. и поставила своей задачей «сов-

местно с местными органами народного хозяйства выяснение природных богатств и их ближайшего использования в Центральной промышленной области (ЦПО), ведя параллельную работу агитации и массового ознакомления с задачами краеведения среди местного населения» [6]. По поручению Ассоциации по изучению производительных сил ЦПО четыре члена секции под руководством сотрудника Геологического комитета проводили геологическое обследование окрестностей г. Рязани: материалы обследования переданы в Ассоциацию и областной музей ЦПО, где коллекционная часть обрабатывается студентами – членами секции.

Гордеев В. сообщал, что самостоятельно под руководством студентов старших курсов проводилась геологическая съемочная работа в восточной и северной частях Московского уезда, южных и западных частях Звенигородского и Воскресенского уездов: в результате внесены поправки в карту послетретичных наносов Московской губернии Розанова [Ю.А.]. Этой же группой студентов проведен осмотр и исследование около 400 колодцев Московского уезда с целью выяснения их гигиенического состояния. Проведен химический анализ воды в Лаборатории Народного комиссариата здравоохранения: сводный материал при изучении источников дал предварительную схему залегания водоупорной глины – марены на некоторых участках уезда, имевший практическое значение для решения вопросов усовершенствования водоснабжения поселков.

По поручению организаций, проектирующих строительство мостов через реку Клязьма в Богородском уезде проведено обследование геологического строения берегов реки в районе Павлова-Посада: установлены 8 буровых скважин, что позволило изучить динамику размыва рекой берегов с целью выяснения характера технических сооружений на реке. По просьбе крестьян села Покровско-Булякова Бронницкого уезда произведено геологическое обследование района в целях решения вопроса по водоснабжению. Совместно с Ассоциацией по изучению естественно-производительных сил ЦПО проведена геологическая и гидрогеологическая съемка восточной части Каширского уезда.

В части просветительской работы докладчик сообщал, что члены секции установили контакты с учителями Звенигорода, Воскресенска и Крюково, оказывая практическую помощь в создании местных музеев и школьных краеведческих организаций. Планировалось организовать шефство над местной краеведческой организацией в Крюково. Члены секции проводили беседы «среди крестьян в целях втянуть их в краеведческую работу» [1, л. 12].

В своем докладе «Пять лет ботанического исследования Иваново-Вознесенской губернии» Пчелкин В.М. сообщал, что планомерное и систематическое исследование губернии началось с 1920 г., со времени образования Научного института по изучению природы местного края. При этом он указывал, что ботанические сведения, полученные по наследству от тех губерний, частями которых была создана Иваново-Вознесенская губерния, были «весьма скудны и отрывочны, то же можно сказать и о музейном материале». По информации Пчелкина В.М., проведено изучение растительных сообществ заливных лугов рек Уводи и Волги, лесов, озер и болот губернии: в систематический гербарий включено 15000 экземпляров, в гербарий по растительным сообществам – 2700 экземпляров.

Для губернии установлено 800 видов, которые расположены по системе Энглера [А.Г.Г.] и представляли 419 родов и 85 семейств; 65 видов являлись впервые установленными для губернии и 68 видов, культивируемыми в пределах губернии. Дальнейшей задачей ботанического исследования докладчик считал изучение растительности Макарьевского и Кавергинского уездов, которые были присоединены к губернии в 1921-1922 гг., а также приступить к изу-

чению сорной растительности полей и огородов. Он считал необходимым принять меры к охране как целых участков растительности, так и отдельных ее видов, «интересных с фитогеографической точки зрения (организация заповедников)» [1, л. 13-14].

В своем докладе «О почвенных исследованиях в Нижегородской области» Серебряков В.П. указывал, что необходимость изучения почвы губернии связана с увеличением территории губернии почти в два раза [3]. Кроме этого он указывал, что со времени изучения профессором Докучаевым В.В. почвы губернии прошло более 40 лет, в то время как наука о почвах «значительно ушла вперед и наши представления о почвообразовательном процессе и об отношениях между жизнью растений и почвенными условиями совершенно не те, что были во второй четверти XIX в.». На почвенной карте губернии, составленной Докучаевым В.В., нанесены черноземные и болотные почвы, все остальные почвы нанесены по механическому составу их первых природных горизонтов: в результате не представлялась возможность давать заключение о типе почвы.

В основу работы ученых положен принцип изучения почвы в природе системой профильных линий в широтных направлениях; при этом учитывались все факторы процесса почвообразования, принимавшие участие в сложении почвы. На основании полученного ботанического исследования планировалось составить новую почвенную карту Нижегородской губернии, при этом будут приняты во внимание следующие факторы: геологические процессы, слагающие материнские породы почвы, рельеф местности, климатические условия и биологические факторы процесса почвообразования с точки зрения исторического хода его развития.

В процессе полевых почвенных исследований, проведенных летом 1924 г., взято более 5 тыс. почвенных образцов и более 100 монолитов, на территории губернии сделано более 2500 почвенных разрезов. Материалы исследований изучались на кафедре почвоведения Нижегородского государственного университета. Планировалось продолжить исследования летом 1925 г.: собрать дополнительно 4,5 тыс. почвенных образцов и 100 монолитов.

Интересным представляется информация докладчика об отношении крестьянских масс к почвенным исследованиям. Серебряков В.П. отмечал, что крестьянство проявило большой интерес к производимой работе и «наша работа, направленная в сторону поднятия производительных сил губернии, встретила большое сочувствие, вполне критическое и сознательное отношение» [1, л. 14]. Он приводил следующий факт: на сельском сходе в селе Ягубовка Сергачевского уезда ему был задан вопрос о целях исследований только научное или и практическое. В случае практического характера работы было обещано полное содействие, тогда как для работы чисто научного характера крестьяне «отказывались уделить много времени». Обычно после сельского схода ученые отправлялись в поле вместе с крестьянами и производили почвенный разрез, при этом разрешались вопросы практического характера – глубине вспашки, характере удобрений и т.п. Ученые посещали самые глухие и отдаленные уголки губернии, «куда мы с трудом пробирались за отсутствием и неисправностью дорог. В некоторых глухих деревнях нас принимали даже за предшественников антихриста, когда мы выступали с проповедью о переходе к улучшенным формам хозяйства». Но, после того, как ученым удавалось убедить крестьян, что они такие же люди, как они, «надо было видеть с каким жадным вниманием они ловили каждое наше слово» [1, л. 15]. Все эти факты, по мнению докладчика, характеризовали «высокую сте-

пень интереса крестьянских масс к почвенным исследованиям и настоятельную необходимость разрешить злободневные вопросы деревни».

В заключение отметим, что отличительной чертой российского краеведения первой трети XX столетия была тесная неразрывная связь с Академией наук. В первые годы советской власти краеведческое движение развивалось более быстрыми темпами, чем в дореволюционный период и превратилось в важное явление общественной жизни страны. Именно оно открывало представителям российской интеллигенции возможность проявить творческую инициативу. Особое место в государственной политике отводилось провинциальным музеям, которые в большом количестве появлялись в первые годы советской власти. Данное явление находилось в тесной взаимосвязи с задачами сохранения культурного наследия, подразумевая тем самым активное участие последних в краеведческом движении.

Моральная поддержка, оказываемая краеведческим организациям, способствовала укреплению работ этих учреждений и делала ее более результативной - в этом состоит положительное значение государства в развитии краеведческого движения. Однако, материальная помощь на протяжении всех 1920-х гг. и, особенно, в начале рассматриваемого периода, была незначительной. Настороженное отношение государства ко всем общественным организациям, тяжелое экономическое положение, и связанный с ним переход на принцип самокупаемости, ставший одним из столпов новой экономической политики, весьма негативно отразился на всех научно-исследовательских организациях. Не имевшие возможности получать средства на свои нужды, общества по изучению местного края зачастую шли на выполнение разного рода работ - геологические изыскания, конъюнктурные экономические исследования по заданиям плановых органов.

Укрепление государства во второй половине 1920-х гг. отразилось на отношении власти к краеведению, в котором определенное значение сыграло фактическое свертывание Новой экономической политики (НЭП), которое началось в 1927 г., повлекшее за собой наступление на демократические институты советской России. На III краеведческой конференции от краеведов потребовали включиться в дело социалистического строительства и установления тесной связи с советскими и партийными органами [2].

Участники совещания по краеведению в 1924 г. понимали краеведение с точки зрения, отличающейся от его современного понимания. Наряду с критикой любительского академизма и дилетанства дореволюционных краеведческих организаций, они, в условиях разрухи после гражданской войны, предлагали уделить значительное внимание изучению природных ресурсов страны. С другой стороны, их пристальное внимание к привлечению широких масс трудящихся в краеведческие организации, заслуживает самой высокой оценки, поскольку была предпринята попытка, как ликвидации неграмотности, так и привлечения к изучению истории различных регионов страны. Современное краеведение - это изучение своей «малой» Родины: её природы, этнографии, материальной и духовной культуры, быта; это не только предмет образования, но и знания, необходимые каждому уважающему себя человеку. Постановка вопросов краеведения в научном учреждении является еще одним небольшим штрихом в изучении истории краеведения в России. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории краеведения и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 356. Оп. 1. Д. 31.
2. 2.Бюллетень III Всероссийской конференции по краеведению. М., 1927. №№ 1-6.
3. 3.Культурное строительство в Нижегородской губернии (1917 - 1927 гг.): Документы и материалы. Горький, 1988.
4. 4.Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6. С. 535-541.
5. Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии / под ред. А.Н. Петунникова. Части 1-4. М., 1906-1914.
6. 6.Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

REFERENCES

1. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). F. 356. Op. 1. D. 31. (In Russ.)
2. 2.Bulletin of the III all-Russian conference on local history. Moscow, 1927. No. 1-6. (In Russ.)
3. 3.Cultural construction in the Nizhny Novgorod province (1917-1927): Documents and materials. Gorky, 1988. (In Russ.)
4. 4.Sobolev V. S. Academy of Sciences and local history movement. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2000. Vol. 70. No. 6. Pp. 535-541. (In Russ.)
5. Syreishikov D. P. Illustrated flora of Moscow province. ed. Petunnikov. Parts 1-4. Moscow, 1906-1914. (In Russ.)
6. 6.Filimonov S. B. Historical and local history materials of the archive of societies for the study of Moscow and the Moscow region. Moscow, 1989. (In Russ.)

Информация об авторе: Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архив Российской академии наук, 117218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34
e-mail: kiss_RAN@mail.ru
Москва, Россия

Поступила: 30.01.2020

После доработки: 13.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Kiselev Mikhail Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Accounting and Document Security, Federal State Budgetary Institution of Science Archive of the Russian Academy of Sciences, 117218, Moscow, ul. Novochemushkinskaya, 34
e-mail: kiss_RAN@mail.ru
Moscow, Russia

The paper was submitted: 30.01.2020

Received after reworking: 13.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 355.425.4 (477.75 (093) «1941 / 1944»

Иванов Вячеслав Александрович

Государственное бюджетное учреждение Республики Крым

«Центральный музей Тавриды»

г. Симферополь, Республики Крым

e-mail: slavik1855@gmail.com

**АНТИНАЦИСТСКОЕ ПАРТИЗАНСКО-ПОДПОЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ В КРЫМУ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.**

Аннотация. В статье рассматривается анализ освещения проблемы антинацистского Движения Сопротивления на территории Крыма в годы Второй мировой войны. Накануне 75-летия Победы в Великой Отечественной войне изучение действий советских партизан и подпольщиков в тылу немецко-румынских войск становится особенно актуальным. В период пребывания Крыма в составе Украины фактически была свернута работа по исследованию крымского партизанского движения, так как основное внимание уделялось проблемам оккупационного режима, «национально-освободительной борьбе» украинского народа против советского и нацистского тоталитарных режимов, и в тоже время полностью игнорировался фактор всенародного подвига народов Крыма в борьбе с немецко-румынскими оккупантами. В настоящей публикации уделяется значительное внимание комплексному историографическому анализу достижений советской, российской и зарубежной исторической науки в изучении различных аспектов деятельности партизанско-подпольного Движения Сопротивления в Крыму с 1944 г. по 2019 г. Указываются на результаты и просчеты, которые возникли при рассмотрении проблемы в научном сообществе. Выявлена роль и значение партизанско-подпольного Движения Сопротивления в Крыму в историографическом дискурсе.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Крым, партизаны, подпольщики, Движение Сопротивления, историография.

Для цитирования: Иванов В.А. Антинацистское партизанско-подпольное Движение Сопротивления в Крыму: историография проблемы. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с.18-41.

Vyacheslav A. Ivanov

State Budget Institution of the Republic of Crimea «Central Museum of Tavrida»
 Simferopol, Republic of Crimea
 e-mail: slavik1855@gmail.com

**ANTI-NAZI GUERRILLA AND UNDERGROUND RESISTANCE MOVEMENT
 IN THE CRIMEA: THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM.**

Abstract. The article considers the analysis of coverage of the problem of the anti-Nazi Resistance Movement on the territory of the Crimea during the Second World War. On the eve of the 75th anniversary of the Victory of the Great Patriotic War, the study of the actions of Soviet partisans and underground workers in the rear of the German-Romanian troops is becoming especially relevant. During the stay of the Crimea as a part of Ukraine, research of the Crimean partisan movement was actually curtailed, as the main attention was paid to the problems of the occupation regime, the «national liberation struggle» of the Ukrainian people against the Soviet and Nazi totalitarian regimes, and at the same time, the factor of nationwide exploit and the fight of Crimean peoples against the German – Romanian invaders was completely ignored. This publication pays considerable attention to a comprehensive historiographic analysis of the achievements of Soviet, Russian and foreign historical science in studying various aspects of the activities of the guerrilla-underground resistance movement in Crimea from 1944 to 2019. The results and miscalculations that arose when considering the problem in scientific community take place. The role and significance of the partisan-underground resistance movement in the Crimea in historiographic discourse is revealed.

Keywords: Second World War, Crimea, partisans, underground, Resistance movements, historiography.

For citation: Ivanov V.A. Anti-Nazi guerrilla and underground Resistance Movement in the Crimea: the historiography of the problem. *Cultural landscape of the regions*. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 18-41. (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение (Introduction)

Среди событий Второй мировой войны важное место занимает антинацистское Движение Сопротивления на оккупированной гитлеровской Германией территории, которое до сих пор остается предметом дискуссий и различного рода конфронтаций. В исторической науке стран СНГ, Западной Европы, Северной Америки нет единого мнения и подхода к интерпретации проблеме участия советских партизан в европейском Движении Сопротивления. В частности, западно-европейская историография трактует действия советских партизан и подпольщиков исключительно как подготовленные и скорректированные партийно-политической системой Советского Союза разведывательно-диверсионные отряды, задача которых не только состояла в уничтожении живой силы противника, разрушения линии коммуникаций, баз снабжения, но и восстановлении советского строя на оккупированной территории, а также расширении влияния коммуни-

стических идей за пределы границ СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Советская историография решительно отвергала мнение западноевропейской исторической мысли и трактовала партизанское движение как «борьбу советского народа против фашистских захватчиков на временно оккупированной территории СССР, главной формой которой были вооруженные действия партизан и подпольщиков. Партизанское движение было важным фактором в достижении победы над фашистской Германией и её союзниками. Оно развернулось на всей оккупированной территории и имело невиданный в истории размах и результативность. В тылу врага за время войны действовало свыше 1 млн. партизан и многотысячная армия подпольщиков» [5, с. 234]. При этом советская историческая наука, указывала на тот факт, что «вдохновителем и организатором героической борьбы в тылу врага была Коммунистическая партия» Советского Союза [4; 6; 14; 15; 25]. Под руководством партийных организаций советские партизаны и подпольщики должны были советский народ вести вооруженную партизанскую борьбу, саботаж всех мероприятий немецких оккупационных властей, дезорганизовывать работу оккупационного аппарата, проводить политическую работу по разложению войск противника и другие способы подрыва боевых и моральных сил армии Третьего Рейха и их союзников [14, с. 119-120]. Общие задачи и директивы борьбы с немецко-нацистскими оккупантами были сформулированы в специальной директиве СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июля 1941 г., где определялись «наиболее целесообразные формы организации партизанских сил, средства и способы действий против захватчиков» [5, с. 234]. Это директива было дополнена постановлением ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 г., где уже были определены более конкретные задачи, которые ставились перед советским партизанским движением и подпольем, и пути решения их [15, с. 125].

Цели и задачи.

В настоящем исследовании перед автором стоит цель проанализировать научное изучения проблемы советского антинацистского Движения Сопротивления на территории Крымского полуострова в годы Второй мировой войны, выявить достижения и просчеты отечественной и зарубежной историографии в исследовании аспектов партизанского и подпольного движения, показать фактор подвига народов Республики Крым в борьбе против немецко-румынского оккупационного режима. Цель достигается путем выполнением следующих задач:

- проанализировать историографические исследования, посвященные партизанско-подпольному движению в Крыму в годы Второй мировой войны;
- переосмыслить проблему социальных и национальных отношений на полуострове, выявлены новые факты и свидетельства об управлении, структуре и организации партизанско-подпольного Движения Сопротивления в Крыму в научных трудах исследователей;
- выявить роль отечественной историографии в процессе изучения проблемы партизанского и подпольно-диверсионного Движения Сопротивления в противодействии немецко-румынскому оккупационному режиму;
- раскрыть фактор влияния нацистской оккупации полуострова на обстоятельства формирования борьбы населения Крыма в борьбе против оккупантов;

- выяснить значение ввода в научный оборот неопубликованных источников и прочих материалов для исследования проблемы партизанско-подпольной борьбы населения Крымского полуострова в годы Второй мировой войны.

Материалы и методы.

В настоящей публикации применяются типологический и историко-системный методы историографического изучения. Первый метод состоит в познании по принципу от единичного к особенному, а затем а – к общему и всеобщему. Он предполагает способность распознать индивидуальное через принадлежность к общему, и, напротив, увидеть общую закономерность в разрозненных проявлениях единичного. историко-системный метод предполагает цельный, комплексный подход к изучаемой реальности.

Обзор литературы.

С вхождением Крыма в состав Российской Федерации вопрос изучения партизанско-подпольного движения в Крыму стал более актуальным. Российские ученые получили доступ к документам и материалам, доступ к которым утратили в связи с распадом Советского Союза. По ряду различных причин тема партизанско-подпольного движения на Крымском полуострове не пользовалась популярностью в российской академической среде. Это объяснялось рядом факторов: 1) Крым рассматривали как часть Украины, и естественно, освещались лишь (однако далеко не полностью) военные операции 1941–1942 гг., 1944 г., связанные с общей военной историей Великой Отечественной войны; 2) Вопросы сотрудничества с врагом, коллаборационизма на территории Крымской АССР в годы нацистской оккупации полуострова 1941–1944 гг., 3) Депортации народов Крыма по обвинению в сговоре с «немецко-фашистскими захватчиками (именно на этом фокусировала внимание украинская историография в контексте общих причин изучения советской тоталитарной системы; 4) Архивы Автономной Республики Крым и г. Севастополя (на март 2014 г.) фактически не использовались российскими учеными в своих научных работах, связанных с военной историей полуострова в годы Великой Отечественной войны; 5) Работ зарубежных исследований, посвященных проблеме крымского партизанского движения очень мало. При этом особое внимание зарубежных авторов приковано к т. н. «восточным легионам» нацистской Германии, среди которых выделялись части, сформированные из уроженцев Кавказа, Поволжья, Центральной Азии и Крыма.

Партизанская борьба на территории Крымского полуострова началась в ноябре 1941 г. и продолжалась до апреля 1944 г., когда войска противника были изгнаны за его пределы [41, с. 203-207; 36, с. 44]. Историю партизанского движения в Крыму в историографии принято делить на три периода. Различие состояло в характере руководства советским партизанским и подпольным движением: 1) ноябрь 1941 г. – октябрь 1942 г.; 2) октябрь 1942 г. – июнь 1943 г.; 3) июль 1943 г. – апрель 1944 г.[4, с. 74] Имеется и другая периодизация советского партизанского Движения Соппротивления в Крыму, предложенная в частности исследователем В.Е. Поляковым (г. Симферополь) и которая включает в себя 5 периодов: 1) подготовительный – 28 октября 1941 г. – 1 ноября 1941 г.; 2) становление – ноябрь 1941 г. – ноябрь 1942 г.; 3) кульминация – ноябрь 1942 г. – ноябрь 1943 г.; 4) завершающий – ноябрь 1943 г. – 20 апреля 1944 г.; 5) обобщающий – май 1944 г. – февраль 1946 г.[39, с. 51] Отличие ее от т. н. «классической схемы» заключается как в наличие подготовительно, так и заключительного периода, который, а так-

же в расширении временных границ 2-го периода с июля до октября, то есть к массовому партизанскому движению.

На первом этапе советские партизаны и подпольщики оказывали содействие десантам Красной Армии на Керченском полуострове и гарнизону осажденного Севастополя, на втором – крымские партизаны действовали в глубоком тылу, причем со значительными потерями от противодействия немецких и румынских оккупационных войск. Третий этап характеризовался тем, что крымские партизаны значительно укрепили свою связь с Большой землей, наладилась поставка оружия, средств связи.

Кроме того, выделим ряд факторов, в которых происходило противостояние советского Движения Сопротивления с немецкими и румынскими оккупационными войсками на территории Крыма: 1) руководящая роль советских партийных органов власти, многонациональный состав населения полуострова, добровольный принцип комплектования партизанских отрядов (впрочем здесь среди научного сообщества Крыма наблюдается полемика, которая заключается в том, что многие жители оккупированного полуострова, бывшие военнопленные, интернационалисты-антинацисты не по своей воле оказались в составе советских партизанских отрядов и в подполье, а по воле случая или непредвиденных обстоятельств, так как не все из них (крымские немцы, татары и другие) поддерживали политику советской власти); 2) катастрофически недостаточное обеспечение продовольствием, недостаток лекарств, амуниции, снаряжения, оружия, отсутствие связи с Большой землей до высадки Керченского десанта; 3) военно-географические и природно-климатические условия полуострова (ограниченная территория лесного массива, наличие в горах населенных пунктов, превращенных в годы в опорные пункты с целью противодействия партизанской угрозе), климат полуострова, представляющий угрозу в виде недостатка питьевой воды летом – осенью, и холодными и влажными зимами (недостаток теплой одежды); 4) Игнорирование организаторами партизанского движения социально-демографических и этнических условия полуострова, характеризующиеся использованием немецкой оккупационной администрацией этих противоречий с целью контрпартизанских операций в 1941–1944 гг. Наиболее многочисленными этносами Крымского полуострова являлись русские и украинцы (до 60 % по состоянию на 1939 г.), крымские татары (около 20 %), крымские немцы, евреи, караимы, болгары, крымчаки, греки и армяне [25, с. 41]. Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война 1917–1920 гг., политика насильственной коллективизации, политических репрессий привели к отрицательному отношению в целом политике советских властей. Это привело к тому, что оккупационная администрация Третьего Рейха умело воспользовалась данными противоречиями для борьбы с советским Движением Сопротивления в Крыму, что естественно отразилось на успехе антинацистской борьбе на полуострове в целом.¹

После окончания Второй мировой войны, практически сразу начали выходить труды по истории партизанско-подпольного движения на территории Крыма (1941–1944 гг.). В первую очередь это были воспоминания бывших участников Движения Сопротивления, командиров, политработников, членов подпольно-патриотических организаций: И.В. Вергасова, Ф.Ф. Волончука, И.Г. Генова, Н.Д. Лугового, И.А. Козлова, П.В. Макарова, М.А. Македонского, Ф.И. Федоренко[7; 8; 10;

¹ Спецсообщение Л. П. Берии – И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову о работе оперативно-чекистских групп по «очистке» Крымской АССР от «антисоветского» элемента // ГА РФ. Ф. 9401 сч. Оп. 2. Д. 64. Л. 385-389.

19; 20; 21; 22; 26; 27; 44]. Во всех перечисленных книгах, кроме труда Ф.И. Федоренко, изданного в конце «перестройки», присутствует заидеологизированность, преувеличена роль партийно-административного аппарата, заинтересованного лишь в субъективной подаче фактов, превозносится значение Коммунистической партии в разгроме немецко-румынских оккупационных войск. Так, в очерке Н.Д. Лугового, отмечалось следующее: «Вдохновителем и организатором партизанского движения, как и всей борьбы советского народа против фашизма, явилась Коммунистическая партия. Партия разработала общий план партизанской борьбы в тылу врага, она цементировала ряды партизан, посылая в отряды десятки и сотни тысяч коммунистов. Централизовав руководство действиями партизан, партия сделала партизанское движение составной частью всенародной борьбы против гитлеровских захватчиков» [19, с. 120-121]. Ничего не пишет Н.Д. Луговой в своем очерке о разногласиях среди партизанского руководства, царившей атмосфере недоверия и нарушения партийной дисциплины. В книге «Побратимы» о событиях 1941–1942 гг. нет вообще никаких данных, только лаконичная запись: «выстояли народные мстители с врагами и на следующем этапе партизанской войны – зимой 1942–1943 годов. В этот, еще более тяжелый для крымских партизан период, они отразили многочисленные атаки карателей и, переживая блокаду, преодолевая голод и лишения, нанесли новые удары по врагу» [21, с. 7]. Лишь в 2004 г. был опубликован личный дневник комиссара Северного соединения партизан Крыма Н.Д. Лугового, долгое время хранившиеся в Государственном Архиве Республике Крым (ГАРК) (бывший Крымский Областной Партийный Архив (КОПА)), который представляет несомненный интерес для исследователей, поскольку он показывает в несколько ином ракурсе, чем предыдущие работы автора, борьбу крымских партизан и подпольщиков против немецко-румынских оккупантов. В частности, он пишет о постоянных конфликтах с командующим крымским партизанским движением А. В. Мокроусовым: «Все стрелы гнева Мокроусова почему-то направлены в одну мишень – в адрес руководства Зуйского отряда. Чем это вызвано? Чем мы так прогневили своего командующего? Почему он не захотел даже слушать нас, не дал Андрею изложить свое сообщение, перебил, когда тот хотел доказать, что действуем мы силами всего отряда, ходим с отрядом на операции? Мне вовсе не дал слова. В чем дело?! Откуда такая предвзятость и нетерпимость? ...А вечером – новый удар: по приказу Мокроусова арестованы Александр Мизько и Семен Мозгов, командир и политрук второй группы. Нам ничего не сказано, и я пошел к командующему. Разговора опять не получилось». [22, с. 79, 82] В иных записях дневника Н.Д. Луговой в открытую критикует А.В. Мокроусова как командира, ставя под сомнения его способность руководить партизанским движением: «...Отстранение Литвиненко, председателя райисполкома, одного из организаторов отряда, вожака, которому доверили свои судьбы сотни людей – конечно же, не на пользу отряду. Да и всему партизанскому движению тоже не мед от этих унтерпришибеевских замашек Мокроусова: от разгрома руководства Джанкойского отряда (без каких-либо оснований); от частой смены командиров и комиссаров других отрядов, о чем идут сведения со всех концов партизанского Крыма... Кому-кому, а комиссару партизанского движения надо бы задуматься над этим, критически проанализировать и, увидев пагубный вред ее, прекратить избивание партийных и командных кадров. Мартынов же, по всему видно, очень далек от такой истинно комиссарской позиции; он слепо следует за Мокроусовым и выглядит, скорее, верноподданным адъютантом, чем комиссаром, представителем партии. ...Да, Мартынов не видит пороков мокроусовского руководства, Мартынов – не тот комиссар, который обуздав мокроусовщи-

ну, сделал бы из Мокроусова современного партизанского вожака. Не тот! Но что делать нам, остальным комиссарам? Всем коммунистам? Не идти же в кильватере за Мартыновым, как Мартынов плывет за Мокроусовым?» [22, с. 89-90]. Распри о которых свидетельствует Н.Д. Луговой возникли частично зимой 1941–1942 гг. по вопросам снабжения и централизованного командования. А.В. Мокроусов пытался восстановить железную дисциплину, но принятые им меры, не принесли должного результата. Исходя из дневниковых записей Н.Д. Лугового, можно также заключить, что взаимоотношения и между другими командирами, политработниками, сотрудниками госбезопасности оставляли желать лучшего. Это вносило разлад в работу партизанского движения и свидетельствовало о том, что о единой консолидации и дисциплинированности среди руководителей антинацистского сопротивления не было, в отличие от той, которую комиссар Н.Д. Луговой изображает в своих опубликованных воспоминаниях, выдержавших три издания. Несомненно, партийная цензура корректировала выпуск в печать научных трудов руководителей и рядовых членов крымского партизанского движения, однако нужно признать также и то, что в работах создавался образ «героических и бесстрашных патриотов, борющихся с немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками», весьма далекий от того, каким он изображался на страницах книг, брошюр, газет, энциклопедий и справочников.

Одной из первых работ, посвященных борьбе крымских партизан, были книги Е.Н. Шамко [46; 47; 48; 49; 50]. Она были написана по «горячим следам», когда в печати только начали появляться немногочисленные воспоминания, очерки, статьи участников советского партизанского движения. Особый интерес вызывает издание «Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг.» Монография носит явный идеологический подтекст, высказывая тенденцию о непобедимости и «несокрушимой прочности социалистического общественного и государственного строя, единства и дружбы советского народа, нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства». Хотя научная работа Е.Н. Шамко вышла в самый разгар хрущевской «оттепели», в ней отсутствует какая-либо критика в адрес И.В. Сталина. Автор широко тиражирует миф о массовом предательстве «крымских татар», утверждая, что немецкое командование «в деревнях горно-лесной части создавало полицейские формирования, в которые широко вербовало татарских буржуазных националистов, бывших кулаков, уголовных лиц». Якобы именно благодаря этому факту, так как вышеуказанные добровольцы были из числа местного населения и отлично знали местность, советское партизанско-подпольное движение в Крыму претерпело ряд неудач в борьбе против немецко-румынских оккупационных войск. Советские командиры и политработники показаны исключительно в положительном ракурсе, с отсутствием каких-либо претензий на их счет, что весьма далеко от истины. Автор создает идеалистичные образы, далекие от действительности, командуемого партизанским движением в Крыму А.В. Мокроусова, комиссара Центрального штаба партизанского движения в Крыму С.В. Мартынова, командиров отрядов М.И. Чуба, А.Д. Махнева, И. И. Пахомова, Б. Б. Городовикова, И.Г. Генова, М.А. Македонского и других. Неудачи партизан в борьбе против немецко-румынских войск объяснялись исключительно предательством крымскотатарского народа, поддавшегося на нацистскую пропаганду. В монографии Е.Н. Шамко преувеличена роль советского партизанского движения в Крыму. Подчеркивалась исключительное значение Коммунистической партии, «строгая, сознательная дисциплина», интернационализм, «великая дружба советских народов». К достижениям работы нужно отметить ввод широкого

круга источников и личностный опыт Е.Н. Шамко, как участницы партизанского движения.

В отличие от издания 1959 г. в брошюре Е.Н. Шамко, вышедшей в серии «Героическое прошлое нашей Родины» [49], информация о деятельности крымских партизан и подпольщиков была дополнена с учетом документов Крымского областного партийного архива, Центрального архива Министерства Обороны СССР (ныне ЦАМО РФ), воспоминаний и статей участников партизанского движения и подполья в Крыму – И.З. Вергасова, И.А. Козлова, Е.П. Степанова, Н.Д. Лугового, С.И. Становского, Г.Л. Северского, М.А. Македонского, И.Г. Генова, сводок Совинформбюро, газеты «Правда», «Красная звезда», «Красный Крым» и других источников. Однако, под сомнение задекларированные нормы сложившегося исторического описания крымского Движения Сопротивления Е.Н. Шамко не ставит. Несомненно, данная работа представляет научную ценность, однако она уступает предыдущей, написанной по т. н. «горячим следам» монографии ранних лет. Автор по-прежнему тиражирует мысль о массовом предательстве крымских татар, которые, по ее мнению, «хорошо знали местность и служили проводниками отрядов карателей, участвовали в боях против партизан» [49, с. 13], впрочем, признавая, что в т. н. «полицейских формированиях вербовали бывших преступников и кулаков» [49, с. 12]. Заслуженной Е. Н. Шамко является разработка хронологии партизанско-подпольного движения в Крыму, который она разделила на три периода: 1) ноябрь 1941 г. – июль 1942 г. – оказание максимальной помощи Красной Армии во время обороны Севастополя и десантных операций; 2) июль 1942 г. – осень 1943 г. – партизанская борьба в тылу врага до занятия позиций Красной Армией на Перекопе и Керченском полуострове; 3) октябрь 1943 г. – май 1944 г. – увеличение роста численности партизанских отрядов, массированные удары по противнику, тесно связанные с наступательными операциями Красной Армии [49, с. 13-14]. Важное значение в своей брошюре Е. Н. Шамко уделяет подпольным организациям Крыма, которые способствовали дезорганизации войск противника и переходу ряда солдат немецко-румынских оккупационных частей на сторону партизан. Кроме того, как считает Е.Н. Шамко, это стало возможным благодаря активной пропагандистско-агитационной работе, которую проводили советские подпольщики [49, с. 136-137].

Некоторый интерес представляет путеводитель [50] по местам боев советского партизанского движения в годы Второй мировой войны, также написанный Е.Н. Шамко. Задачей исследовательницы было рассказать о некоторых аспектах партизанской борьбы, связанных с ними памятниками и памятными местами, расположенные на популярных туристских маршрутах. В середине 1960-х – 1980-х гг. в СССР формируется «героический и священный образ победы в Великой Отечественной войне», что проявлялось, в первую очередь в организации массового туристического движения по местам «боевой славы» (боевых операций, разведывательно-диверсионных рейдов антинацистского Движения Сопротивления на территории СССР и социалистических стран). В УССР, в первую очередь, такими регионами военно-патриотического туризма были Полесье, Карпатские и Крымские горы. Собственно говоря, Е.Н. Шамко, указывает в путеводителе на новые памятники, установленные обелиски и не учтенные на момент выхода книги (1976 г.) места, связанные с партизанско-подпольным движением в Крыму. Работа опирается на личный опыт автора участия в партизанском движении в Крыму, а также свидетельства очевидцев и ее соратников по антинацистскому Движению Сопротивления – В.И. Никанорова, П.Р. Ямпольского, Н.А. Клемпарского, Н.К. Котельникова (бюро секции бывших партизан и подпольщиков Крыма),

Ш.Л. Огегьяна, Д.А. Резника, Г.К. Рябошапко, Л.И. Яблонского), бюро секции Белогорского района.

Освобождению Правобережной Украины и Крыма в годы Второй мировой войны посвящена работа А. Н. Грылёва. Она представляет собой военно-исторический очерк о 10 основных наступательных операциях Красной Армии на Правобережной Украине и отдельную операцию, касающуюся разгрома немецко-румынских войск в Крыму в январе–мае 1944 г. Автор дает краткий анализ роли партизанского движения на территории Крыма накануне и во время проведения Крымской наступательной операции 1944 г. [11, с. 3] По замыслу советского командования, крымские партизанские соединения М.А. Македонского, М.В. Селимова (Южное соединение), П.Р. Ямпольского, Н.Д. Лугового (Северное соединение), В.С. Кузнецова, Р.Ш. Мустафаева (Восточное соединение), получали задачу разгрома тыла противника, уничтожения узлов и линий связи, отдельных участков железных дорог, устраивать завалы и засады на горных дорогах, и стремиться не допустить разрушения нацистами в рамках применения стратегии «выжженной земли» городов, промышленных предприятий и железных дорог [11, с. 223]. Так, Южное партизанское соединение должно было непрерывно воздействовать на Ялтинский порт и нарушить его работу, с целью противодействия эвакуации немецких и румынских войск по Черному морю, – отмечает А. Н. Грылев [11, с. 225]. При проведении наступательной операции, подчеркивает А. Н. Грылев, партизанские соединения нанесли серьезный удар с тыла по врагу у Карасубазара (Белогорск; 5-я партизанская бригада Ф.С. Соловья), Алушты (4-я партизанская бригада под командованием Х.К. Чусси). Тем не менее, заметим, что в общем А.Н. Грылев уделяет значительно большую роль освещению Крымской наступательной операции, чем взаимодействию партизан с частями Красной Армии, видимо считая это второстепенным вопросом, не требующим особого внимания, а его пассаж о воздействии партизан на работу Ялтинского морского порта даже не нуждается в комментариях.

В 1987 г. в разгар «перестройки» появляется на свет научное издание военного историка А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне»[4], в которой одна из глав была посвящена советскому партизанскому Движению Сопротивления в Крыму. Научная новизна работы А.В. Басова состояла в том, что он впервые на конкретных примерах привел факты коллаборационизма не только крымских татар, а и отдельных групп крымских греков, болгар и т. д. Впервые в работе А.В. Басова, на значительном фактическом материале репрезентована, деятельность националистических комитетов, которые были организованы нацистами в Симферополе и их значение для организации немецко-румынскими оккупантами противодействия партизанским операциям и диверсиям подпольщиков. В частности, А.В. Басов подчеркивал активное использование немецкими спецслужбами т. н. «Армянского национального комитета» (И. Х. Игитханов, Дрокономян), «Болгарского национального комитета» (Средов, Бунжуков, Шолокиев, Белпчев), заостря внимание читателя не только на аспекте проблемы крымскотатарского коллаборационизма [4, с. 208]. Доступность ранее засекреченных архивных партийных и военных документов, ослабевание цензурно-административного контроля над прессой, периодикой и научными публикациями, сделало возможным выход из печати работы А.В. Басова. Однако, ко всему прочему сказанному, заметим, что ряд советских идеологических установок автор последовательно придерживается, умалчивая о «белых пятнах» военной истории Крыма в годы Второй мировой войны [4, с. 200, 207]. Тем не менее публикация научной монографии А.В. Басова

была весомым прогрессом в анализе различных аспектов партизанско-подпольного Движения Сопротивления в Крыму.

О противостоянии немецкой оккупационной политике на территории Крыма написан ряд работ, среди которых следует выделить труды В.Е. Полякова, О.В. Романько, С.Н. Ткаченко [39; 40; 42; 43]. Для книг В.Е. Полякова характерен анализ противостояния крымских партизан гитлеровским захватчикам в контексте существенного отличия оккупационного режима в Крыму, под руководством Альфреда Фрауенфельда, генерального комиссара Генерального округа Крым (Таврия в Рейхскомиссариате Украина (1 сентября 1942 г. – май 1944 г.)). Автор, опираясь на архивные фонды Государственного Архива Автономной Республики Крым (ныне ГА Республики Крым), российских архивов (ГАРФ, РГАСПИ, ЦАМО РФ), источники личного происхождения (в т. ч. неопубликованные на сегодняшний день), показывает через ретроспективу источников и историографии действия партизанских отрядов в Крымских горах и лесных массивах, а в городах и поселках полуострова – боевых групп антинацистского движения Сопротивления. Большое внимание В.Е. Поляков уделяет специфике политического, этнического и национального аспектах в контексте противостояния нацистской оккупации в Крыму [39, с. 150-323]. Кроме того, В.Е. Поляков в коллективном сборнике «Крым: путь сквозь века. История в вопросах и ответах» призывал украинское научное сообщество (сборник готовился на рубеже 2013–2014 гг.) уделить внимание проблеме Крыма в годы Второй мировой войны, а особенно партизанско-подпольному движению, с целью понять специфику проблемы национальных отношений на полуострове [24, с. 319-324, 325-327]. К Что стало его успешно защищенной докторской диссертацией.

Монография О.В. Романько [40] рассматривает целый ряд аспектов, связанных в первую очередь с национальными отношениями на территории Крыма в период нацистской оккупации, используя обширный архивный материал Крыма, Украины, Российской Федерации, Польши и Федеративной Республики Германия. Для этой работы характерно то, что основной упор сделан на использование гитлеровской оккупационной администрацией в Крыму национального вопроса, как ключевого фактора влияния контроля над территорией полуострова, как «непотопляемого авианосца» Третьего Рейха, имеющего важное геополитическое, стратегическое и военное значение в планах нацистов. Советское партизанское движение, по мнению автора, использовалось в качестве ответной меры на политические, военные и экономические программы, реализованные немцами в Крыму. Важное значение, как отмечает О.В. Романько, имел тот факт, что фактически украинское националистическое движение, не имело того рычага контроля, которое ей удалось установить над большей частью территории Украины в борьбе за контроль над местным населением. По его мнению сложная динамика взаимоотношений наблюдалась между россиянами, крымскими татарами, крымчаками, караимами, крымскими греками в период гитлеровской оккупации [40, с. 256-266]. Однако, следует отметить, что историк О.В. Романько в значительной мере более исследует аспекты нацистской оккупации Крымского полуострова и сотрудничества с врагом различных национальных групп, по различным причинам, оказавшимся в рядах гитлеровских войск в годы Второй мировой войны. Фактор участия тюркских и кавказских новобранцев Третьего Рейха в качестве перебежчиков на стороне советского партизанского движения в Крыму им не рассматривается.

В ряде своих работ крымский военный историк С.Н. Ткаченко [16; 42; 43] уделяет внимание такому важному аспекту истории Движения Сопротивления в

Крым, как взаимодействие советской авиации и крымских партизан. Этот фактор показан как уникальное историческое явление; выделены периоды в организационном и институциональном развитии действий регулярных сил авиации в интересах крымского партизанского движения на региональном уровне. Автор продемонстрировал широкий развернутый анализ спектра историографии по исследуемой проблеме, где получила детальное отражение концепция влияния природно-географических условий Крыма и технических условий на развитие взаимодействия авиации и партизанского Движения Сопротивления. Кроме того, С.Н. Ткаченко в целом создал условия для написания целостной картины деятельности советского партизанского движения в Крыму, задействовав целый ряд документальных материалов, с помощью которых он переосмыслил ход борьбы партизан Крыма с нацистскими оккупантами и коллаборационистами. Однако, в коллективной работе, где С.Н. Ткаченко выступает соавтором, которая посвящена деятельности центральных и республиканских органов НКВД-НКГБ в партизанской и подпольной работе на территории Крымского полуострова в 1941–1944 гг., явно преувеличивается значение советских спецслужб на влияние действий партизанского движения и антинацистского подполья в тылу врага. С авторами можно согласиться, что «партизанское движение в годы Великой Отечественной войны развивалось не стихийно, а исходя из последовательных действий» [43, с. 368]. Но тот факт, что «деятельность... сотрудников органов безопасности в годы войны была весьма многогранной. ...вели активную разведку и контрразведку, совершали диверсии, проводили политическую работу среди населения, выполняли иные специальные задания» [43, с. 369] не соответствует действительности. Многие антинацистские организации на территории Крыма, не имели поддержки с Большой земли, как в случае с их коллегами из Белоруссии, Украины и северо-западной части РСФСР. Кроме того, умалчивается факт участия крымских чекистов в политических репрессиях, как против явных врагов и приспешников нацистов, так и мнимых. Во многом эта позиция и обусловила массовые депортации народов Крыма в мае – июне 1944 г.

Пребывание Крыма в составе Украины оставило свой след в изучении крымского партизанского Движения Сопротивления. Работы А.В. Мальгина, В.Е. Полякова, О.В. Романько, С.Н. Ткаченко [28; 39; 40; 16; 42; 43] достаточно широко освещают данный вопрос. Однако, заметим, что труды О.В. Романько главным образом фокусируют внимание на освещении аспектов коллаборационизма, этнических и национальных процессов, нацистского оккупационного режима, С.Н. Ткаченко общие военно-исторические проблемы, частично связанные с партизанско-подпольным движением в Восточном Крыму (Феодосия, Керчь, Керченский полуостров). На сегодняшний день изданиями, полностью посвященным партизанской тематике являются работы А.В. Мальгина и В.Е. Полякова, проливающих свет на дискуссионные и проблематичные вопросы анализа широкого спектра антинацистского Сопротивления на территории Крымского полуострова. Впрочем, исследователя В.Е. Полякова критиковали за достаточно «либеральный подход» к вопросу об участии крымских татар в антипартизанских операциях нацистской Германии. Ученый считает, что этот вопрос заидеологизирован и политизирован, и представителей крымскотатарского народа и по сей день беспочвенно обвиняют в массовом сотрудничестве с Третьим Рейхом. Но, к сожалению, все перечисленные научные труды игнорируют аспект антинацистского Движения Сопротивления в северном Крыму (Ак-Мечетский, Ак-Шейхский, Джанкойский, Колай-

ский району). Несмотря на тот, факт, что природно-климатические условия не позволяли здесь развернуть значительное партизанское движение, все же, уроженцы степных районов Крыма создали ряд подпольно-патриотических групп, которые героически боролись с немецко-румынскими оккупантами. Образовался некий историографический пробел, который частично проанализирован в публикациях, и выпущенной пол ее редакцией сборника документов и материалов историка-краеведа из пгт. Черноморское Г. Н. Овчинниковой [32; 33; 34; 38]. Опираясь на значительное количество источников, устные свидетельства участников подполья и членов их семей, ей удалось восстановить историческую справедливость. Были обнаружены материалы, свидетельствующие об активной подпольной деятельности уроженцев Ак-Мечети (пгт Черноморское в годы войны), их участия в формировании Ак-Мечетского партизанского отряда.¹ Однако, в отношении других районов Республики Крым, на сегодня, таких детализированных работ нет. Сложная картина наблюдается в отношении Ак-Шейхского (ныне Раздольненский) района: отдельных дел, которые могли бы пролить свет на картину антинацистского подполья, в ГАРК не обнаружено. А исследования на эту тему не выходят далее работ местных краеведов, публицистов и журналистов, но отнюдь не серьезных исследователей.

А.В. Мальгин уделил в своей книге [28] главное внимание анализу ситуации, которая сложилась в Крыму в период нацистской оккупации 1941–1944 гг., когда часть местного населения перешла на сторону немецко-румынских войск. Цель издания этой работы заключалась в том, чтобы способствовать консолидации в крымском обществе и утвердить общие справедливые оценки событий прошлого, с разработкой общей платформы, так необходимого крымскому обществу. Как считает автор, советское партизанское руководство оказалось перед своего рода дилеммой, относительно того, какую же позицию выбрать в отношении т. н. «татарского вопроса». Советские партизанские отряды в Крыму, были заблокированы немецкими частями, активно использующих подразделения, сформированные из представителей различных этносов Крыма, среди которых одну из ведущих мест занимали именно представители крымскотатарского народа. Ученый считает, что советское партийное руководство своим решением от 18 ноября 1942 г. переломило ход общественно-политической дискуссии касательно взаимоотношений с татарским населением полуострова, ранее воспринимавшим крымских партизан исключительно либо нейтрально, либо враждебно. «С осени 1943 г. до апреля 1944 г. в партизанские отряды перешли более пятьсот крымских татар, большей частью из добровольческих батальонов, многие из них храбро воевали на этапе освобождения Крыма от немецко-румынских войск. Для усиления этого процесса обком и созданный летом 1943 г. Крымский штаб партизанского движения направил в лес целый ряд ответственных работников из крымских татар» [28, с. 88] Этим, суммирует А.В. Мальгин, решением, подкрепленным активными действиями партизан и победами Красной Армии на советско-германском фронте, была разрушена база коллаборационизма, что стало одним из составляющих аспектов в ходе борьбы за Крымский полуостров в 1944 г.

О вкладе представителей крымскотатарского народа в Победу над германским нацизмом в Крыму посвящена работа ученого Р.А. Музафарова [31], материалы для которой он собирал в течение 20 лет. Задача, которая стояла перед иссле-

¹Материалы о деятельности подпольщиков Черноморского / Ак-Мечетского/ района в период оккупации 1944–1946 гг.// ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 90.

дователем – развенчать советские идеологические мифы относительно сотрудничества крымских татар с гитлеровскими оккупантами. Р.А. Музафаров акцентировал внимание на детальном изучении немецко-румынской оккупации Крыма, мононациональном составе партизанских отрядов и подпольных организаций, сражающихся с нацистами и их пособниками. Заметим, однако, что представленная книга, не является научной монографией, где присутствует гипотеза и собственная позиция автора. Вместе с тем труд Р.А. Музафарова заслуживает внимания, так как там дается весьма подробный статистический анализ относительно динамики численности партизанских отрядов Крыма и подпольных групп. Интересен представленный читателю подбор источников, который использовал Р. А. Музафаров – 1) материалы печатных СМИ (в частности, касающиеся освещения судебных процессов 1960-х – 1970-х гг. на немецкими оккупантами и коллаборационистами; 2) архивный материал из фондов бывшего партийного архива Крымской области (ныне ГАРК), хранилища Научного архива Института российской истории РАН, документы Центрального архива Министерства Обороны (ЦАМО РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), материалы Комиссии по делам бывших партизан из Центрального государственного архива общественных объединений Украины (ЦГАООУ); 3) материалы из музейных фондов Республики Крым; 4) неопубликованные источники – личные дневники партизан, журналы боевых действий отрядов, сводки Совинформбюро, личная переписка Р. А. Музафарова с руководителями и рядовыми участниками партизанского движения [31, с. 7].

Работе Штаба партизанского движения в Крыму посвящена публикация А.А. Алексеева и И.О. Федорова [1]. Исследователи подчеркивают, что крымским партизанам приходилось сражаться в сложных природных условиях и сильном противодействии нацистской оккупационной администрации, сумевшей организовать из числа местного населения антипартизанские части, блокирующие горные тропы и пункты снабжения Движения Сопротивления. Однако мы не можем согласиться с рядом утверждений авторов, в частности утверждающих, что в национальные отношения на полуострове характеризовались тем, что «не менее важным фактором, который очень осложнял деятельность партизан стало проявление частью местного населения положительного отношения к оккупантам. Татары видели в них не захватчиков, а, наоборот, освободителей от «большевистского ига». По всему Крыму проводились радостные встречи вражеских войск с различными подарками. Кроме того, оккупантам удалось подтолкнуть жителей, проявлявших к ним симпатию на настоящий грабеж как продовольственных, так и материальных точек партизан, что привело к тяжелым последствиям и население полуострова, и партизан». Это псевдонаучный миф, «кочующий» из одного издания в другое. По мнению ряда крымских историков, в коллаборационистском движении Крыма принимали участие русские (сочувствующие РОА А.А. Власова, РОНА К.П. Воскобойника и Б.В. Каминского), украинцы (ОУН (м), ОУН (б), отрядам «самообороны», «украинской национальной милиции»), вооруженные подразделения Азербайджанского Легиона, Армянского легиона из числа бывших советских военнопленных РККА. Численность крымскотатарских коллаборационистских формирований не превышала 11 000 человек, кроме того два отряда из этих подразделений были расквартированы в Херсоне и Николаеве (Рейхскомиссариат Украина), находясь на значительном расстоянии от Крыма [45]. Большинство крымскотатарского населения восприняли приход нацистов нейтрально, при

этом оставаясь недовольными политикой большевиков накануне Второй мировой войны. Преувеличенные слухи о массовом коллаборационизме крымских татар послужили поводом для массовой депортации населения Крыма в период с 18 мая до 27 июня (кроме крымских татар были депортированы крымские греки, болгары, армяне и другие национальные меньшинства полуострова. Кроме того, многие представители крымскотатарского народа героически сражались на фронтах Второй мировой войны с гитлеровским нацизмом и их союзниками, к примеру, дважды Герой Советского Союза лётчик-ас Амет-Хан Султан, Герой Российской Федерации (2014 г.) Абденанова Алиме, резидент отдела разведки штаба Приморской армии, погибшая от пыток нацистской службы безопасности, но не выдавшая товарищей и военные секреты немецкому командованию, более 2 тысяч крымских татар в годы войны были удостоены правительственных наград. [19; 31].

Е.А. Волковская [8, с. 55-59] акцентирует внимание на разведывательно-диверсионной деятельности крымских партизан и подпольщиков, показывая насколько значимым был вклад Движения Сопротивления в Крыму в победу над нацизмом: «...крымскими партизанами было уничтожено 29 383 фашистских солдат, взято в плен 3727 захватчика, истреблено 3277 предателей. В результате удачно реализованных партизанами диверсий также уничтожено 122 800 м телефонно-телеграфных линий связи и 6600 м высоковольтных электролиний» [8, с. 59]. Ученая отмечает, что крымские партизаны и подпольщики сражались в исключительных условиях, так как «и если в западных регионах страны в связи со стремительным продвижением оккупантов вглубь страны времени на создание партизанских отрядов практически не было, то на Крымском полуострове подготовка к возможной оккупации началась с первых дней войны и продолжалась вплоть до фактической оккупации полуострова (за исключением города Севастополя) 24 октября 1941 г.» [8, 56]. Автор приходит к выводу, что «крымские партизаны своими активными боевыми действиями оказали неоценимую помощь войскам Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), сковывая действия немецких оккупантов и нанося им огромный ущерб, уничтожая живую силу и материальные ресурсы» [8, с. 59]. Однако дискуссионным остается ее утверждение, явно под влиянием советской историографии, что «сила партизанского движения заключалась в том, что оно носило общенародный характер. Население помогало «народным мстителям», порой ценой собственной жизни» [8, с. 59]. В случае Крыма, наблюдалась противоположная ситуация, так как сложная этнодемографическая и социальная обстановка, советские и нацистские репрессии, привели к тому, что до весны 1944 г. немецкая оккупационная администрация, в отличие от Украины, Белоруссии и России не тратила значительные ресурсы на подавление крымского Движения Сопротивления, поэтому крайне трудно оценить степень угрозы советского партизанского движения немецким коммуникациям в Крыму.

В контексте анализа феномена коллаборационизма в западных и юго-западных областях России в годы Второй мировой войны, уделяет свое внимание Крымскому полуострову и новгородский историк Б.Н. Ковалев [17; 18]. Ученый рассматривает различные аспекты деятельности нацистских административных органов, формирование вспомогательных воинских частей и полицейской службы из числа местного населения и советских военнопленных, политику национал-социалистов в сфере экономики, идеологическую обработку населения оккупированных территорий. Б.Н. Ковалев пользовался материала-

ми Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хранящихся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), и Крым им разбирается лишь частично, для комплексного понимания функционирования администрации оккупационного режима Третьего Рейха,

В историографии западных стран можно выделить ряд работ, ставших классическими: Ч. О. Диксона, О. Гейльбрунна (Великобритания, ФРГ), Дж. Армстронга (США), Н. Мюллера (ГДР) [10; 2; 3; 30] и др. Западные историки провели гигантскую работу по подбору материала из хранилищ ФРГ, США, Великобритании, сделав упор на подробном анализе целей и задач противоборствующих сторон и подвели итог эффективности действий советских нерегулярных вооруженных сил. Заметным достижением ученых стало выделение еврейского антинацистского движения из общей массы европейского Движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Общая ценность подобных исторических исследований состояла в том, что автора не только приводили обширный фактический материал, свидетельствующий об активной роли гитлеровского вермахта в массовом уничтожении населения СССР, экономическом ограблении оккупированных областей, проведение в жизнь осуществлении политики «выжженной земли» во время отступления немецких войск, после Сталинградской битвы, а и попытке реконструировать советское партизанское движение и выяснить его значимость в разгроме Третьего Рейха. В отличие от европейского Движения Сопротивления, советские партизаны представляли собой организованное и сплоченное под руководством Коммунистической партии и органов госбезопасности организацию, обладающую значительной боеспособностью. Учитывая, что период написания большинства работ пришелся на активные фазы «холодной войны», нетрудно понять стремление западных исследователей к феномену советских народных мстителей в контексте недавно закончившейся борьбы в тылу гитлеровских захватчиков.

Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн [10], в своей работе, ставшей к нашему времени уже классической, анализируют действия советских партизан и контрмеры, которые применяло немецкое военное командование и оккупационная администрация [10, с. 61-66, 153-175]. Нас интересует в первую очередь Крымский полуостров, и каким образом западные аналитики видели борьбу советского Движения Сопротивления и гитлеровских оккупантов. Исследователи подчеркивают, что первым немецким военачальником, «принявшим практические и действенные меры в отношении» советских партизан и подпольщиков, был командующий 11-й армией Э. фон Манштейн [29]. Нацистский командующий разработал целую схему, которая включала в себя целых 9 пунктов контрпартизанской борьбы, среди которых были «ликвидация уже обнаруженных многочисленных партизанских отрядов; создания штаба по борьбе с партизанами во главе с майором генерального штаба Стефанусом; сбор сведений о действиях партизан в армейском районе; проводить действия против партизан в пределах указанных участков; создавать надлежащую организацию по борьбе с партизанами из надежных местных жителей и тайных агентов; организовывать непосредственное взаимодействие штабов, корпусов и дивизий в тех случаях; когда возникает необходимость проведения действий на стыках их участков в борьбе с партизанами; готовить и проводить в армии пропагандистские мероприятия против партизан; всем штабам оказывать всемерную поддержку штабу по борьбе с партизанами, а также используемым им зондеркомандам и армейским подразделениям, предоставляя в их рас-

поряжение необходимые резервы и вооружение; всем части и подразделения армии по-прежнему должны принимать меры защиты от налетов партизан, немедленно атаковать и уничтожать мелкие партизанские отряды, обнаруженные вблизи расположения войсковых частей; Следует иметь в виду, что уже были случаи, когда партизаны появлялись переодетыми в немецкую форму или же в женское платье; штабы корпусов должны сообщить, какое количество солдат со знанием русского языка может быть выделено ими в распоряжение штаба по борьбе с партизанам» [10, с. 154-155]. Согласно приказу Э. фон Манштейна органы СД формируют крымскотатарские роты самообороны по 100 человек в каждой в следующих пунктах: в Карасубазаре, Бахчисарае, Симферополе, Ялте, Алуште, Судак, Старом Крыму и Евпатории общим количеством 16 и 5 казачьих отрядов (впрочем, такие отряды были ненадежны и согласно приводимому Ч. О. Диксоном и О. Гейльбрунн источнику: «в 1943 году один из таких отрядов взбунтовался и перебил всех немецких унтер-офицеров. После этого казачьи отряды были оперативно расформированы». Официальная советская военная историография подчеркивает, что активные действия крымского Движения Сопротивления зимой 1941–1942 гг. привели к тому, что они создали серьезную угрозу для немецких и румынских оккупационных войск на главных транспортных коммуникациях полуострова [15, с. 353]. Этот факт подчеркивает и сам Э. фон Манштейн в своих мемуарах: «...В Крыму с самого начала развернулось мощное партизанское движение, доставлявшее нам немало хлопот... Партизанское движение в Крыму готовилось заранее. В недоступных горах Яйлы партизаны имели убежища и подготовленные склады продовольствия и боеприпасов, к которым трудно было подступиться. Базируясь на них, они пытались блокировать немногочисленные дороги. Как раз во время освещаемых здесь событий, когда обстановка была очень напряженной и даже все румынские горные войска были брошены на фронт, партизаны представляли собой серьезную угрозу. Временами движение по дорогам было возможно только с конвоем. Вообще партизаны, как и всюду на востоке, вели боевые действия с чрезвычайным вероломством и жестокостью. Они не уважали никаких норм международного права. Для защиты своих войск, а также и мирного населения нам не оставалось ничего другого, как поступать с каждым пойманным партизаном по законам военного времени. Какую опасность они собой представляли и как хорошо была подготовлена их организация, проявилось особенно ярко в критические дни начала января» [29, с. 267-268]. Немецкий генерал-фельдмаршал откровенно лукавит в своих воспоминаниях, вина партизан в исключительной жесткости и нарушении правил и обычаев войны, которую сами нацисты и не пытались соблюдать. Ч. О. Диксон и О. Гейльбрунн фактически же соглашаются в своей книге с суждениями немецкого генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна, считая, что в отношении партизан и подпольщиков он не преступал границы правил ведения войны [10, с. 109-110].

В 1960-е гг. под руководством профессора Висконсинского университета Дж. А. Армстронга появляются на свет ряд книг, посвященных советскому партизанскому Движению Сопротивления и «украинскому вопросу» в годы Второй мировой войны [2; 3]. В первую очередь нас интересуют первые работы американского исследователя. В отличие от советских заидеологизированных научных трудов, эти издания отличались знанием материала (естественно доступных американскому ученому), обстоятельностью, насыщенностью ранее неизвестных фактов, но относительно Крыма информации там было написано крайне мало.

Значительный фактический материал приводит в своем научном трактате сотрудник Института военной истории бывшей ГДР Н. Мюллер [30]. В частности, он приводит в своей книге свидетельство об активной роли вермахта в массовом уничтожении населения оккупированной территории СССР и анализирует причины и характер экономического ограбления оккупированных областей СССР (в т. ч. и Крымской АССР), осуществления преступной политики «выжженной земли» во время отступления гитлеровских войск под ударами Красной Армии.

Результаты исследования и обсуждение.

Заключение.

Таким образом, мы проанализировали ряд основных работ, посвященных антинацистскому партизанскому и подпольному Движению Сопротивления в Крыму и выявили ряд аспектов:

1) Историографические исследования, посвященные партизанскому движению в Крыму пережили своеобразную эволюцию от массовой героизации и возвеличивания руководящей роли Коммунистической партии, феномена массового героизма простых советских людей, до развенчивания исторических мифов о действиях советских партизан и подпольщиков. В то же время вскрытые факторы причин и следствия коллаборационизма на территории полуострова являются дискуссионной проблемой в историографии антинацистского Движения Сопротивления в Крыму;

2) Распад СССР дал возможность рассекретить партийные и военные архивы советского руководства, благодаря чему в исторической науке появилось ряд исследований, посвященной боевым операциям советских партизан и подпольщиков в Крыму. Переосмыслена проблема социальных и национальных отношений на полуострове, выявлены новые факты и свидетельства об управлении, структуре и деятельности ранее засекреченных партизанских соединений и групп, более глубоко показана картина взаимоотношений советских партизан и местного населения в годы нацистской оккупации;

3) Отечественная историография получила возможность более открытого доступа к достижениям зарубежных коллег, занимающихся в частности проблемой советского Движения Сопротивления, в том числе и на территории Крымского полуострова;

4) С новой точки зрения интерпретированы факторы нацистской оккупации полуострова и сформулированы методы и подходы к исследованию этой научной проблемы. В самой Республике Крым, фактически сформировались несколько научных школ, занимающихся данной проблематикой (Симферопольская, Феодосийская, Керченская, Севастопольская, Черноморская). Уникальность настоящих научных работ состоит в различных точках зрения на вопрос роли представителей этносов Крыма в антинацистском Движении Сопротивления (крымских татар, армян, греков, болгар и др.);

5) Стали доступными к научному использованию ранее засекреченные архивные материалы из хранилищ Республики Крым, Российской Федерации, Украины, которые позволяют с новой точки зрения взглянуть на проблему Движения Сопротивления на территории Крыма в период немецко-румынской оккупации, отбросить идеологические клише, и дать правильные оценки происходящим событиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Алексеев А. А., Федоров И. О. Партизанское движение в Крыму во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/5/23807> (дата обращения: 17. 11. 2019)
2. Армстронг Дж. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2007. 496 с.
3. Армстронг Дж. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2007. 429 с.
4. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М.: Наука, 1987. 335 с.
5. Большая советская энциклопедия: [В 30-ти т.] / под. ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 19. 3-е изд. 648 с.
6. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / под. ред. М. М. Козлова. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
7. Вергасов И. Записки партизана. Симферополь: Крымиздат, 1955. 256 с.
8. Волковская Е. А. Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 2. С. 55-59.
9. Волончук Ф. Ф. По тылам врага. М.: Воениздат, 1961. 144 с.
10. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. 291 с.
11. Генов И. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1963. 279 с.
12. Грылев А. Н. Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. М.: Наука, 1970. 352 с.
13. Илюхин Ф. Двести двадцать дней в тылу врага. Симферополь: Крым, 1967. 240 с.
14. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 684 с.
15. История второй мировой войны 1939–1945 в 12-ти т. / под. ред. А. А. Гречко, Н. Г. Андроникова, К. А. Черемухина, В. Н. Багрова и др. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. 535 с.
16. История Крыма: в 2 т. / под. ред. А. В. Юрасова. М.: Кучково поле, 2019. Т. 2. 792 с.
17. Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 544 с.
18. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619 с.
19. Лота В. И. Алиме. Крымская легенда. М.: Кучково поле, 2014. 142 с.
20. Луговой Н. Д. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.) // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 120-203.
21. Луговой Н.Д. Побратимы. К.: Политиздат Украины, 1974. 460 с.
22. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. 732 с.
23. Козлов И. А. В крымском подполье. Симферополь: Крымиздат, 1958. 500 с.

24. Крым: шлях крізьвіки. Історія у запитаннях і відповідях / відп. ред. В. А. Смолій. К.: Ін-т історії України НАН України, 2014. 456 с
25. Крым многонациональный: вопросы и ответы: сборник. / сост. Н. Г. Степанова, А. А. Форманчук. Симферополь: Таврия, 1988. Вып. 1. 144 с.
26. Макаров П. В двух схватках. Симферополь: Крымиздат, 1957. 215 с.
27. Македонский М. А. Пламя над Крымом. Симферополь: Крымиздат, 1960. 256 с.
28. Мальгин А. В. Партизанское движение в Крыму и «татарский вопрос». 1941–1944 гг. Симферополь: СОНАТ, 2009. 188 с.
29. Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. 672 с.
30. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / [пер. с нем.]. М.: Воениздат, 1974. 387 с.
31. Музафаров Р. Крымские татары в подпольно-партизанском движении Крыма в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): документальное исследование. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 408 с.
32. Овчинникова Г. Н. Тарханкут в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник историко-археологического заповедника «Калос-Лимен». Черноморское, 2010. Вып. 1. 112 с.
33. Овчинникова Г. Н. Взаимодействие патриотов Северо-Западного Крыма с оперативной группой 51-й армии 4-го Украинского фронта. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/vzaimodejstvie-patriotov-severozapadnogo-kryma-s-operativnoj-gruppoj-51-j-armii-4-go-ukrainskogo-fronta.html> (дата обращения: 17. 11. 2019)
34. Овчинникова Г. Н. Руководитель подпольной группы Василий Данилович Шумильный. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/rukovoditel-podpolnoj-gruppy-vasilij-danilovich-shumilnyj.html> (дата обращения: 17. 11. 2019)
35. Овчинникова Г. Н. Сопrotивление оккупантам. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/soprotivlenie-okkupantam.html> (дата обращения: 17. 11. 2019)
36. Очерки по истории Крыма. Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. Ч. 4. 319 с.
37. Очерки истории Крымской областной партийной организации / ред. колл.: Н. В. Багров (председатель), М. Р. Акулов, В. Д. Арбузов, Л. И. Волошинов, Н. К. Качан, И. П. Кондратьев, В. С. Макаренко, В. Г. Сидякин, И. С. Чирва, Г. А. Яценко. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.
38. Партизаны и подпольщики Тарханкута: сборник документов и материалов / сост.: Г. Н. Овчинникова. Симферополь: Н. Оріанда, 2014. 184 с.
39. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. 488 с.
40. Романько О. В. Крым в период нацистской оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 414 с.
41. Страна в огне: В 3 т. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. Кн. 1. Очерки / под ред. А. М. Литвина, М. Ю. Мягкова, Д. В. Суржика. М.: «Абрис», 2018. Т. 3. 720 с.

42. Ткаченко С. Н. Партизанская война в крымском небе: История и анализ взаимодействия советской авиации и крымских партизан в 1942–1944 годах. Брянск: Издательский дом «Историческое сознание», 2018. 508 с.
43. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «По линии 4-го от отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 408 с.
44. Федоренко Ф. И. Годы партизанские, 1941–1944. Симферополь: Таврия, 1990. 288 с.
45. Чуев С. Г. Татарский коллаборационизм в Великой Отечественной войне. Краткий исторический обзор // Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». № 5-6 (148–149). 2002. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N5-6_02/5-6_14.htm (дата обращения: 27. 03. 2018 г.)
46. Шамко В. И., Шамко Е. Н. По следам народного подвига: Маршрутами мужества и славы крым. партизан и подпольщиков в годы Великой Отеч. войны: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1986. 176 с.
47. Шамко Е. Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь: Знание, 1958. 32 с.
48. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.
49. Шамко Е. Н. Подвиги крымских партизан. М.: Воениздат, 1964. 156 с.
50. Шамко Е.Н. Дорогами крымских партизан. Симферополь: Крымиздат, 1976. 143 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. A., Fedorov I. O. Partizanskoe dvizhenie v Krymu vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny [Partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War]. Gumanitarnye nauchnye issledovanija. 2017. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2017/5/23807> (data obrashhenija: 17. 11. 2019) (In Russian)
2. Armstrong Dzh. Sovetskie partizany. Legenda i dejstvitel'nost'. 1941–1944. [Soviet partisans. Legend and reality. 1941–1944] M.: Centrpoligraf, 2007. 496 p.. (In Russian)
3. Armstrong Dzh. Partizanskaja vojna. Strategija i taktika. 1941–1943 [Partisan War. Strategy and tactics. 1941–1943]. M.: Centrpoligraf, 2007. 429 p.. (In Russian)
4. Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 [Crimea in the Great Patriotic War, 1941–1945]. M.: Nauka, 1987. 335 p.. (In Russian)
5. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: [V 30-ti t.] [The Great Soviet Encyclopedia: [In 30 vols.]. pod. red. A. M. Prohorova. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1975. T. 19. 3-e izd. 648 p. (In Russian)
6. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945: jenciklopedija [The Great Patriotic War 1941–1945: Encyclopedia]. pod. red. M. M. Kozlova. M.: Sov. jenciklopedija, 1985. 832 p. (In Russian)
7. Vergasov I. Zapiski partizana [Notes of the partisan]. Simferopol': Krymizdat, 1955. 256 p. (In Russian)

8. Volkovskaja E. A. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War]. Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej. 2016. № 2. p.. 55-59. (In Russian)
9. Volonchuk F. F. Po tylam vraga [In the rear of the enemy]. M.: Voenizdat, 1961. 144 p.. (In Russian)
10. Dikson Ch. O., Gejl'brunn O. Kommunisticheskie partizanskie [Communist Guerilla Warfare]. M.: Izd-vo inostrannoju literatury, 1957. 291 p.. (In Russian)
11. Genov I. Dnevnik partizana [Partisan's diary. Simferopol']: Krymizdat, 1963. 279 p..
12. Grylev A. N. Dnepr – Karpaty – Krym. Osvobozhdenie Pravoberezhnoj Ukrainy i Kryma v 1944 g Dnieper - Carpathians - Crimea. [The Liberation of Right-Bank Ukraine and Crimea in 1944]. M.: Nauka, 1970. 352 p.. (In Russian)
13. Iljuhin F. Dvesti dvadcat' dnej v tylu vraga [Two hundred and twenty days behind enemy lines]. Simferopol': Krym, 1967. 240 p. (In Russian)
14. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza 1941–1945 v 6 t. [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945 in 6 volumes]. pod red. P. N. Pospelova. M.: Voenizdat, 1961. T. 2. 684 p. (In Russian)
15. Istorija vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 v 12-ti t. [The history of the Second World War 1939-1945 in 12 volumes]. pod. red. A. A. Grechko, N. G. Andronikova, K. A. Cheremuhina, V. N. Bagrova i dr. M.: Voenizdat, 1975. T. 4. 535 p. (In Russian)
16. Istorija Kryma: v 2 t. [History of Crimea: in 2 tons]. pod. red. A. V. Jurasova. M.: Kuchkovo pole, 2019. T. 2. 792 p. (In Russian)
17. Kovalev B. N. Nacistskaja okkupacija i kollaboracionizm v Rossii [Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944]. 1941–1944. M.: AST, Tranzitkniga, 2004. 544 p. (In Russian)
18. Kovalev B. N. Povsednevnaia zhizn' naselenija Rossii v period nacistskoj okkupacii [Daily life of the population of Russia during the Nazi occupation]. M.: Molodaja gvardija, 2011. 619 p. (In Russian)
19. Lota V. I. Alime. Krymskaja legenda [Alime. Crimean legend]. M.: Kuchkovo pole, 2014. 142 p. (In Russian)
20. Lugovoj N. D. Partizanskoe dvizhenie v Krymu (1941–1944 gg.) [Partisan movement in the Crimea (1941–1944). Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. Collection]. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg. Sbornik. Simferopol': Krymizdat, 1963. p. 120-203. (In Russian)
21. Lugovoj N.D. Pobratimy [Twin]. K.: Politizdat Ukrainy, 1974. 460 p. (In Russian)
22. Lugovoj N. D. Strada partizanskaja: 900 dnej v tylu vraga. Dnevnikovye zapisi [Strada partisan: 900 days behind enemy lines. Diary entries]. Simferopol': ChP «Jel'in'o», 2004. 732 p. (In Russian)
23. Kozlov I. A. V krymskom podpol'e [In the Crimean underground]. Simferopol': Krymizdat, 1958. 500 p. (In Russian)
24. Krim: shljah kriz'viki. Istorija u zapitannjah i vidpovidjah [Crimea: the path through the ages: History in questions and answers]. vidp. red. V. A. Smolij. K.: In-t istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2014. 456 p. (In Ukrainian)
25. Krym mnogonacional'nyj: voprosy i otvety: sbornik [Crimea multinational: questions and answers: collection]. sost. N. G. Stepanova, A. A. Formanchuk. Simferopol': Tavrija, 1988. Vyp. 1. 144 s. (In Russian)

26. Makarov P. V dvuh shvatkah [In two fights]. Simferopol': Krymizdat, 1957. 215 p. (In Russian)
27. Makedonskij M. A. Plamja nad Krymom [Flame over the Crimea]. Simferopol': Krymizdat, 1960. 256 p. (In Russian)
28. Mal'gin A. V. Partizanskoe dvizhenie v Krymu i «tatarskij vopros». 1941–1944 gg. [The partisan movement in Crimea and the «Tatar Question». 1941–1944] Simferopol': SONAT, 2009. 188 p. (In Russian)
29. Manshtejn Je. Uterjannye pobedy [Lost victories]. Smolensk: Rusich, 1999. 672 p. (In Russian)
30. Mjuller N. Vermaht i okkupacija. O roli vermahta i ego rukovodjashhih organov v osushhestvlenii okkupacionnogo rezhima na sovetskoj territorii [Wehrmacht and occupation. On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation regime in Soviet territory] / [per. s nem.]. M.: Voenizdat, 1974. 387 p. (In Russian)
31. Muzafarov R. Krymskie tatory v podpol'no-partizanskom dvizhenii Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1944): dokumental'noe issledovanie [Crimean Tatars in the underground-guerrilla movement of Crimea during the Great Patriotic War (1941–1944): a documentary study]. Simferopol': GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2017. 408 p. (In Russian)
32. Ovchinnikova G. N. Tarhankut v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // Vestnik istoriko-arheologicheskogo zapovednika «Kalos-Limen» [Tarhankut during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Chernomorskoe, 2010. Vyp. 1. 112 p. (In Russian)
33. Ovchinnikova G. N. Vzaimodejstvie patriotov Severo-Zapadnogo Kryma s operativnoj gruppoy 51-j armii 4-go Ukrainskogo fronta [Interaction of patriots of the North-Western Crimea with the operational group of the 51st Army of the 4th Ukrainian Front]. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/vzaimodejstvie-patriotov-severo-zapadnogo-kryma-s-operativnoj-gruppoy-51-j-armii-4-go-ukrainskogo-fronta.html> (data obrashhenija: 17. 11. 2019) (In Russian)
34. Ovchinnikova G. N. Rukovoditel' podpol'noj gruppy Vasilij Danilovich Shumil'nyj [The head of the underground group, Vasily Danilovich Shumilnyj]. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/rukovoditel-podpolnoj-gruppy-vasilij-danilovich-shumilnyj.html> (data obrashhenija: 17. 11. 2019) (In Russian)
35. Ovchinnikova G. N. Soprotivlenie okkupantam [Resistance to the invaders]. URL: <http://kaloslimen.org/ru/tarhankut-v-gody-vov/soprotivlenie-okkupantam.html> (data obrashhenija: 17. 11. 2019) (In Russian)
36. Ocherki po istorii Kryma. Krym v period Velikoj Otechestvennoj vojny, v gody voss-tanovlenija i dal'nejshego razvitiya narodnogo hozjajstva [Essays on the history of Crimea. Crimea during the Great Patriotic War, during the years of restoration and further development of the national economy]. pod red. I. S. Chirvy. Simferopol': Krym, 1967. Ch. 4. 319 p. (In Russian)
37. Ocherki istorii Krymskoj oblastnoj partijnoj organizacii [Essays on the history of the Crimean regional party organization]. red. koll.: N. V. Bagrov (predsedatel'), M. R. Akulov, V. D. Arbuzov, L. I. Voloshinov, N. K. Kachan, I. P. Kondrat'ev, V. S. Makarenko, V. G. Sidjakin, I. S. Chirva, G. A. Jacenko. Simferopol': Tavrija, 1981. 376 p. (In Russian)
38. Partizany i podpol'shhiki Tarhankuta: sbornik dokumentov i materialov [Partisans and underground workers of Tarkhankut: collection of documents and materials]. sost.: G. N. Ovchinnikova. Simferopol': N. Orianda, 2014. 184 p. (In Russian)

39. Poljakov V. E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941–1944 gg. [Partisan movement in Crimea 1941–1944]. Simferopol': IT «ARIAL», 2013. 488 p. (In Russian)
40. Roman'ko O. V. Krym v period nacistской okkupacii. Nacional'nye otnoshenija, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944 [Crimea during the Nazi occupation. National relations, collaboration and guerrilla movement. 1941–1944]. M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. 414 p. (In Russian)
41. Strana v ogne: V 3 t. Osvobozhdenie. 1944–1945: V 2 kn. Kn. 1. Oчерki [Country on fire: 3 tons. Liberation. 1944–1945: In 2 books Prince 1. Essays]. pod. red. A. M. Litvina, M. Ju. Mjagkova, D. V. Surzhika. M.: «Abriss», 2018. T. 3. 720 p. (In Russian)
42. Tkachenko S. N. Partizanskaja vojna v krymskom nebe: Istorija i analiz vzaimodejstvija sovetskoj aviacii i krymskih partizan v 1942–1944 godah [Partisan war in the Crimean sky: History and analysis of the interaction of Soviet aviation and Crimean partisans in 1942–1944]. Brjansk: Izdatel'skij dom «Istoricheskoe soznanie», 2018. 508 p. (In Russian)
43. Tkachenko S. N., Terehov S. A., Butovskij A. Ju. «Po linii 4-go ot otdela...». Chekisty v podpol'no-partizanskom dvizhenii Kryma (1941–1944 gg.) [«Along the 4th line from the department ...». Chekists in the underground partisan movement of the Crimea (1941–1944)]. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2018. 408 p. (In Russian)
44. Fedorenko F. I. Gody partizanskije, 1941–1944 [Years of Partisan, 1941–1944]. Simferopol': Tavrija, 1990. 288 p. (In Russian)
45. Chuev S. G. Tatarskij kollaboracionizm v Velikoj Otechestvennoj vojne. Kratkij istoricheskij obzor [Tatar collaboration in the Great Patriotic War. A brief historical review]. Ezhemesjachnyj informacionno-analiticheskij zhurnal «Obozrevatel'-Observer». № 5-6 (148–149). 2002. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N5-6_02/5-6_14.htm (data obrashhenija: 27. 03. 2018 g.) (In Russian)
46. Shamko V. I., Shamko E. N. Po sledam narodnogo podviga: Marshrutami muzhestva i slavy krym. partizan i podpol'shnikov v gody Velikoj Otech. vojny: Putevoditel' [In the footsteps of the people's heroism: Routes of courage and glory of the Crimea. Partisans and underground during the Great Patriotic War: Travel Guide]. Simferopol': Tavrija, 1986. 176 p. (In Russian)
47. Shamko E. N. Komsomol'cy i molodezh' Kryma v bojah za Rodinu [Komsomol members and the youth of Crimea in battles for their homeland]. Simferopol': Znanie, 1958. 32 p.
48. Shamko E. N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 gg [Partisan movement in Crimea in 1941–1944]. Simferopol': Krymizdat, 1959. 160 s. (In Russian)
49. Shamko E. N. Podvigi krymskih partizan [The exploits of the Crimean partisans]. M.: Voenizdat, 1964. 156 p. (In Russian)
50. Shamko E.N. Dorogami krymskih partizan [Roads of the Crimean partisans]. Simferopol': Krymizdat, 1976. 143 p. (In Russian)

Информация об авторе: Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук. Экскурсовод, Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды», Отдел «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944гг. Концлагерь «Красный», с. Мирное, Симферопольский район, ул. Белова, 44, 297503, e-mail: slavik1855@gmail.com

Поступила: 16.01.2020

После доработки: 12.02.2020

Принята к публикации: 29.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ivanov Vyacheslav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences A tour guide. State Budget Institution of the Republic of Crimea «Central Museum of Tavrida», department Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944? SBI RK «Central Museum of Tavrida», Concentration camp «Krasny»,

village Mirnoe, Simferopol region, st. Belova, 44, 297503,

e-mail: slavik1855@gmail.com

Simferopol, Russia

The paper was submitted: 16.01.2020

Received after reworking: 12.02.2020

Accepted for publication: 29.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908(470+571)

Космовская Анна Алексеевна

Пермский государственный институт культуры

Пермь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

e-mail: akosmovskaya@list.ru

СБОРЫ С КЛЕЙМЕНЯ КУБОВ И КАЗАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИКАМЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования клеймения кубов и казанов в исторической ретроспективе. В Российской империи в XVIII веке было распространено клеймение емкостей для производства алкогольной продукции. Проблема собираемости налогов на клеймение винокуренной тары на региональном уровне не получила рассмотрения в историографии. Автор анализирует аспекты сбора с клеймения кубов и казанов на материалах Прикамья. Отдельно исследуется влияние законодательства на налоговые поступления. Даже такой частный аспект, как установка клейма на винную тару, был обложен отдельным налогом. Государство получало прибыль не только с торговли продуктами винокуренных производств. Поступление налогов с клеймения кубов и казанов было одним из источников пополнения казны Российской империи.

Ключевые слова: винная монополия, сборы на клеймение кубов и казанов, винокурение, XVIII век, Прикамье

Для цитирования: Космовская А.А. Сборы с клеймения кубов и казанов на территории Прикамья. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 42-51.

Kosmovskaya Anna Alexeevna

Perm State Institute of Culture

Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

e-mail: akosmovskaya@list.ru

TAXES FROM THE STIGMA OF CUBES AND CAULDRONS IN THE TERRITORY OF PRIKAMYE

Abstract. The article discusses issues of state regulation of the stigma of cubes and cauldrons in historical retrospective. In the Russian Empire in the 18th century, branding of containers for the production of alcoholic beverages was widespread. The problem of tax collection for branding distillery containers at the regional level has not been addressed in historiography. The author analyzes the aspects of collecting from branding

cubes and cauldrons on the materials of Prikamye. A separate study is made of the effect of legislation on tax revenues. Even such a private aspect, as the installation of the stigma on the wine packaging, was taxed separately. The receipt of taxes from the stigma of cubes and cauldrons was one of the sources of replenishment of the treasury of the Russian Empire. The state made profit not only from the sale of distillery products.

Key words: wine monopoly, fees for branding cubes and cauldrons, distillery, 18th, Prikamye

For citation: Kosmovskaya A.A. Taxes from the stigma of cubes and cauldrons in the territory of Prikamye. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 42-51. (In Russ., abstr. in Engl.).

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007.

Acknowledgement: «The reported study was funded by RFBR, project number 19-31-27001».

Активная внешняя политика Петра I потребовала изменений и во внутреннем управлении в Российском государстве. В финансовой сфере были проведены реформы, коренным образом изменившие структуру и характер налогов государства. Это касалось введения подушной подати, которая шла на нужды армии, появления новых и оптимизации старых сборов. Одной из важнейших сфер, которая обеспечивала поступление налогов в государственный бюджет, являлась винная монополия. Доходы от продажи вина на откуп в отдельные периоды российской истории превалировали над таможенными и канцелярскими сборами.

Историография проблемы развития винной монополии и характеристики доходов от нее на российском уровне довольно обширна. Особенности взимания денег с продажи вина в XVIII в. изучены в трудах С.М. Троицкого [1], В.В. Похлебкина [2] и других исследователей [3]. В историографии не ставится под сомнение тот факт, что доходы с винной продажи составляли существенную часть доходов Российской империи в XVIII в. Отдельные аспекты законодательного регулирования винной монополии получили свое рассмотрение в статьях П.О. Корнейчука [4], М.Л. Гавлина [5, 6], Т.К. Махровой [7] и прочих авторов [8]. Государственная регалия на продажу алкогольной продукции в XVIII в. изменялась (откупная система, акцизная система, питейная монополия). По словам Т.К. Махровой, государственный контроль над производством и оборотом алкогольной продукции преследовал, прежде всего, фискальные цели, но порождал при этом очаги теневой деятельности и злоупотреблений по всей цепочке производства, транспортировки и сбыта [7, с. 106].

Автору статьи хотелось бы осветить один частный аспект налога на винокурение. Речь идет о сборе на клеймение кубов и казанов для изготовления вина. Данный вид налога существовал в XVIII в. На примере территории Прикамья (Соликамский, Чердынский и Кунгурский уезды) в статье рассмотрено влияние на

объемы денежных сборов основных нормативно-правовых актов, регулировавших налоги на клеймение кубов и казанов.

Источниковая база представлена фондами 439, 444, 576, 955 РГАДА, по материалам которых можно проследить сборы налогов на клеймение кубов и казанов. По упоминаниям в различных видах источников (начиная от рапортов и приходно-расходных книг и заканчивая доимочными ведомостями) автор прослеживает, как собирался сбор на клеймение кубов и казанов на территории Прикамья. Несмотря на привлечение значительного количества финансовой отчетности, статистика известна не по всем годам сбора. Точно можно проследить наличие определенного оклада по данным видам поступлений, а характеристикой собираемости является наличие или отсутствие налога в доимочных книгах.

Основным способом отбора информации стал сплошной просмотр документации Соликамской воеводской канцелярии (и частично Пермской). Это связано с особенностями территориального развития Прикамья. Изначально Соликамский и Чердынский уезды управлялись канцелярией в Соликамске. В 1719–1724 гг., в ходе административных реформ Петра I, Сибирская губерния была поделена на пять провинций. К Уралу относились Вятская провинция (с Вятским, Кунгурским и Кайгородским уездами), Соликамская провинция (Соликамский и Чердынский уезды). С 1737 г. Соликамская провинция была переименована в Кунгурскую провинцию Казанской губернии с центром в Кунгуре. В 1745 г. Кунгурская провинция становится Пермской. В целом территория Прикамья в XVIII в. представляла собой единую исторически сложившуюся область с развитой соледобычей и торговлей. Провинциями управляли воеводы, при которых были созданы воеводские канцелярии. Несмотря на унаследованное от системы местного управления XVII в. название «воевода», должности уездных администраторов XVIII в. отличались по своему статусу и функциям от воевод прежних столетий. Воеводское управление в XVIII в. было организовано на принципиально иных, бюрократических началах. Особое внимание было уделено фискальной функции уездных администраторов.

Наличие финансовых материалов дает возможность при помощи сравнительного анализа изучить структуру налоговых поступлений от клеймения кубов и казанов в различные периоды. Описательный метод, использованный при изложении фактического материала, позволил рассмотреть финансовую деятельность канцелярий как единую определенную целостность, находящуюся в динамике и развитии. С помощью аналитического метода были систематизированы имеющиеся данные и сделаны выводы.

Представим для начала небольшой экскурс в историю клеймения тары для винокурения. Еще с X–XI вв. встречаются указания на обложение крепких напитков. Продажа алкоголя делается предметом казенной монополии. В правление Ивана III и винокурение сосредоточивается в руках правительства. Уже при Иване IV все корчмы были казенные и находились в ведении у недельщиков и десятников. На некоторых территориях Российского государства корчмы раздавались боярам для кормления.

Монастырям до конца XVII в. предоставлялось право свободного винокурения и взимания в свою пользу явки на своих землях. Уставом от 1665 г. винокурение дозволено лишь дворянам. Крестьяне могли курить вино лишь в праздники и не иначе, как с ведома наместника или кабацкого головы. Продажа крепких напитков производилась либо «на вере» (при помощи целовальников) или отдавалась на откуп.

С 1651 г. кабаки были переименованы в «кружечные дворы». После финансовой реформы Федора Алексеевича (1679–1681 гг.) основным источником прибыли казны стали таможенные и кабацкие сборы. Правительство Федора Алексеевича полностью отменило откупную систему с 1681 г.

При Петре I начинается реформа системы налогообложения алкогольной продукции. Он поручил питейное дело Бурмистерской палате, заменив голов бурмистрами и восстановив в 1705 г. отмененный при Федоре Алексеевиче откуп. Была введена монополия на крепкие алкогольные напитки.

Петр I также ввел свободу винокурения в 1716 г., но с обложением акцизом, взимаемым в размере полупошлины с ведра, емкости клейменных кубов или казанов в год. С этого периода ведет свое начало налог на клеймение кубов и казанов. Первые упоминания в текущей документации воеводских канцелярий Прикамья о сборах на клеймение встречаются с 1725 г. Однако это не означает отсутствия в окладе данного налога. Возможно, не вся текущая документация поступила в центр вовремя, ведь система местного управления и налоговых сборов (с начала 1720-х гг. начинает вводиться подушный оклад) находилась в стадии реформирования. В правление Анны Иоанновны сборы на клеймение постоянно появляются в текущей документации Соликамской и Кунгурской (впоследствии Пермской) канцелярий.

Елизавета Петровна подписала указ от 11 марта 1742 г. «О взимании штрафа за курение вина в незаклейменных кубах и казанах», связанный с клеймением, в данном случае определенных емкостей¹. Исполнение обязательств по контракту стало обеспечиваться залогом, который откупщик вносил в размере 1/3 годовой суммы откупного договора (в залог принимались заводы, крепостные крестьяне и деньги).

Осенью был издан указ, в котором винным подрядчикам предписывалось иметь на своих заводах медные заклеянные казаны (указ от 20 октября 1742 г. «О содержании винным подрядчикам на заводах своих медных заклеянных казанов»)².

Налоги теперь начислялись как с кубов, так и с готовой продукции (водки). Это было выгодно правительству, а также подвигло многих помещиков-землевладельцев, выращивающих зерно, заниматься винокурением. С тех пор винокурная монополия стала одной из важных привилегий и российского дворянства, и богатого купечества, начали формироваться и первые «водочные» династии [6, с. 115].

В 1744 г. система клеймения кубов отменяется. Был установлен акциз – три копейки с ведра на вино и шесть копеек с ведра на водку. Вводятся ярлыки на провоз спиртных напитков. В 1749 г. клеймение кубов вновь восстанавливается.

В 1750 г. правительство Елизаветы Петровны вводит единообразную цену на вино, которую установила Камер-коллегия: 1 руб. 88,5 коп. за ведро при оптовой продаже и 1 руб. 99,5 коп. за ведро при розничной продаже.

Всего после 1742 по 1754 гг. было издано девять указов о казанах и кубах, на которых должны были быть специальные знаки – клейма. Указы о клеймении кубов и казанов выходили в 1744³, 1750⁴, 1751⁵, 1755¹, 1756 гг.² Кроме клеймения

¹ ПСЗ. №8522.

² ПСЗ. № 8647.

³ ПСЗ. № 9022.

⁴ ПСЗ. № 9736; ПСЗ. № 9813.

⁵ ПСЗ. № 9856; ПСЗ. № 9859.

винных мер и посуды, в 1748 г. публикуется указ о клеймении мер для хлеба, а в 1754 г. – о клеймении кадей для соли [8, с. 229].

С 1755 г. винокурение оформляется как сословная монополия: купцам запрещено было иметь заводы для винокурения. Помещики, являясь поставщиками казны, заключали контракты на поставку казне водки на длительный срок (в 1755 г. поставка оформлялась на 10 лет).

9 августа 1765 г. Екатерина II подписывает «Устав о винокурении», который закрепил в великороссийских губерниях сложившуюся на практике дворянскую монополию (винокурение и продажа вина в малороссийских, западных, новороссийских и прибалтийских губерниях было свободнее) [6, с. 101].

В 1767 г. повсеместно, кроме Сибири, были введены откупа, отдаваемые на четыре года. Кабаки были переименованы в «питейные дома», в 1775 г. местное управление поручалось казенным палатам.

Екатерина II в 1775 г. закрепила винокурение как исключительную привилегию дворян и освободила при этом их от всякого налогообложения. Цены на вино также выросли и составляли 2 руб. 53,5 коп. с ведра. В 1770 г. цена составляла 3 руб., в 1794 г. – 4 руб. за ведро.

С 1775 г. управление откупками на местах осуществляли Казенные палаты. Уставом о вине 1781 г. отменен сбор по емкости кубов и их клеймение, а вино стало отпускаться откупщикам только из казенных складов. Вино продавалось по казенной цене (впоследствии было дозволено заготавливать вино откупщикам). После этого доход казны стал достигать до 10 млн. руб. [6, с. 115]. Цена на вино и условия откупа изменялись в каждое четырехлетие до 1817 г., когда (по инициативе министра финансов графа Гурьева) был издан новый устав о питейном сборе, установивший казенную оптовую продажу вина, отданную в заведование казенных палат и уездных управлений. Уставом этим акциз с водок определен с ведра, с пива же и меду – по размеру котлов.

Далее рассмотрим налоговые поступления на территории Прикамья. Налог на клеймение кубов и казанов записывался в окладные сборы. Первые документы, доступные автору статьи, относятся к 1725 г. Именно тогда в вотчинах Строгановых был собран налог на клеймение кубов в сумме 42,15 руб. В Кунгуре упомянуты незначительные 4,5 руб. Но уже в 30-е гг. XVIII в. по данным Кунгурской (Кунгурский уезд) и Соликамской (Чердынский и Соликамский уезды) канцелярий, суммы сбора становятся немалыми. В 1734 г. в оклад записано 155,5 руб. с Соликамской провинции за клеймение кубов, а за казаны – 48,5 руб. В 1736 г. Кунгурская канцелярия собрала за «клеяменья кубов и казанов поведерных полуполтинных денег»³ 383,63 руб.

В 1738 г. годовой оклад по всей территории, подведомственной Соликамской канцелярии, составлял 250,65 руб. Несмотря на отмену клеймения кубов и казанов в 1744 г., «по доношению Соликамской канцелярии денежной казны оставшей за штатом доходов подлежащих в государственную Статс-контору таможенных кабацких и канцелярских сборов присланного из той канцелярии щетчика Соли Камской посадского Федота Смиринина, а именно на 1746 г.» было принято за клеймение кубов и казанов 58,7925 руб., а по доношению другого щетчика Соли Камской посадского Егора Емельянова – 96,375 руб. Источником, в котором просле-

¹ ПСЗ. № 10466; ПСЗ. № 10485.

² ПСЗ. № 10636.

³ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 176об.–177.

живаются данные сборы, является «Книга приходная Пермской провинциальной канцелярии таможенных кабацких и канцелярских сборов свозной и с приписных к Пермской провинции городов денежной казны 1747 г.»¹. В доимочные ведомости этот материал записать нельзя, то есть даты сбора были вполне актуальными.

В 1747 г. сумма прихода за клеймение кубов и казанов снова составила 96,375 руб. (по данным «Книги приходной Пермской провинциальной канцелярии таможенных кабацких и канцелярских сборов свозной и с приписных к Пермской провинции городов денежной казны 1747 г.»)².

В том же году были собраны деньги за клеймение куба Юговского и Курашимского заводов³ – 5,9 руб. и за еще один куб – 3,25 руб.

В 1747 г. «второй присылки со щетчиком Соли Камской Федотом Смирным, а именно» с клеймения кубов и казанов было собрано 58,79 руб. В рапорте 1748 г. указан годовой оклад 208,25 руб. В казну канцелярии поступило 207,665 руб. Недоимка составила 58,5 коп. В 1749 г. в окладной приходной книге Соликамской канцелярии при воеводе Демиде Аркатове с клеймения кубов собраны следующие суммы: 155,5; 44,5; 4,5; 2,25 и 1,5 руб.⁴

В 1755 г. с клеймения кубов по окладной книге соликамской канцелярии кабацким канцелярским и прочим сборам, денежной ясашной казны 1755 г.⁵ с Соликамской канцелярии необходимо было собрать по окладу 155,5 руб. В документации 1775 г., между тем, эта сумма числится в недоимке⁶. «А клеймения кубов и казанов поведерных полуполтинных на 1755 г. – 155,5 руб.» по окладу предполагалось собрать по Соликамскому уезду. Но деньги с 1755 г. числились в доимке.

В последней колонке рапорта поясняется, почему налог не был собран. «Оные деньги доимкою числятся за неполучением на представлении в государственную Камер-коллегию от Соликамской воеводской канцелярии в 1767 г. февраля в 3 день, мая 26 чисел указу по запрещению о уничтожении купетских заводов по указу 1764 г. июня 19 дня, а прошлого 1771 г. ноября 22 числа в присланном из Пермской провинциальной канцелярии указе ж объявлено, что от оной канцелярии об исключении оных денег из окладу в государственную Камер-коллегию доношением представлено»⁷. Недоимка не поступила из-за изменения текущего законодательства: в окладе уже не было зафиксированной суммы годового сбора за клеймение кубов и казанов.

По данным канцелярии Пермской провинции (в то время ее юрисдикция уже распространялась на все три уезда) в 1759 г. с заклеянного куба и куба с мельницами (странное объединение, показывающие незначительность суммы)⁸ собрано 5,775 и 2,525 руб. соответственно.

В 1766 г. канцелярия собрала 3,5 руб. за куб и остаток 20,3125 руб. В дальнейшей документации 1776⁹ и 1780¹ гг. клеймение кубов и казанов уже не встречается.

¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75.

² РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 1об.

³ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. Л. 5об.

⁴ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79.

⁵ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 158.

⁶ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. С. 114об.

⁷ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. С. 114об.

⁸ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 2об.

⁹ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 510.

Таблица. Сборы с клеймена кубов и казанов на территории Прикамья
 Taxes from the stigma of cubes and cauldrons in the territory of Prikamye

Год	Место сбора	Уезд	Сумма
1725 г. ²	С вотчин баронов Строгановых	Соликамский	42,15
1726 г. ³	Кунгурские сборы	Кунгурский	4,5
1732 г. ⁴	Кунгурская канцелярия	Кунгурский	165,125
1733 г. ⁵	Кунгурская канцелярия	Кунгурский	204
1734 г. ⁶	Соликамская провинция	Соликамский	155,5
			48,5
1736 г. ⁷	Кунгурская канцелярия	Кунгурский	133
1736 г. ⁸	Кунгурская канцелярия	Кунгурский	383,63
1738 г. ⁹	Соли Камской с ратуши	Соликамский	103,665
1738 г. ¹⁰	В вотчинах господ баронов Строгановых	Соликамский	28,19
1738 г. ¹¹	С Чердынской ратуши	Соликамский	32,3325
1738 г. ¹²	Соликамская канцелярия	Соликамский	250,65
1746 г. ¹³	Щетчика Соли Камской посадского Егора Емельянова, а именно на 1746 г.	Соликамский	96,375
1746 г. ¹⁴	По доношению Соликамской канцелярии принято денежной казны оставшей за штатом доходов подлежащих в государственную Статс-контору таможенных кабацких и канцелярских сборов присланного из той канцелярии щетчика Соли Камской посадского Федота Смиринина, а именно на 1746 г.	Соликамский	58,7925
1747 г. ¹⁵	Свозной и с приписных к Пермской провинции городов денежной казны	Кунгурский	96,375

¹ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 511.

² РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 97.

³ РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 98об.

⁴ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 177об.

⁵ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 177об.

⁶ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 78. ЛЛ. 80–105.

⁷ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 170об.–171.

⁸ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 176об.–177.

⁹ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 5об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 5об.

¹¹ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 5об.

¹² РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 72–73.

¹³ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

¹⁵ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 1об.

1747 г. ¹	За клеймение куба Юговского и Курашимского заводов	Кунгурский	5,9
1747 г. ²	Клеймение куба	Кунгурский	3,25
1747 г. ³	Да второй присылки со щетчиком Соли Камской Федотом Смирным а именно	Соликамский	58,79
1748 г. ⁴	Репорт канцелярии Соли Камской, сочиненной по статской форме, о приходе и расходе разных сборов денежной и ясашной казны декабря месяца 1748 г. Указан годовой оклад 208,25 руб. Было собрано 207,665 руб. Недоимка составила 58,5 коп.	Соликамский	208,25
1749 г. ⁵	Книга окладная приходная Соликамской канцелярии при воеводе Демиде Аркатове	Соликамский	155,5
			44,5
			4,5
			2,25
1755 г. ⁶	Книга настоящая окладная приходная соликамской канцелярии кабацким канцелярским и протчим сборам, денежной ясашной казны 1755 г.	Соликамский	155,5
			44,5
1759 г. ⁷	Пермская провинция	Кунгурский	5,775
С мельниц и за клеймение куба ⁸	Пермская провинция	Кунгурский	2,525
1766 г. ⁹	Пермская провинция	Кунгурский	3,5
1766 г. ¹⁰	Пермская провинция	Кунгурский	20,3125

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Таковы конкретные суммы прихода денег по годам. Годовой оклад по сбору с клеймения кубов и казанов по Соликамской канцелярии доходил в лучшие для виноделов годы до 250,65 руб., но постепенно снижался. По Кунгурской (Перм-

¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. Л. 5об.

² РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. Л. 30б.

³ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 76. Л. 3об.

⁴ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 72.

⁵ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79.

⁶ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 158.

⁷ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 2об.

⁸ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 7об.

⁹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 203. Л. 19об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 349. Л. 1об.

ской) канцелярии сумма прихода составляла до 383,63 руб. в год. Кунгур был богатым купеческим городом, активно развивающимся с конца XVII в. Интересно, что в источниках постоянно фигурируют меньшие цифры по сборам. При этом в доимочных ведомостях клеймение кубов и казанов автору статьи почти не встречается (то есть налог платился вовремя).

Изменяющееся законодательство не позволяло в дальнейшем никому, кроме представителей дворянского сословия, курить вино и клеймить тару. С этим связано снижение государственных доходов от этого вида сборов на территории Прикамья. Анализ законодательства XVIII в. показывает, что в России было распространено клеймение емкостей для производства и торговли вина, и сборы составляли часть доходов государства. В Российской империи казна получала прибыль не только с торговли вином, но и с вспомогательных производств. Даже такой частный аспект, как установка клейма на винную тару, был обложен отдельным налогом, что показывало желание правительства Российской империи увеличивать поступления в казну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. – М.: Наука, 1966. – 272 с.
2. Похлебкин В.В. История водки. – М.: Эксмо, 2014. – 295 с.
3. Голицын Ю.П. Правительственная политика по отношению к дворянскому винокурению во второй половине XVIII века. Дис. канд. ист. наук. Волгоград, 2005. – 212 с.
4. Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение. М.: Изд-во МГУ, 2007. Вып. 13. С. 127–139.
5. Гавлин М.Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 6. – М.: Изд-во МГУ. 2001. С. 98–102.
6. Корнейчук П.О. Подходы к налогообложению в алкогольной отрасли в России в исторической ретроспективе // Вестник Университета. 2014. № 9. С. 115.
7. Махрова Т.К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 100–107.
8. Спиридонова Н.А. К вопросу о формировании знаковой системы в период Правления Елизаветы Петровны // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов [Текст]: сб. науч. тр. – Челябинск: НОУ ВПО «ЧИЭП им. М. В. Ладошина», 2012. С. 229–232.

REFERENCES

1. Troickij S.M. Finansovaja politika russkogo absoljutizma v XVIII veke. [Financial policy of Russian absolutism in the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1966. 272 p.
2. Pohlebkjn V.V. Istorija vodki. [The History of vodka]. Moscow: Eksmo, 2014. 295 p.
3. Golicyn Ju.P. Pravitel'stvennaja politika po otnosheniju k dvorjanskomu vinokureniju vo vtoroj polovine XVIII veka. Dis. kand. ist. nauk. [Government policy in relation to the noble distillery in the second half of the XVIII century. Dis. Cand. east sciences']. Volgograd. 2005. 212 p.

4. Gavlin M.L. Vopros o vinnyh otkupah v istorii zakonodatel'stva Rossijskoj imperii XVIII–XIX vv. [The question of wine purchases in the history of legislation of the Russian Empire of the XVIII-XIX centuries]. Economic history. Review. Moscow: MSU publishing House, 2007. Vol. 13. Pp. 127-139.
5. Gavlin M.L. Rol' vinnyh otkupov v formirovanii krupnyh kapitalov v Rossii XVIII–XIX vv. [The Role of wine purchases in the formation of large capitals in Russia of the XVIII-XIX centuries]. Economic history. Review. edited by L. I. Borodkin. Vol. 6. Moscow: Publishing house of Moscow state University. 2001. Pp. 98-102.
6. Kornejchuk P.O. Podhody k nalogooblozheniju v alkogol'noj otrasli v Rossii v istoricheskoj retrospektive . [Approaches to taxation in the alcohol industry in Russia in historical retrospect]. Vestnik Universiteta. 2014. No. 9. P. 115.
7. Mahrova T.K. Iz istorii vinnogo otkupa i pitejnogo korchemstva na Urale v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [From the history of wine buying and drinking in the Urals at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. 2015. No. 2 (5). Pp. 100-107.
8. Spiridonova N.A. K voprosu o formirovanii znakovoj sistemy v period Pravljenja Elizavety Petrovny. Jekonomicheskie, juridicheskie i sociokul'turnye aspekty razvitija regionov [Tekst]: sb. nauch. tr. [On the formation of the sign system during the Reign of Elizabeth Petrovna. Economic, legal and socio-cultural aspects of regional development]. Cheljabinsk: NOU VPO «ChIJeP im. M. V. Ladoshina», 2012. Pp. 229–232.

Информация об авторе: Космовская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры»; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Пермская государственная фармацевтическая академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Газеты «Звезда», д. 18, 614000, г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>
e-mail: akosmovskaya@list.ru
Пермь, Россия

Поступила: 07.02.2020

После доработки: 23.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Kosmovskaya Anna Alexeevna, Candidate of Sciences (History), Researcher, Perm State Institute of Culture; Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Perm State Pharmaceutical Academy
Gazety «Zvezda» street, 18, 614000 Perm, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>
e-mail: akosmovskaya@list.ru
Perm, Russia

The paper was submitted: 07.02.2020

Received after reworking: 23.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

Курков Геннадий Михайлович
Совет Ейского отделения РВИО
г. Ейск, Россия
e-mail: kurkovgm@mail.ru

ЕЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье освещаются основные моменты борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в акватории Азовского моря, показана значимость обороны Ейска в планах высшего советского командования и системе оборонительных действий войск РККА, авиации и Азовской военной флотилии. В основу исследования положены документы, извлеченные из центральных архивов министерства обороны, военно-морского и архива города Ейска. Многие источники впервые вводятся в научный оборот.

Архивные материалы свидетельствуют о большом вкладе в оборону города его жителей: госпитали обеспечили восстановление здоровья и возвращение в строй сотен красноармейцев; были собраны средства на постройку боевой техники для Красной Армии.

Ключевые слова: война, Ейск, Азовская военная флотилия, отдельный батальон морской пехоты (ОБМП), героизм, самоотверженность гражданского населения города и Ейского района, эвакогоспитали.

Для цитирования: Курков Г.М. Ейск в годы Великой Отечественной войны. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 52-62.

Gennady M. Kurkov
Council of the **Yeisk** Branch of the RWIO
Yeisk, Russia
e-mail: kurkovgm@mail.ru

YEISK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article covers the main moments of the fight against the German-fascist invaders in the Sea of Azov, shows the importance of the defense of Yeisk in the plans of the Supreme Soviet Command and the system of defensive actions of the troops of the Red Army, aviation and the Azov military flotilla. The study is based on documents extracted from the central archives of the Ministry of Defense, the naval and the archive of the city of Yeisk. Many sources are first introduced into scientific circulation.

Archival materials show a great contribution to the defense of the city of its inhabitants: hospitals ensured the restoration of health and the return to service of hundreds of Red Army soldiers; Funds were raised for the construction of military equipment for the Red Army.

Keywords: war, Yeisk, Azov military flotilla, separate marine battalion (OBMP), heroic, dedication of civilian population of the city and Yeisk district, evakogospitali.

For citation: Kurkov G.M. Yeisk during the Great Patriotic War. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 52-62. (In Russ., abstr. in Engl.).

История Великой Отечественной войны как часть истории героического прошлого нашего народа всегда интересовала исследователей. Сегодня актуальность изучения данной темы особенно значима в условиях противостояния с ее фальсификаторами. Западные политики через СМИ часто распространяют лживую информацию, преуменьшая роль советского народа в победе над фашизмом. Поэтому так важно показывать подлинные страницы борьбы с врагом на фронте, в тылу.

В последние годы из печати вышло много сборников документов военного времени, которые дают подлинную картину событий, раскрывают ранее неизвестные страницы военной повседневности не только солдат и офицеров на фронте, но и положение граждан на временно оккупированной территории, деятельность партизан и подпольщиков. Исследователей интересуют не только великие сражения, переломившие ход войны, но и борьба за отдельные хутора, станицы, города.

В годы Великой Отечественной войны на защиту Родины встали более 15 тыс. жителей Ейска и Ейского района, из которых около 10 тыс. человек не вернулись с фронта. Воевать пришлось с опытным, грамотным и коварным врагом, проповедовавшим человеконенавистническую идеологию. Пример действий извергов в Ейске был использован государственным обвинителем СССР на Нюрнбергском суде над фашистами. В октябре 1942 г. 214 детей из Симферополя, находившиеся на лечении в Ейске, были умерщвлены в газовой душегубке. Садисты не просто умертвляли детей, но и нарабатывали «научную» базу, пробуя различные режимы работы двигателя «душегубки», чтобы процесс гибели людей проходил без судорог и сопровождающих их испражнений. Этими «гуманистами» были расстреляны, замучены в застенках гестапо и отправлены на работу в Германию несколько сотен ейчан. До настоящего времени оставшиеся в живых свидетели помнят, что после окончания оккупации нередко немецкие лётчики сбрасывали бомбы с «сюрпризами». После бомбёжки жители города подбирали их содержимое с земли или доставали из Ейского лимана и Таганрогского залива красиво оформленные коробочки, игрушки, различные предметы. Вскрывая их, жители получали тяжёлые минно-подрывные травмы, вплоть до смертельного исхода.

По докладу Наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова 20 июля 1941 г. в связи с угрозой прорыва немецко-фашистских войск к Азовскому морю Государственным Комитетом Обороны СССР (ГКО) было принято решение о создании Азовской военной флотилии (АВФ) в составе Черноморского флота (ЧФ).

22 июля 1941 г. Нарком ВМФ отдал приказ о формировании АВФ. Задачами флотилии являлись: содействие войскам Южного фронта в ведении оборони-

тельных боёв на приморских направлениях и обеспечение перевозок на Азовском море. 25 июля приказом командующего ЧФ был назначен командующий флотилией капитан 1 ранга А.П. Александров. Корабельный состав флотилии формировался из мобилизованных судов Азово-Черноморского пароходства. 12 августа корабли флотилии после сосредоточения на выходе из Керченского пролива подняли Военно-морские флаги СССР и 13-14 августа подивизионно перешли в главную базу флотилии Мариуполь и в маневренные базы Осипенко, Ростов-на-Дону, Ейск и Приморско-Ахтарская. В них командование, штаб и весь личный состав проводили подготовку судов и личного состава к боевым действиям [1, с. 301].

В связи с прорывом бронетанковых частей к Мариуполю была произведена эвакуация главной базы АВФ, которая завершалась под артиллерийским огнём противника. Флотилия перебазировалась в Приморско-Ахтарскую (главная база) и Ейск [1, с. 303].

16 октября 1941 г. командующим Азовской военной флотилии назначили контр-адмирала С.Г. Горшкова.

С мая по 8 августа 1942 г. в Ейске функционировала Военно-морская база (ВМБ), командиром которой был назначен капитан 1 ранга (позже контр-адмирал) С.Ф. Белоусов.

В конце 1941 г. война подошла к берегам Азовского моря, враг захватил Мариуполь (8 октября 1941 г.). Пришли суровые морозы. Таганрогский залив сковал мощный лёд. Создалась реальная угроза прорыва немцев по толстому льду Таганрогского залива и удара в тыл нашей 56-й армии, ведущей бои в районе Ростова-на-Дону. Противник на автомашинах, мотоциклах, лошадях и даже на буерах неоднократно предпринимал попытки проникнуть на наш берег в районе Ейска¹, но все они были отражены метким огнём артиллерийских батарей и береговых постов [2, с. 102, 103].

Было принято решение о немедленном укреплении противодесантной обороны от Ростова до Ейска и станицы Должанской. Силами местного населения устраивались противотанковые полыньи. К сожалению, эти полыньи быстро ликвидировал сильный мороз. Была организована система дозоров, которые выставлялись на удаление 8-10 км от своего берега. Силами населения города и района на льду было установлено свыше 3,5 тыс. противотанковых мин, 300 морских мин выставлено в противотанковые проруби, общая длина которых достигала 25 км². Эти меры обеспечили надёжную оборону побережья. Кроме того, для проведения минирования прибрежной полосы и ледяного поля Таганрогского залива в составе опергруппы в Приазовье прибыл 522-й сапёрный батальон под командованием полковника И.Г. Старинова, в который входили и добровольцы из Испании. Боевые группы минёров совместно с морскими пехотинцами ежедневно в пургу и метель уходили на северный берег Таганрогского залива для постановки мин на коммуникациях с целью нарушения снабжения вражеских войск под Ростовом-на-Дону. Только в начале марта 1942 г. бойцы спецбатальона покинули Ейск, Шабельск и Порт-Катон.

В связи с обострением обстановки на фронте, дополнительно к находившимся в Ейске воинским частям и подразделениям, был сформирован истребительный батальон из местных жителей. Юноши и девушки овладевали военными специальностями: за 1941–1942 гг. было подготовлено 50 телеграфистов, 31 радист,

¹ Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 175. Д. 10813. Л. 92; Д. 32678. Л. 19, 20.

² ЦВМА. Ф. 175. Д. 10813. Л. 87, 88; Д. 10720. Л. 5.

50 телефонистов, 46 моряков, 49 стрелков, взвод пулемётчиков.¹ В январе 1942 г. в связи с реальной опасностью воздушных десантов врага в район Ейска штатный состав истребительного батальона был доведён до 200 человек.

Обстановка на фронте становилась всё более напряжённой. Очень высокой оставалась вероятность высадки десанта из района Мариуполь – Таганрог. Поэтому в начале июля 1942 г. командованию 116-й Донской казачьей кавдивизии, оборонявшей южное побережье Таганрогского залива и Ейск, была поставлена задача отобрать казаков в состав морского десанта для нанесения удара по плавсредствам врага на северном побережье Таганрогского залива. Совместно с морскими пехотинцами они прошли обучение по преодолению крупных водных преград. Руководил подготовкой командир 144-го ОБМП капитан-лейтенант А.И. Востриков.

Десантирование было выполнено от пристани станицы Должанской на противоположный берег Азовского моря в район балки Терновой и села Будёновка восточнее Мариуполя. В 20-х числах июля 1942 г. ночью на торпедном катере и четырёх быстроходных глиссерах, преодолев минные заграждения, десант под огнём противника высадился на побережье, занятое врагом. Бойцы наступали вдоль гавани, уничтожая по пути все плавсредства, действовали чётко и умело под командованием лейтенанта В.Т. Спрынникова и помкомвзвода А.Г. Ковтуна. На базу вернулись без потерь.²

Среди некоторых жителей Ейска бытует мнение о малой значимости города для вермахта. Многие считают, что потери среди защитников города в боях 1942 г. на подступах к Ейску были «незначительными». Однако, это не соответствует исторической действительности. О важности боевых действий в районе предместий города написано в воспоминаниях крупных военачальников того времени. Например, о значимости захвата Ейска для войск вермахта писал в своих мемуарах А.А. Гречко (дважды Герой Советского Союза, Маршал, министр обороны СССР 1967–1976 гг.): «Командование немецкой группы армий «А» придавало большое значение захвату этого города, указывая на необходимость занятия Ейска, как основного порта, которое немецкое командование планировало использовать как важнейшую базу снабжения своих войск. Оно выделило для наступления на Ейск 5-ю кавалерийскую румынскую дивизию и немецкий полк СС» [3, с. 82].

Для обороны города советским командованием был принят ряд мер. Важнейшими элементами системы обороны Ейска в начале июля 1942 г. стали три береговые артиллерийские батареи флотилии, артиллерия кораблей Азовской военной флотилии (2 канонерских лодок, 2 сторожевых кораблей-тральщиков, 2 катеров МО, 2 торпедных катеров, 12 сторожевых катеров, 3 катера-тральщика), бронепоездов № 6 и № 10. Снарядами калибра 100-мм была по врагу стационарная батарея № 663, а 40-й отдельный подвижный артдивизион своими 122-мм и 76-мм полевыми орудиями на механической и конной тяге. Ейской ВМБ были приданы личный состав 144-го и 305-го отдельных батальонов морской пехоты (ОБМП), 108-й пулемётной роты, противотанковой и зенитной артиллерийских батарей. База взаимодействовала с 12-й и 116-й кавалерийскими казачьими дивизиями 17-го казачьего кавкорпуса на побережье Таганрогского залива от косы Долгая до реки Кагальник (осенью 1941 г. в Ейском районе была сформирована казачья сотня, которая влилась в состав 17-го кавкорпуса) и с 257-м Азовским

¹ Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 36. Л. 4, 5.

² Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-600. Оп. 3. Д. 3.

казацким кавалерийским полком. Кроме того, флотилии были приданы 119-й отдельный морской разведывательный авиаполк, 87-я отдельная истребительная авиаэскадрилья и ряд частей авиации Черноморского флота. А 28 июля 1942 г. (после захвата врагом Ростова-на-Дону) в Ейск были перебазированы корабли и Отдельного Донского отряда. Так 29 июля в Ейск пришли монитор «Железняков», канонерские лодки «Октябрь», «Ростов-Дон», бронекатера № 105, 204, 302, 303, 1-й и 13-й дивизионы сторожевых катеров (13 ед.) [1, с. 380].

В связи с повторным захватом противником Ростова-на-Дону по приказу командования все соединения 17-го казачьего кавалерийского корпуса были направлены на рубеж обороны в районе станиц Кущёвская, Шкуринская и Канеловская. Казаки успели вовремя обустроить оборонительные позиции. 28 июля 1942 г. на реке Кагальник фашисты впервые на кубанской земле встретили серьёзное препятствие для продвижения вперёд в виде казачьего кавкорпуса. 8 суток шли упорные бои на том рубеже. Это время позволило собрать воедино отступающие войска РККА и организовать оборону на Туапсинском направлении. Танковая армия немцев вынужденно обошла позиции казаков и устремилась к майкопской нефти. Кубанские и донские казаки-добровольцы непризывного возраста только по приказу командования оставили занимаемые рубежи обороны и 4 августа своим ходом срочно через 3 дня заняли оборону в предгорьях Кавказа, чтобы не пустить фашистов на Туапсе. После ухода с оборонительных позиций 17-го кавкорпуса дорога для немцев на Ейск и Краснодар была практически открыта. 9 августа 1942 г. стал на Кубани «чёрным воскресеньем». В этот день враги заняли Краснодар, Майкоп и Ейск. Но, если Майкоп и Краснодар были захвачены противником без боя, то Ейск был оставлен с боями.

Еще в конце июля 1942 г. по рекомендации Ейского горкома ВЛКСМ и с разрешения командования в состав истребительного батальона на службу были приняты более 20 девушек-добровольцев в качестве санитарок, прошедших курсы Красного креста при Горотделе милиции. В дальнейшем ейчанки проявили героизм и мужество и спасли не одну сотню раненых. Так санинструктор Зина Кушнелъ вынесла с поля боя 20 раненых и, защищая их, уничтожила четырёх фашистов. А Клава Недилько за героизм и самоотверженность в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1 степени¹. Юнгами в 144-й ОБМП были зачислены Борис Афанасьев, Михаил Кайновский и Виктор Чаленко. Последний, в свои неполные 17 лет, за героизм, проявленный в боях под Туапсе и на «Малой земле» был награждён орденами Красной Звезды и Красного Знамени (посмертно)².

В августе 1942 г. Ейский истребительный батальон подчинили командованию 144-го ОБМП. Его бойцы вместе с морскими пехотинцами участвовали в охране объектов и обороне города. Активное участие в уничтожении техники и живой силы наступающего на город противника приняли и корабли Азовской военной флотилии.

Первоначально перед защитниками стояла задача по усиленной обороне Ейска в связи с его удобным географическим расположением и размещением ВМБ АВФ. В районе Широчанки были подготовлены позиции для зенитных орудий и прожекторов, подвезены снаряды. Но в связи с оставлением 17-м казачьим кавкорпусом оборонительного рубежа Канеловская – Шкуринская – Кущёвская

¹ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1215.

² Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 119.

немецко-фашистские части начали активное наступление в южном направлении (на Краснодар) и в сторону Ейска.

«5 августа 1942 г. поступил приказ об эвакуации морем 40-го подвижного артиллерийского дивизиона. Под прикрытием двух рот морской пехоты он начал отход на Темрюк. Ейск лишился поддержки береговых батарей. Тем не менее, благодаря беспредельной отваге моряков и эффективной поддержке корабельной артиллерии, 144-му батальону морской пехоты и оставшейся роте 305-го батальона удалось в течение нескольких дней сдерживать натиск многократно превосходящего противника» [3, с. 82, 83]. Командир бронепоезда №6 пошёл на нарушение приказа командования и не позволил взорвать бронепоезд. Он принял решение с частью команды прорываться на Новороссийск. Опасный манёвр удался. Но в районе станицы Тимашевской пришлось вести бой с танковой группой противника.

С 6 по 8 августа 1942 г. на подступах к городу развернулись героические бои его защитников с превосходящими силами противника, в результате которых враг вынужден был в панике отступить на глубину до двух километров к Александровке. Некоторые подразделения врага были рассеяны. Эти бои позволили командованию в ночь с 7 на 8 августа осуществить эвакуацию из Ейска судов, людей и заводского оборудования, использованного для дальнейшей борьбы с врагом. Десятки врагов были уничтожены в этих боях. Только получив подкрепление, враг снова двинулся в сторону Ейска. По боевым донесениям АВФ в ходе боевых действий было уничтожено и рассеяно до полка пехоты, два эскадрона кавалерии, уничтожено и повреждено 20 машин, 40 повозок, два лёгких танка (танкетки).

Капитан 1 ранга А.И. Востриков, командовавший 144-м отдельным батальоном морской пехоты в звании капитан-лейтенанта, в своём письме редактору газеты «Приазовские степи» Ю.Г. Тараде от 26 июня 1968 г., так описывал бои за Ейск: «Противник силою до 2-х полков (один из румын) с ходу, при поддержке танков и артиллерии пошёл в атаку на наши позиции. Заранее отработанные взаимные действия канонерских лодок, береговой артиллерии сказались в тот момент со всей силой. Противник был встречен нашим огнём на дальних подступах, а та часть сил, которая сумела преодолеть завесу нашего огня и прорваться к нам (конница), была встречена ротой батальонных миномётов 27 стволов, калибр 82 мм под командованием Дмитрия Окунева. Наши матросы были ошеломлены, когда увидели силу миномётного огня и последствия его, которым мастерски управляли бесстрашные морские пехотинцы. Конницы как не было. И кони, и люди – всё было сметено... Этот бой мы выиграли и блестяще завершили его штыковой атакой. Враг был отброшен к Александровке. Немецкое командование вынуждено было выделить дополнительные силы для захвата Ейска. ...Интересно отметить, что военный корреспондент газеты «Красная звезда» в номере за ноябрь 1942 г. в статье «Уроки одного ночного боя» описывая события этого дня в Ейске, сделал вывод, что мы на опыте этого боя учились, как воевать дальше...

Массовый героизм – вот главная характеристика наших бойцов. Раненые взахлёб рассказывали о своих товарищах, а то, что Иван Казак спас командира и пуля, предназначенная комбату, разбила Ивану ногу – явление совершенно нормальное.¹

¹ Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-600. Оп. 3. Д. 3.

Бои под Ейском задержали продвижение противника и позволили эвакуировать 2440 бойцов и офицеров с 14 орудиями калибром от 76 мм до 152 мм, а также 38 автомашин, 350 лошадей, 200 повозок. Активные боевые действия под Широчанкой и Александровкой позволили переправить по суше и морем все части Ейской морской базы АВФ в общей сложности 3640 чел. В Темрюк было вывезено 34 орудия, 6 прожекторов, 48 автомашин и тракторов, 200 тонн боеприпасов, более 5200 тонн продовольствия и иных военных грузов, 350 лошадей, 200 повозок. Были выведены плавсредства торгового и рыболовецкого флота.

В результате оборона Ейска частями ВМБ оттянула на себя с основного направления до двух полков пехоты и до полка кавалерии противника.

Наши потери: убитых – 46 человек; раненых – 180. Следует отметить, что только 30 защитников города Ейска были захоронены позже в братской могиле на кладбище в Широчанке. Фамилии шестнадцати погибших известны, а четырнадцати так и не удалось определить. Фамилии ещё 16 погибших так же определить не удалось в связи с последовавшей полугодовой оккупацией Ейска вражескими войсками.

Потери противника: уничтожено до двух батальонов, рассеяно и частично уничтожено до двух эскадронов кавалерии и до полка пехоты противника, уничтожено две танкетки противника, 10 автомашин и 40 повозок.¹

Главный итог совместного боя частей и подразделений Ейской ВМБ, где в качестве главной силы выступили 144-й и 305-й ОБМП и Ейский истребительный батальон НКВД, заключается в том, что был сорван «плановый» захват противником города-порта Ейск. Трёхдневные боевые действия под Ейском позволили вывезти значительную часть боеприпасов, вооружения и эвакуировать весь личный состав Ейской ВМБ. Кроме того, были оттянуты значительные силы противника (до дивизии включительно). Это, в свою очередь, задержало наступление немецких войск и их союзников, рвавшихся на Кавказ и Черноморское побережье.

Таким образом, Азовская военная флотилия и приданные ей силы выполнили поставленную задачу по нарушению вражеских коммуникаций в акватории Азовского моря и обороне Ейска. Почти целый месяц морская пехота при активной поддержке морской артиллерии и авиации обороняла восточное побережье Азовского моря. Героически сражались с врагом батарея № 661, сводный батальон морской пехоты и экипаж бронепоезда №10, оборонявшие Павло-Очаковский узел сопротивления Ейской военно-морской базы. Четыре дня, будучи в окружении, при поддержке двух бронекатеров, дивизиона сторожевых катеров и бронепоезда они сдерживали наступление врага. Расстреляв весь боезапас, батарейцы взорвали орудия, бронепоезд и на катерах ушли в Глафировку. Остатки сводного батальона сухопутными дорогами вышли из окружения и затем приняли участие в обороне Ейска».²

После 7 октября 1941 г. корабли Азовской военной флотилии (АВФ) на боевые задания уходили из Ейского порта вплоть до эвакуации ЕВМБ. Сразу же после освобождения Ейска от немецко-фашистских захватчиков 5 февраля 1943 г. и до мая 1944 г. АВФ вновь базировалась в Ейске, выполняя боевые задачи командования. Восстановление работы Ейского порта и ВМБ после изгнания врага из Ейска

¹ ЦВМА. Ф. 957. Оп. 42. Д. 1. Л. 65-79.

² ЦВМА. Ф. 175. Д. 32688. Л. 71.

проходило с 23 марта 1943 г. после прибытия нового начальника порта И.С. Морозова [4, с. 3]. С помощью ручных лебёдок подняли вмёрзшие в лёд суда и отремонтировали их. Уже 1 апреля 1943 г. четыре отремонтированных судна были переданы АВФ. Они стали нести дозорную службу и вести разведку.

Так как Керченский пролив был ещё в руках врага и боевые корабли не могли пройти из Чёрного моря в Азовское, доставку корпусов плавсредств осуществляли по железной дороге в порт Ейск. Разгрузку производили с железнодорожных платформ прямо на воду, и затем укомплектовывали суда на плаву оборудованием и вооружением. Нередко эти процессы происходили под бомбёжкой авиации противника в течение нескольких суток. Атакам подвергались объекты порта, через который шло снабжение группировки советских войск в Крыму, железнодорожной станции и аэродрома. До сих пор старожилы Ейска, оставшиеся в живых, помнят как 27 апреля 1943 г. (на Пасху) в 11.30 группа вражеских самолётов подвергла массированной бомбардировке Ейский порт. Досталось и жилым кварталам. В районе пристани порта остались лежать тела десятков убитых и раненых работников порта и простых жителей города. В результате налёта затонули четыре сейнера и катер-тральщик.

Пока продолжалась война, Ейск чем мог помогал фронту. С весны 1943 г. в городе около года базировался 384-й ОБМП под командованием капитана Ф.Е. Котанова, который в конце 1942 г. был начальником штаба в легендарном отряде Цезаря Куникова. В том отряде воевал юнгой житель Ейска Виктор Чаленко.

384-й ОБМП принял активное участие в освобождении побережья Азовского и Чёрного морей. После длительной и интенсивной подготовки в составе АВФ, базировавшейся в Ейске, в ночь с 29 на 30 августа 1943 г. к западу от Таганрога был десантирован отряд в составе 157 бойцов под командованием комбата майора Ф.Е. Котанова и начальника штаба лейтенанта К.Ф. Ольшанского. В ходе ночного боя гарнизон и скопившиеся немецкие и румынские части были рассеяны. Бойцами 384-го ОБМП были уничтожены до 200 солдат и офицеров противника, сожжено 200 грузовых машин, 3 танка, 5 складов с боеприпасами. Тем самым десант сыграл важную роль в освобождении Таганрога. Утром 30 августа десант возвратился в Ейск. А вечером в Москве прогремел салют в честь освобождения Таганрога. К слову, в этих боях за Таганрог активное участие принимали и казаки 4-го Гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко. Практически до конца весны 1944 г. штаб 384-го ОБМП и его морпехи базировались в Ейске. Отсюда они уходили на боевые задания, уничтожая противника на северном побережье Таганрогского залива.

Серьёзный вклад в достижение победы над врагом внесли и лечебные заведения Ейска. Госпитали обеспечили восстановление здоровья и возвращение в строй сотен красноармейцев, получивших ранения в боях против немецко-фашистских захватчиков. На территории города до оккупации располагались три эвакуационных госпиталя: ЭГ № 2133 - на улице Коммунаров в доме № 1 (ныне ДШИ); ЭГ № 2137 - на улице Энгельса (на территории нынешней районной больницы); ЭГ № 2141 - на улице Ленина, 70 (территория нынешнего санатория «Ейск»).

После окончания оккупации Ейска с февраля 1944 г. по июль 1945 г. по улице Ленина, 70 располагался ЭГ № 5447. Военно-морской госпиталь № 100 появился в Ейске на улице Энгельса в апреле 1944 г. и функционировал до 1951 г. (ныне в

этом здании военный госпиталь). С 1944 по 1945 г. в здании нынешней средней школы № 1 функционировал госпиталь Крайздравотдела.¹

После освобождения города жители Ейска и Ейского района горячо откликнулись на призыв начать сбор средств на постройку боевой техники для Красной Армии. Работники Ейского зерносовхоза выступили с инициативой собрать деньги для постройки танка. Районная администрация поддержала инициативу. Было собрано 380508 рублей 34 копейки. Решением правительства СССР одному из построенных танков Т-34 было присвоено имя «Ейский колхозник». В августе 1943 г. в Подмоскowie к танку был приписан экипаж. В первый бой под городом Юхнов Калужской области пошел экипаж в составе командира танка ст. лейтенанта Н.С. Клименко, башенного стрелка ст. сержанта И.С. Доброродного, пулемётчика-радиста ст. сержанта И.Ф. Платоненко, механика-водителя В.И. Зелькина. Боевой путь танк прошёл до деревни Дыманово Витебской области. В ходе наступательной операции танк был подбит и сгорел. В этой операции на счету экипажа танка было 10 уничтоженных немецких танков и батальон пехоты противника. Из экипажа выжил только командир Николай Сергеевич Клименко.

1.09.1975 г. решением исполнительного комитета Ейского районного Совета народных депутатов Николаю Сергеевичу Клименко первому было присвоено звание «Почётный гражданин Ейского района».²

После изучения документов с 1972 по 1977 г. было принято решение увековечить память о танке в Ейске. 3 мая 1977 г. в преддверии празднования дня Победы танк Т-34, идентичный танку «Ейский колхозник», был установлен на постаменте.

К 23 декабря 1943 г. было собрано 72 тыс. рублей на постройку эскадрильи самолётов-истребителей «Кубанский авиахимовец».

Трудящиеся города своим самоотверженным трудом перекрывали все нормативы на производстве, планы иногда перевыполняли в 6 раз. Жители добровольно отдавали денежные средства на постройку боевой техники. Так на постройку бронекатера «Ейский патриот» из личных сбережений была внесена сумма 452650 рублей и 230 тыс. рублей облигациями займов. Бронекатер был построен и вступил в строй 20.12.1944 г. С января 1945 г. принимал участие в боях на Дунае. Командиром корабля был назначен лейтенант Борис Фёдорович Балеv. Катер прошёл более 5 тыс. км. В боях были уничтожены батарея противника, 4 огневые точки и рассеяно около батальона фашистской пехоты.³

30 августа 1972 г. бронекатер был отреставрирован руками добровольцев-ремонтников и поставлен на постамент в районе Ейской косы. Решением Ейского городского Совета народных депутатов трудящихся от 8.05.1975 г. Борису Фёдоровичу Балеvu было присвоено звание «Почётный гражданин города Ейска» и его фамилия занесена в городскую книгу «Почётный гражданин города Ейска»⁴.

Отдельно следует выделить работу специалистов и населения по разминированию «сюрпризов», которые остались после периода оккупации. Бойцами-минёрами с 1944 г. по 20 сентября 1946 г. было разминировано 18 минных полей,

¹ Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-600. Оп. 3. Д. 4. Л.1, 2.

² Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 356. л. 259.

³ Там же. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л.13.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 304. Л. 356.

снято 1869 противопехотных и противотанковых мин. Команда минёров, сформированная из 12 местных жителей 1892-1926 г.р., после контрольной проверки территорий на площади в 31 га (Ейская коса, острова «Коса Киска», районов Глафировки и Шабельска), на острове Ейская коса собрала и уничтожила 3850 противопехотных мин. Этой же командой минёров по указанию Краевого совета Осавиахим с 28 июля по 20 сентября 1946 г. была проведена дополнительная контрольная проверка территории, во время которой собрали и уничтожили 618 взрывчатых предметов. Всего было проверено 1143 га, найдено и уничтожено 6394 взрывоопасных предмета: 5719 противопехотных, противотанковых и морских мин, 675 артиллерийских снарядов и др. взрывоопасных единиц.¹

В целом надо отметить, что в годы Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг. развернулись серьезные сражения в границах акватории Азовского моря. Для ведения боевых действий была дополнительно создана Азовская военная флотилия в составе Черноморского флота, летом 1942 г. в Ейске функционировала Военно-морская база.

В связи с высокой вероятностью высадки немецкого десанта из района Мариуполь – Таганрог были предприняты меры по созданию обороны города, ведь немецкое командование планировало использовать Ейск как важнейшую базу снабжения своих войск.

Ожесточенные сражения под Ейском позволили отвести войска, вывести вооружение, но самое главное – отвлечь значительные силы противника, стремившегося захватить Кавказ и Черноморское побережье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941-1942 – М.: Воениздат, 1992.
2. Горшков С.Г. На южном приморском фланге (осень 1941 г.- весна 1944 г.). – М.: Воениздат, 1989.
3. Гречко А.А., Маршал Советского Союза. Битва за Кавказ. М., Военное издательство, 1973.
4. Кузьмин О.А. Ейский морской порт. История и современность. – Ейск, 2011.

REFERENCES

1. Military chronicle of the Navy, 1941-1942-M.: Voenizdat, 1992.
2. Gorshkov S. G. On the southern Primorye flank (autumn 1941-spring 1944). Moscow: Voenizdat, 1989.
3. Grechko A. A., Marshal Of The Soviet Union. Battle for the Caucasus. Moscow, Military publishing house, 1973.
4. Kuzmin O. A. Yeisk sea port. History and modernity. Yeisk, 2011.

Информация об авторе: Курков Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета Ейского отделения РВИО, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Краснодарский край, г. Ейск, Россия

e-mail: kurkovgm@mail.ru

¹ Ейск, МКУ «Архив». Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 414. Л. 2, 3, 4, 13.

Поступила: 31.01.2020

После доработки: 16.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: G.M. Kurkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chairman of the Council of the Yeisk Branch of the RWIO, Honorary Worker of Higher Vocational Education of the Russian Federation.

Krasnodar territory, Yeisk, Russia

e-mail: kurkovgm@mail.ru

The paper was submitted: 31.01.2020

Received after reworking: 16.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908 (571.6)

Пчела Инна Владимировна

Филиал Дальневосточного федерального университета
в г. Уссурийске (Школа педагогики)
г. Уссурийск, России
e-mail: Pchelka70@mail.ru

**СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В ПРИРОДНОМ И КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

В статье изучены истоки формирования образовательного пространства в сельских районах Дальнего Востока, в историческом аспекте рассмотрено создание архитектурно-планировочной структуры крестьянских сел рубежа XIX-XX вв. Автор проанализировал природные и культурные факторы, повлиявшие на формирование образовательного пространства, показал взаимосвязь между планировкой образовательного пространства и уровнем развития церковно-школьного дела. В результате проведенного исследования сделан вывод о зависимости условий обучения в народной школе от тех приоритетов, которыми руководствовались крестьянские общества, открывая сельскую школу

Ключевые слова: волость, село, планировочная структура, народная школа, образовательное пространство

Для цитирования: Пчела И.В. Сельская школа в природном и культурном ландшафте Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. // *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 63-76.

Inna V. Phela

Branch of the far Eastern Federal University in Ussuriisk (School of Pedagogy)
Ussuriisk, Russia
e-mail: Pchelka70@mail.ru

**RURAL SCHOOL IN THE NATURAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE FAR EAST
AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

In the article, sources of formation of educational space in the rural area of the Far East, in historical aspect is the creation of architectural-planning structure of the peasant villages of the turn of XIX-XX centuries. The Author analyzes the natural and cultural factors that influenced the formation of educational space, showed the relationship between the layout of educational space and the development of church and school affairs.

As a result of the conducted research, the conclusion is made about the dependence of the conditions of education in a folk school on the priorities that guided peasant societies when opening a rural school

Key words: parish, village, planning structure, public school, educational space

For citation: Phela I.V. Rural school in the natural and cultural landscape of the Far East at the turn of the XIX-XX centuries. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 63-76. (In Russ., abstr. in Engl.).

Изучение прошлого родного края важно не только для формирования исторической памяти, но и для понимания особенностей того пространства, в котором живет и работает человек. Пространство формируется долгое время, под влиянием разных факторов. Фокус внимания автора сконцентрировался на планировочной структуре населенных пунктов юга Дальнего Востока, особое место в которой отводилось школе. Несмотря на более чем вековую историю, в разных районах Приморского края от трети до половины школ размещаются в зданиях, построенных в конце XIX в. – начале XX в. (в настоящий момент функционируют здания в селах Новоникольское, Осиновка, Покровка, Раздольное и др.). Этим объясняется интерес к изучению данного аспекта региональной истории.

Если в европейской части страны планировочная структура населенных пунктов формировалась веками, то Тихоокеанское побережье России во второй половине XIX в. представляло собой «дикий» и «необжитый» край. В начале XX в. Д.Я. Бондарев посетил Приморье и описал его в воспоминаниях: «сплошная тайга, непролазные болота, сопки и сопки. Богатый и пустынный край» [1, с. 295]. Освоение Южно-Уссурийского края началось во второй половине XIX в. после подписания Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) мирных договоров, в результате которых юг Дальнего Востока вошел в состав России. Его заселение происходило несколькими этапами. На первом этапе (1860-1880-е гг.) в край прибыли казаки (они расселились вдоль границы с Китаем), старообрядцы из Сибири (основали деревни по берегам рек в таежной глубинке края) и корейцы (освоили южное побережье). На втором этапе (1880-1900 гг.) в край морем перебрались крестьяне из южных губерний страны; они основали «старожильческие» селения на берегах озера Ханка и в долине реки Суйфун (Раздольная). На третьем этапе (1900-1920-е гг.) в край по железной дороге приезжали «новоселы» из западных регионов страны, они освоили внутренние районы Иманского, Никольск-Уссурийского, Ольгинского уездов.

Переселенцы прибывали не на пустое место, а на участок, выбранный «ходоками» и отведенный землемерами Переселенческого Управления. Так, «Дорофей Софронович Мельник в 1882 г. прибыл во Владивосток «делегатом» от крестьян Черниговщины. Он выбрал две площадки в среднем течение реки Лефу (Илистая) для будущих сел Ивановка и Николаевка» [2, с. 8]. Землемеры Переселенческого Управления определили границы участка, составили план населенного пункта, отмежевав не только места под усадьбы, но и определив территории под общественные постройки: участок в центре – «базарная площадь», рядом – под общественные здания. По свидетельству А.А. Риттиха, «основывая деревню, переселенцы тотчас определяли в центре будущего селения площадь под храм, по соседству – землю под школу. По возможности сразу приступали к изысканию

средств на их строительство» [3, с. 73]. Чиновники отмечали, что «крестьяне с уважением относились к работе землемеров, завершавших отвод земельного участка для сельского общества, говорили, что люди будут знать свою землю и ее никто не захватит» [4, с. 218]. Такая практика предполагала, что церковь и сельская школа станут культурным центром, «маяком в темном царстве невежества», их деятельность окажет самое благотворное влияние на крестьянство, будет способствовать культурно-просветительской работе в деревне.

Можно предположить, что в проекте будущих населенных пунктов школе отводилось центральное место, оно определялось особенностями природного (географического) и культурно-исторического контекстов. В этой связи целью проведенного исследования являлось определение места, которое в природном и культурном ландшафте юга Дальнего Востока отводилось сельской школе, выяснение особенностей планировочной структуры сел на основе междисциплинарного подхода, который включает в себя природный и культурно-исторический аспекты.

Представляется интересным проанализировать: чем руководствовалось сельское общество, определяя место под школу; какие факторы оказали позитивное и негативное влияние на возведение здания школы и обустройство пришкольной территории; как проектировали образовательное пространство; соответствовало ли оно условиям учебного процесса.

В качестве временного отрезка для анализа был выбран период 1890-1910-е гг., когда формировалась сеть начальных учебных заведений края.

Объектом изучения стали крупные и многолюдные села, ставшие административными центрами волости. Они появились на карте Южно-Уссурийского края в 1860-1890-е гг., согласно переписи 1915 г. в трех уездах края насчитывалось 44 волости [5, с. 3-5]. Отличительная особенность этих сел состоит в том, что место их возникновения выбирали первопоселенцы и ходоки, которые плохо знали местные климатические условия. Выбирая место водворения, они руководствовались своим представлением об «удобном» или «красивом» месте, аргументируя свой выбор близостью реки, озера или леса.

История возникновения этих населенных пунктов хорошо изучена. Краеведы собрали большой фактический материал, восстановили событийный контекст [6, 7, 8, 9]. Специальных исторических исследований, посвященных формированию планировочной структуры населенных пунктов, крайне мало, а имеющиеся воссоздают только образ городов Владивостока, Никольска-Уссурийского и др. Можно выделить монографию Н.С. Зуевой и О.Б. Лынша [10], статьи Н.С. Зуевой [11], Ю.П. Лазаревой и А.Е. Гашенко [12], В.А. Обертас [13, 14] и др. Вместе с тем, в отечественной исторической науке вопросы о планировочной структуре сел и деревень остаются неразработанной темой. В этой связи природные и культурные ландшафты дальневосточных селений остались без внимания исследователей.

Материалом для исследования стали опубликованные документы из фондов Государственного архива Приморского края, периодическая печать (газеты «Владивосток», «Владивостокские епархиальные ведомости» и др.), воспоминания путешественников, посетивших край на рубеже XIX-XX вв.

К 1880 г. на карте Южно-Уссурийского края насчитывалось 32 селения, за следующие десять лет цифра увеличилась втрое, составив к 1900 г. – 118, а к 1909 г. – 132 населенных пункта [15, с. 435]. Динамика развития селений различалась из-за влияния географического (природного) фактора. В планах населенного пункта можно выделить несколько стержневых объектов, близость которого влияли на планировочную структуру и повседневную жизнь сельско-

го общества: река и озеро, горы и сопки, почтовый тракт и железная дорога. Проанализируем их подробнее.

Самые старые села края традиционно возникали по берегам рек. Так, «в 1886 г. 25 семей переселенцев из с. Мутин Кролевецкого уезда Черниговской губернии остановились в глубине большой и удобной равнины, с трех сторон окруженной лесистыми сопками одного из отрогов Сихотэ-Алиня, на берег реки, притока Лефу (Илистой)» [16, с. 2]. Первоначально они заняли оба берега реки, но «в 1888 г. на участок приехали землеустроители Переселенческого Управления. Они отвели участок на 160 усадебных наделов по левую сторону реки под село, а земельные угодья (сенокос, луга для выпаса скота, лес) – по правую сторону. Землеустроители составили план нового селения, подтвердив официально его название – Черниговка» [17, с. 97]. По требованию землемеров черниговцы перебрались на левый берег.

«Карта с. Черниговка (1892 г.)» сохранилась в историко-краеведческом музее Черниговского района. Она демонстрирует правильную планировку села, образованную шестью улицами, которые пересекаясь образуют одинаковые по площади (1-2 десятины на семью) участками. «Вдоль реки пролегла Первая улица. Дома черниговцы построили по обе стороны дороги. Вторая улица застраивалась домами только с северной стороны. На Третьей улице компактно расположились китайские мастерские, магазины и торговые лавки. Они стоят так тесно примыкая друг к другу, что можно было пройти весь квартал, не выходя из помещений на улицу» [18, с. 1]. На рубеже XIX-XX вв. Черниговка превратилась в «едва ли не самое большое село в крае. Здесь проживало несколько тысяч жителей, а улицы и дома напоминают город», - писал епископ Камчатский Евсевий, посетивший Черниговку летом 1898 г. [19, с. 115]. Село раскинулось по берегу реки на 4-5 верст в длину и на 1 версту в ширину. «Издали Черниговка кажется очень большим селом, но въехав, скоро выясняется, что постройки крайне разбросаны и далеко отстоят друг от друга – иные более, чем на 60-70 сажень. В пожарном отношении это очень хорошо» - писал корреспондент газеты «Владивосток» (1899 г.). Это описание подтверждает вышеупомянутая карта.

В центре с. Черниговка, на пересечении Третьей улицы и двух переулков находится большая площадь, где в выходные и праздничные дни был базар. Вокруг площади располагались шесть лавок, четыре кабака и магазины Кунста и Альберса, Чурина, Пономарева и местного купца Монастырного. Вблизи храма размещалась церковная сторожка и две школы (церковноприходская и министерская). Ничем кроме удобного местоположения, школы не обладали. Черниговская церковноприходская школа представляла собой «типичную крестьянскую хату», тесную и непригодную для школьных нужд. Описание министерского училища с. Черниговка (1901 г.) оставил А.П. Сильницкий: «внешний вид школы, к сожалению, не отвечает тому впечатлению, какое выносит посетитель Черниговки об этом селе, как о селе богатом. Школа помещается в ветхом здании 18 аршин длины и 9 аршин ширины; потолки низкие, окна маленькие, стены оклеены грязными, оборванными обоями. Классная мебель и прочая классная обстановка вполне гармонирует с внешним видом здания: все старо, поломано, порвано. Вообще, Черниговка, несмотря на достигнутое ею благосостояние, совершенно не проявляет заботливости об общественном благоустройстве. Все село имеет вид унылый и безжизненный» [20, с. 91].

Аналогичную планировочную структуру имели Успенка и Зеньковка. Современники описали их однотипно. С. Низяев писал: «В 1920 г. выехал я из Владивостока в Успенку. В то время это обычная крестьянская деревня со всеми тяго-

тами и нуждами, бедностью и поголовной неграмотностью. Деревни, подобно этой, все были одинаковы: церковь, маленький домишко школы, подслеповатые хаты, бездорожье, темнота и нужда» [21, с. 2].

Географическая среда повлияла на планировочную структуру таких сел как Никольское (с 1900 г. – город Никольск-Уссурийский) и Спасское (с 1922 г. – город Спасск-Дальний): улицы идут вдоль берега реки, на пересечении образуют базарную площадь, к ней примыкают магазины и торговые лавки, церковь и две школы; образцовые кварталы одинаковой площади плотно застроены домами местных жителей и надворными постройками. Этот вывод подтверждают фрагменты воспоминаний современников. Корреспондент газеты «Владивосток», писавший свои очерки по псевдонимом «Дятел» посетил Спасское в 1902 г. По его словам, «село расположено по левой стороне в полверсты от реки Сантохеза (Спасовка). Дома построены по увалу, а главная и единственная сносная улица растянулась на 4 версты. Постройки на 2/3 крыты соломой, только около церкви и базара (лавок 20) все дома крыты цинком. В Спасском имеется маленькая деревянная церковь, две школы и министерская школа, что помещается в здании, какой-то причудливой архитектуры – с вышкой чуть ли не вроде Пулковской обсерватории, один общественный кабак, два винных склада и мельницы» [22, с. 6].

Образ с. Никольское в 1898 г. запечатлел в своем очерке К. Кардашевич: «три параллельных улицы, около двух верст длиною, пересекаются несколькими поперечными, вследствие чего образуются кварталы правильной формы, застроенные деревянными домами почти одинакового типа» [23, с. 1266-1267]. В те же годы Никольское посетила писательница И. Бишоп. По ее словам, «село расположено посреди плодородной холмистой степи на берегу реки Суйфун. Здесь шесть улиц невообразимой ширины, длиною по 1,5 версты каждая. В Никольске нигде не увидишь бедности, оно стремительно развивается. Есть просторная рыночная площадь и базар, две церкви... Все напоминает район Солт-Лейк-Сити, особенно деревянные, оштукатуренные и побеленные известкой дома с крышами из рифлёного железа» [24, с. 124-125]. Идиллическая картина: большое благоустроенное село, с четкой планировкой одинаковых по размеру кварталов, несколько церквей возвышаются над однотипными деревянными домами. Близь храмов выстроены начальные школы. Так выглядят на редких дореволюционных фотографиях села Никольское, Спасское.

Но идиллическую картину портила плотная застройка улиц и переулков. Она мешала строительству больших общественных зданий: школ, лечебниц. Об остроте дебатов вокруг определения места под будущую застройку, можно судить по следующему тексту: «в 1910 г. директор и врач училища предлагали использовать участок в 142 квартале на окраине, рядом с кладбищем, товарной станцией, мельницей, вблизи болотистой равнины. После долгих дебатов определили место под строительство на Сенной площади, рядом с Народным Домом. Но директор категорически возражал: рядом с учебным заведением не должно быть барахольных рядов, шумной и пыльной торговой площади. Расположение училища рядом с кладбищем, где проходит постоянно погребальный процесс, его не смущало» [25, с. 91]. Массовая застройка села опережала планы церковно-школьного строительства, поэтому сельскому обществу приходилось проявлять волю, настойчивость, чтобы выделить или выкупить место под строительство.

В более благоприятной ситуации оказались те общества, которые предусмотрительно планировали места под общественную застройку. Это справедливо в отношении с. Осиновка (1879 г.). В результате приселений 1885-1892 гг. Осиновка превратилась в крупное и многолюдное село. «Первые засельщики занима-

ли места самостоятельно, сколько заблагорассудится» [4, с. 242], но, главным образом, по окраинам; просторный участок в центре села долгое время оставался свободным. В 1891 г. на небольшом возвышении построили храм, «под горою, на которой построен храм, находился источник, который никогда не иссякает. Поэтому храм осветили в честь Живоносного источника Пресвятой Богородицы» [26, с. 411]. В следующие десять лет на свободном участке построили здание волостного правления, почтовую станцию, женскую церковноприходскую школу и избу-читальню (1903-1906 гг.). По общему мнению современников, «двухэтажное деревянное здание на высоком каменном фундаменте, просторное и светлое помещение; посредине – мезонин, под ним – высокое крыльцо, направо от крыльца – большой светлый класс в 8 окон с аркой посредине, налево – просторный зал в 9 сажени окон и с аркой посредине» [27, с. 446] было одним из самых красивых в крае. Получив кредит, сельское общество в 1909 г. построило здание двухклассного министерского училища из красного кирпича. Село приобрело вид благоустроенного и комфортного для проживания.

К сожалению, этот пример стал скорее исключением из правил. В первые после водворения годы, на жизнь переселенцев влияло несколько негативных факторов, которые искажали планы, составленные чиновниками Переселенческого Управления. Во-первых, по таежным тропам регулярно совершали набеги китайские разбойники-хунхузы. Это вынуждало новоселов уходить с насиженных мест и селиться вблизи казачьих поселков или военных гарнизонов. К примеру, в 1868 г. была сожжена деревня Шкотово. В таких условиях вся энергия местных жителей сосредотачивалась на укреплении своего хозяйства, ресурсов для строительства общественных зданий не хватало. «Трудно рассчитывать на инициативу самих сельских обществ. Необходимо употребить для этого кое-какие репрессалии со стороны административных лиц, от которых почти непосредственно зависит процветание школ, расположенных в районах их управления» [28, с. 4].

В 1891 г. Шкотовское общество получило кредит на строительство школы, реализовать который необходимо было в короткий срок. Но, «что мужики понимают в школах? Им бы только подешевле. Государство наше при миллиардном бюджете на народные школы отпускает такие гроши, что учреждение школы составляет целое событие не только для волости, но и для целого уезда» [29, с. 10]. Поскольку к строительству школы шкотовцы заранее не готовились, то выделили свободный участок для строительства «на отшибе». «Здание было построено прямо в кустах, которые в продолжение последующих восьми лет так и не смогли расчистить. При школе нет усадьбы для огорода, не отведено полевой земли. Эти условия неблагоприятно отразились на ведении и правильной постановке школьного дела» [29, с. 8].

Сельское общество «халатно» относилось к своей школе, считая, «казна строила, пусть казна и заботиться, нам нет дела, мы прожили век не учившись, проживут и наши дети» [30, с. 6]. В 1899 г. Шкотово посетил корреспондент газеты «Владивосток». Он писал: «в настоящее время школа представляет из себя плачевный вид: здание ветхое, тесное. Оно напоминает скорее вид какого-либо больничного барака для заразных больных, который естественно каждый старается обойти как можно дальше, нежели того питомника, откуда простолюдин почерпывает полезные сведения, мощь и силу, которые хотя сколько-нибудь обещивают ему успех в борьбе в здешнем новом для него крае» [29, с. 10]. Равнодушное отношение к сельской школе, недооценка ее роли в жизни крестьян, приводила к растрате ресурсов и недоверию к инициативам в области просвещения.

Другим негативным природным фактором стали катастрофические наводнения, которые регулярно разрушали селения по берегам рек Даубихе (Арсеньевка), Лефу (Илистая), Улахе (Уссури) и др. Это заставляло оставлять уже обустроенные селения и отстраиваться на новом месте. Поэтому на карте Южно-Уссурийского края появились селения Старая и Новая Сысоевка, Старая и Новая Гордеевка, Старая и Новая Варваровка и др. Первоначально на новое место отселялись отдельные крестьянские семьи, возникал хутор или выселок. Затем отселение принимало массовый характер. Сначала переносили дома и хозяйственные постройки, в последнюю очередь – общественные здания (храм, школу, лечебницу), вписывая их в новый ландшафт.

В этом случае от первоначальной планировки не оставалось следа, новая структура формировалась стихийно, под влиянием природного ландшафта. Так современники описывали с. Михайловку: «пригородная деревня начала основательно заселяться с 1885 г. Место выбрали сами, усадьбы разместили без плана. Такая неравномерность объяснялась естественными причинами» [31, с. 5]. В результате четкая планировка нарушалась.

О том, что такая ситуация вредит школьному делу, можно судить на примере с. Абрамовка (1993 г.). Первоначально этот переселенческий участок представлял собой низменность, который из-за дождей превращалось в болото или в результате летних тайфунов – в «топь». Поэтому жители перенесли село немного в сторону. «С дороги Абрамовка представляется жалким хутором с 25-30 хатами. Речка проходит примерно в 1 версте от деревни. Главная улица упирается в почтовый тракт. Старый тракт заброшен, устроен новый и довольно хороший. Высокая насыпь по обе стороны тракта образует глубокие канавы, насыпь укреплена плетнем, так что разлитие реки повредить селению не может» [32, с. 6]. Поскольку абрамовцы расселились по участку без плана, а «по личному усмотрению», это затрудняло выделение участка под постройку общественных зданий. Проблема не решалась годами. «На сельский сход приезжал крестьянский начальник Ханкайского участка В.В. Солярский, обещал исходатайствовать денежную субсидию, если крестьянское общество составит приговор и выделит участок для строительства храма и школы, что крестьяне выполнили, желая угодить своему начальнику» [33, с. 177]. Но нашелся лишь один подходящий участок. Рачительные жители решили сэкономить деньги и землю, т.е. построить церковь-школу, т.е. «новый тип помещения, который в будничное время будет отвечать потребностям школы, а в случае надобности служить церковью. Рекомендовали построить его на возвышенном месте и обсадить деревьями, могущими предохранить здание от пожаров» [34, с. 3]. Так и поступили.

Третий фактор, который негативно повлиял на формирование образа приморских сел и деревень, неоднородный состав местного населения. Водворение переселенцев происходило не одновременно, партии состояли из выходцев разных губерний России. К примеру, в селах Покровка и Ивановка местные жители разместились по принципу землячества. Свои улицы и переулки они называли «Могилевщина», «Полтавщина», «Харьковщина» и т.д. Каждое землячество обладало своим укладом, традициями строительства домов и надворных построек. Такая пестрота не могла не отразиться на образе села и на взаимоотношениях местных жителей. «Во многих селениях далеко не сразу достигается общественное согласие и налаживается общественная работа, т.к. жители, собранные в одно селение из разных малороссийских губерний и губерний Западного края. Все они принесли с родины свои порядки и привычки. Никто не хочет поступаться своими интересами ради общих интересов. Каждый тянет в свою сторону и настаивает на

своем преобладании. Это неизбежно вело к раздорам» [35, с. 181-182]. Споры тянулись годами, поэтому «пустыри» застраивались и, при необходимости приходилось искать новое место или приспособлять «арендованное» помещение под нужды школы. К примеру, «Село Хороль раскинулось на широком пространстве близь озера Ханка. Оно имеет не много домов, построенных в малороссийском вкусе. В домах чисто и уютно. Живут более или менее мирно, занимаются земледелием. Одно только дурно, что до сих пор не завели себе школы несмотря на то, что в селении имеется церковь. Выстроено нечто в виде дома для батюшки, где тот не пожелал жить и этот дом пустует. Недурно было бы устроить там школу» [36, с. 6].

Отсутствие общественного согласия приводило к слабости органов местного самоуправления и к утрате авторитета волостных властей. В результате распространялось «захватное право». Так, жители с. Николаевка рассказывали: «У нас есть случаи захвата земли. Размер захвата определялся потребностью хозяйства. Общество признает право захватчика на всю захваченную землю» [4, с. 221-222].

Присваивали не только земельные наделы на полях, но и усадьбы на территории села. Так, с. Григорьевка (1883 г.) возникло на берегу реки Чихеза (Абрамовка), поселенцы расселились на участке «по своему усмотрению». Дворы располагались на большом расстоянии друг от друга. «Разные размеры усадеб объяснялись тем, что первые усадьбы отводило общество, затем распространилось захватное право. Оборотистые люди пригородили излишки земли под дворы и огороды. Это исказило план села» [37, с. 6], что подтверждали путешественники, посетившие село на рубеже XIX-XX вв.: «Когда мы поднялись на гору, взорам представала Григорьевка, одно из старых сел края. Я ожидал увидеть что-то порядочное, но разочаровался. Опять та же разбросанность. Поселились по оврагам и косограм, несмотря на величину, оно кажется небольшим, потому что с одной горы видишь одну часть, с другой – другую, а полного представления нет. Главная улица изрыта оврагами и выбоинами, хотя по этой улице пролегает почтовый тракт» [37, с. 6]. Отсутствие контроля со стороны органов местного самоуправления привело к тому, что крестьяне вовсе не признавали существование строительного устава и строились так, как им нравилось. В результате получался «хаос домов», построенных без всяких правил. При отсутствии четкой планировки, из-за хаотичной застройки чрезвычайно сложно было найти место для постройки общественных зданий. Выход виделся в том, чтобы арендовать у местных жителей «свободные» дома, приспособить их под школу. Стоит ли говорить, что арендованное помещение плохо соответствовало требованиям учебного дела и требовало большого ремонта. В результате, скупые платили дважды.

Подведем итоги, погружение в географический (природный) аспект изучения планировочной структуры волостных сел юга Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. показало, что можно условно выделить три группы населенных пунктов: 1) с правильной планировкой, соответствующей планам и схемам, составленным чиновниками Переселенческого Управления; 2) с частичным нарушением планировки, искажением первоначального проекта; 3) стихийно возникшая планировка, обоснованная природным ландшафтом.

В селах с четкой планировочной структурой место для общественных зданий определялось заранее, границы участка строго соблюдались. Поэтому ничего не препятствовало строительству здания сельской школы. Более того, такие села своим внешним видом уподоблялись городам, воспринимались современниками как «культурные» и «благоустроенные». В селах, где по разным причинам планировочная структура нарушалась, рано или поздно возникали серьезные препят-

ствия для церковно-школьного строительства, на рубеже XIX-XX вв. так и не оформилось образовательное пространство.

Проведенное исследование обнаружило прямую взаимосвязь между приоритетами, которым руководствовалось сельское общество в строительстве общественных зданий и уровнем развития школьного дела. В 1880-1900-е гг. крестьяне весьма индифферентно относились к предложениям выделить средства на строительство своей школы. Общества не проявляли инициативу и соглашались только под давлением уездных и краевых властей. При строительстве школьных зданий руководствовались не требованиями образовательного процесса, а стоимостью работ. Такая образовательная среда не играла ключевой роли в жизни сельского общества, мало способствовала народному просвещению, не стимулировала инициативы и ответственности местного населения в приобщении крестьянских детей к знаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев, Д. Я. Далекая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск III. / Ред. О. Б. Лынша, И. В. Пчела. Уссурийск, 2013. С. 292–311
2. Бутковская, Н. В. Вот такая история // Вперед. 2008. 2 сентября.
3. Риттих, А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае: Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А. А. Риттиха. Санкт-Петербург: типография Министерства внутренних дел, 1899. 154 с.
4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области: старожилы-стодесятники Приморской области. [Текст] / Сост. А. А. Меньшиков. Саратов: тип. Губернского правления, 1912. 575 с.
5. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые: перепись населения 1-20 июня 1915 г. Владивосток: тип. Приморского областного правления, 1915. 136 с.
6. Бачурин, А. М. Паспорта исторического свидетельства сел Спасского района. [Текст]. / А. М. Бачурин. Спасск-Дальний, 1998. 83 с.
7. Пак, В. П. Земля вольной надежды: очерки дореволюционной истории Надеждинского района. [Текст] / В. Пак. Владивосток: Валентин, 2012. 216 с.
8. Смирнов, А. Г. У самой границы: история Пограничного района. [Монография] / А. Г. Смирнов. Владивосток: Русский остров, 2005. 335 с.
9. Шелудько, В. О. История Черниговского района (1886-1917 гг.): учебное пособие для учащихся и учителей средней школы / В. О. Шелудько Владивосток, 1998. 98 с.
10. Зуева, Н. С. Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно - планировочной структуры, топонимии и образа города: [Монография] / Н. С. Зуева, О. Б. Лынша. Уссурийск, 2012. 92 с.
11. Зуева, Н.С. Формирование архитектурно-планировочной структуры Никольск-Уссурийского в конце XIX - начале XX в. // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан. Омск, 2009. С. 165-167

12. Лазарева, Ю. П. Развитие планировочной структуры Владивостока в аспекте транспортного планирования / Ю. П. Лазарева, А. Е. Гашенко // Баландинские чтения, 2018. - Т. XIII. - С. 563-568
13. Обретас, В. А. К истории формирования планировочной структуры города Уссурийска / В. А. Обретас // Краеведческий вестник. Выпуск III. Владивосток, 1994. С.59-62
14. Обретас, В. А. Основы градостроительной архитектуры Владивостока. [Текст] / В. А. Обретас. Владивосток: Рея, 2011. 115 с.
15. Отчет епархиального наблюдателя за 1906-1907 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября.
16. Переселенцы основали села и поселки [Из истории заселения Черниговского района] // Новое время. 2011. 30 сентября.
17. Сирина, А. Ф. Основание селений Черниговской волости. Топонимика / А. Ф. Сирина, В. И. Коновалова // Этносервис в моде, дизайне, истории. Владивосток, 2007. С. 96-100
18. Казак, З. Благодатный край родной: история заселения с. Черниговка // Новое время. 2007. 30 мая.
19. Описание поездки Преосвященнейшего Евсевия, епископа Камчатского для обозрения епархии, совершенной с 8 июня по 22 августа 1898 г. // Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 30 апреля.
20. Сильницкий, А. П. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. [Текст] / А. П. Сильницкий. Хабаровск: тип. Канцелярии приамурского ген-губернатора, 1901. 177 с.
21. Низяев, С. Культармейцы. Приморскому комсомолу – 50 лет // Красное знамя. 1970. 27 октября.
22. Дятел Спасское. // Владивосток. 1902. 4 августа.
23. Кардашевич, К. Село Никольское в Южно-Уссурийском крае (Краткий очерк условий жизни местного населения) // Военно-медицинский журнал. 1898. август. Ч. LXXXII. С. 1266-1267
24. Бишоп, И. Б. Корея и ее соседи. Путешествие в Россию // Российское корееведение. Альманах Международного центра корееведения при МГУ. Выпуск II. Москва, 2001. С.107-127
25. Лынша, О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882-1922: [Монография]. / О.Б. Лынша. Владивосток, 2018. 292 с.
26. Ваулин, Г. Г. Освящение Осиновского храма // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
27. Освящение Осиновской школы-читальни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 октября.
28. Пронов, М. Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае // Владивосток. 1890. 29 июля.
29. Шкотовская волость // Владивосток. 1899. 25 июля.
30. Петровка // Владивосток. 1902. 3 февраля.
31. Дятел. Михайловка. // Владивосток. 1902. 4 августа.
32. Абрамовка // Владивосток. 1902. 18 августа.
33. Деревня Абрамовка // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 марта.
34. Церкви-школы края // Владивосток. 1893. 18 июля.

35. Отчет епархиального наблюдателя церковноприходских школ и школ грамоты в Благовещенской епархии за 1900-1901 учебный год // Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 мая.
36. Хороль // Владивосток. 1902. 12 мая.
37. Григорьевка // Владивосток. 1902. 18 августа.

REFERENCES

1. Bondarev, D. Y. Dalekaya okraina. (Moi vospominaniya) [Distant outskirts. (My memoirs)], in: Lynsha O.B. (ed). Problemy istorii obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii. Materialy` nauchnoj konferencii = Problems of the history of education in the Russian far East: Materials of the scientific conference. Ussuriisk. 2013. P. 292–311. (In Russ).
2. Butkovskaya, N.V. Vot takaya istoriya [Here's the story]. Vpered. 2008. September 2. P. 8. (In Russ).
3. Rittix, A. A. Pereselencheskoe i krest`yanskoe delo v Yuzhno-Ussurijskom krae: Otchet po komandirovke chinovnika osoby`x poruchenij Pereselencheskogo upravleniya A. A. Rittixa. [Resettlement and peasant Affairs in the South Ussuri region: Report on the trip of the official of special assignments of the Resettlement Department A. A. Rittikh] Saint Petersburg: printing house of the Ministry of internal Affairs, 1899. 154 p. (In Russ).
4. Materialy` po obsledovaniyu krest`yanskix xozyajstv v Primorskoj oblasti: starozhily`-stodesyatniki Primorskoj oblasti [Materials on the survey of farms in the Primorsky region: old-timers-hundred-year-olds of the Primorsky region], in A. A. Menshikov (ed). Saratov: typ. Of the provincial government, 1912. 575 p. (In Russ).
5. Naseleenny`e i zhily`e mesta Primorskogo rajona. Krest`yane. Inorodcy. Zhelty`e: perepis` naseleniya 1-20 iyunya 1915 [Populated and residential areas of the Primorsky district. Peasants. Foreigners. Yellow: population census June 1-20, 1915] Vladivostok: typ. Primorsky regional Board, 1915. 136 p. (In Russ).
6. Bachurin, A. M. Pasporta istoricheskogo svidetel`stva sel Spasskogo rajona. [Passports of historical certificates of villages of Spassky district.] Spassk-Dalny, 1998. 83 p. (In Russ).
7. Pak, V. P. Zemlya vol`noj nadezhdy`: ocherki dorevolucionnoj istorii Nadezhdinskogo rajona. [Land of free hope: essays on the pre-revolutionary history of the Nadezhdinsky district.] Vladivostok: Valentine, 2012. 216 p. (In Russ).
8. Smirnov, A. G. U samoj granicy: istoriya Pogranichnogo rajona. [Near the border: the history of the Border area]: [monograph]. Vladivostok: Russian island, 2005. 335 p. (In Russ).
9. Shelud`ko, V. O. Istoriya Chernigovskogo rajona (1886-1917): uchebnoe posobie dlya uchashhixsya i uchitelej srednej shkoly` [History of Chernihiv region (1886-1917): a textbook for students and teachers of secondary schools]. Vladivostok, 1998. 98 p. (In Russ).
10. Zueva, N. S. Dorevolucionny`j Ussurijsk: formirovanie arxitekturno - planirovochnoj struktury`, toponimii i obraza goroda [Pre-revolutionary Ussuriysk: formation of architectural and planning structure, toponymy and image of the city]: [monograph]. N. S. Zueva, O. B. Lynsha. Ussuriisk, 2012. 92 p. (In Russ).

11. Zueva, N.S. Formirovanie arxitekturno-planirovochnoj struktury` Nikol'sk-Ussurijskogo v konce XIX - nachale XX v. [Formation of the architectural and planning structure of Nikolsk-Ussuriysk in the late XIX - early XX century]. Kul'tura i intelligenciya Rossii: Innovacionny'e praktiki, obrazy` goroda. Yubilejny'e soby'tiya. Istoricheskaya pamyat` gorozhan = Culture and intellectuals of Russia: Innovative practices, images of the city. Anniversary event. The historical memory of the citizens. Omsk, 2009. P. 165-167. (In Russ).
12. Lazareva, Yu. P. Razvitie planirovochnoj struktury` Vladivostoka v aspekte transportnogo planirovaniya [Development of the planning structure of Vladivostok in the aspect of transport planning]. In: Yu. P. Lazareva, A. E. Gashenko (edy). Balandinskie chteniya = Balandinsky readings, 2018. Vol. XIII. P. 563-568. (In Russ).
13. Obretas, V. A. K istorii formirovaniya planirovochnoj struktury` goroda Ussurijska [On the history of the formation of the planning structure of the city of Ussuriysk]. Kraevedcheskij vestnik = Local history Bulletin. Issue III. Vladivostok, 1994. P. 59-62. (In Russ).
14. Obertas, V. A. Osnovy` gradostroitel`noj arxitektury` Vladivostoka. [Fundamentals of urban architecture in Vladivostok]. Vladivostok: Rhea, 2011. 115 p. (In Russ).
15. Otchet eparxial`nogo nablyudatelya za 1906-1907 god [Report of the diocesan observer for 1906-1907]. Vladivostokskiye eparkhialnyye vedomosti. 1908. September 15. P. 435-437. (In Russ).
16. Pereselency osnovali sela i poselki: iz istorii zaseleniya Chernigovskogo rajona [Settlers founded villages and settlements: from the history of settlement of Chernihiv region]. New time. 2011. September 30. P. 2. (In Russ).
17. Sirina, A. F. Osnovanie selenij Chernigovskoj volosti. Toponimika [The Foundation of the villages of the Chernigov parish. Toponymy]: in A. F. Sirina, V. I. Konovalova. E`tnoservis v mode, dizajne, istorii = Ethnos is used in fashion, design, and history. Vladivostok, 2007. P. 96-100. (In Russ).
18. Kazak, Z. Blagodatny`j kraj rodnoj: istoriya zaseleniya s. Chernigovka [Fertile native land: the history of settlement of the village of Chernihiv]. New time. 2007. May 30. P. 1. (In Russ).
19. Opisanie poezdki Preosvyashhennejshego Evseviya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya eparxii, sovershennoj s 8 iyunya po 22 avgusta 1898 g. [Description of the trip of his Eminence Eusebius, Bishop of Kamchatka for viewing the diocese, made from June 8 to August 22, 1898.]. Kamchatka diocesan sheets. 1899. April 30. P.114-116. (In Russ).
20. Sil`niczkij, A. P. Kul`turnoe vliyanie Ussurijskoj zheleznoj dorogi na Yuzhno-Ussurijskij kraj. [Cultural influence of the Ussuri railway on the South Ussuri region]. Khabarovsk: type. The office of the gene of the Amur Governor, 1901. 177 p. (In Russ).
21. Nizyaev, S. Kul`tarmejcy. Primorskomu komsomolu – 50 let [Cultural soldiers. Primorsky Komsomol – 50 years old]. Red banner. 1970. October 27. P. 2. (In Russ).
22. Dyatel Spasskoe [Spaskoye]. Vladivostok. 1902. August 4. P. 6. (In Russ).
23. Kardashevich, K. Selo Nikol'skoe v Yuzhno-Ussurijskom krae (Kratkij ocherk uslovij zhizni mestnogo naseleniya) [The village of Nikolskoye in the South Ussuri region (a Brief sketch of the living conditions of the local population)]. Voенно-

- medicinskij zhurnal = Military medical journal. 1898. August. CH. LXXXXII. P. 1266-1267. (In Russ).
24. Bishop, I. B. Koreya i ee sosedi. Puteshestvie v Rossiyu [Korea and its neighbors. Travel to Russia]. Rossijskoe koreevedenie. Al'manax Mezhdunarodnogo centra koreevedeniya pri MGU = Russian Korean studies. Almanac of the international center of Korean studies at MSU. Issue II. Moscow, 2001. P. 107-127. (In Russ, In Eng).
 25. Lynsha, O. B. Istoriya obrazovaniya v Nikolske-Ussuriyskom. 1882-1922. [History of education in Nikolsk-Ussuriysk. 1882-1922]: [monograph]. Vladivostok: DVFU 2018. 292 p. (In Russ).
 26. Vaulin, G. G. Osvyashhenie Osinovskogo xrama [Consecration of the Osinovsky temple]. Vladivostok eparchial sheets. 1903. September 15. P. 411-413. (In Russ).
 27. Osvyashhenie Osinovskoj shkoly`-chital`ni [Consecration of the Osinovsky school-reading room] Vladivostokskiye eparkhialnyye vedomosti. 1906. October 15. P. 446-447. (In Russ).
 28. Pronov, M. Neskol`ko slov o polozhenii shkol i uchitelej v Yuzhno-Ussuriyskom krae [A few words about the situation of schools and teachers in the South Ussuri region]. Vladivostok. 1890. July 29. P. 4-6. (In Russ).
 29. Shkotovskaya volost` [Shkotovskiy district]. Vladivostok. 1899. July 25. P. 7-10. (In Russ).
 30. Petrovka [Petrovka] = Vladivostok. 1902. February 3. P. 6-7. (In Russ).
 31. Dyatel. Mixajlovka. [Mikhajlovka]. Vladivostok. 1902. August 4. P. 5-6. (In Russ).
 32. Abramovka [Abramovka]. Vladivostok. 1902. August 18. P. 6. (In Russ).
 33. Derevnya Abramovka [The Village Abramovka]. Vladivostokskiye eparkhialnyye vedomosti. 1908. March 15. P. 177-178. (In Russ).
 34. Cerkvi-shkoly` kraja [Churches-schools of the region]. Vladivostok. 1893. July 18. P. 3. (In Russ).
 35. Otchet eparchial`nogo nablyudatelya cerkovnoprixodskix shkol i shkol gramoty` v Blagoveshhenskoj eparchii za 1900-1901 uchebny`j god [Report of the diocesan observer of parish schools and Charter schools in the Annunciation diocese for the 1900-1901 academic year]. Blagoveshhenskie eparkhialnyye vedomosti. 1902. May 15. P. 181-182. (In Russ).
 36. Xorol` [Chorol]. Vladivostok. 1902. May 12. P. 6. (In Russ).
 37. Grigor`evka [Grigoryevka]. Vladivostok. 1902. August 18. P. 6. (In Russ).

Информация об авторе: Пчела Инна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры исторического образования Филиала Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске (Школы педагогики) (Уссурийск, ул. Некрасова, 35)

Уссурийск, Россия

SPIN-код 6910-8463

AuthorID: 417200

e-mail: Pchelka70@mail.ru

Поступила: 10.02.2020

После доработки: 21.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Inna V. Phela, Candidate of Pedagogical Science, Assistant Professor, Department of Historical Education, Branch of the Far Eastern Federal University in Ussuriisk (School of Pedagogical)
(Ussuriisk, Nekrasova Street, 35)
Ussuriisk, Russia
SPIN-код 6910-8463
AuthorID: 417200
e-mail: Pchelka70@mail.ru

The paper was submitted: 10.02.2020

Received after reworking: 21.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК- 908

Прохоров Михаил Федорович

Российский государственный университет туризма и сервиса
г. Москва, Россия
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

ПОДМОСКОВНОЕ КУНЦЕВО В ГОДЫ НЭП

Аннотация. Автор рассматривает социально-экономическое и культурное положение подмосковного города Кунцево в 20-е годы XX века. Тема недостаточно разработана в отечественной историографии. Источниковой базой послужили архивные документы - договора, протоколы, заявления, постановления, указы депутатам. Источники позволяют проанализировать состояние промышленности, мелкого товарного производства, коммунального хозяйства, торговли, транспорта, благоустройства, образования, быта и досуга.

Приводимые факты свидетельствуют о развитии государственной, кооперативной и частной форм сервисных услуг. В годы нэп заметно повышается образовательный и культурный уровень жителей Кунцево, их быт и досуг. В поведении кунцевчан наблюдается успешное сочетание старых и новых традиций. В конце 1920-х годов происходит свертывание частного капитала, ведущее место начинает занимать государственный сектор экономики.

Ключевые слова: досуг, коммунальное хозяйство, Кунцево, образование, промышленность, сервис, торговля, транспорт

Для цитирования: Прохоров М.Ф. Подмосковное Кунцево в годы НЭП. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 77-89.

Mikhail F. Prokhorov

Russian state University of tourism and service.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru
Moscow, Russia

MOSCOW KUNTSEVO IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY

Abstract. The author examines socio-economic and cultural provisions of the Moscow region city Kuntsevo in the 20S of the twentieth century. This topic is insufficiently developed in the national historiography. Source base of the study archival document is represented by contract, minutes, statement, decision, orders to deputies. Sources allow

to analyzing state of the industry, small commodity production, municipal economy, trade, transport, formation leisure and everyday life.

The facts indicate about development state, co-operative, and private form of service. During the nep years, it is noticeable the educational and cultural the level of citizens increases, their life and leisure. In the behavior of Kuntsevshina observed successful combination old and new traditions. At the end of the 1920s private capital is being curtailed the leading position begins to take government sector.

Keywords: leisure, municipal economy, Kunccevo, formation, industry, service, trade, transport

For citation: Prokhorov M.F. Moscow Kuntsevo in the period of the New Economic Policy. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 77-89. (In Russ., abstr. in Engl.).

Проблема новой экономической политики в 1920-е годы занимает важное место в современной российской историографии. Возрастает интерес к частичной денационализации промышленности, развитию кооперативного движения, становлению рыночных отношений, изменению традиционного менталитета населения и его социального поведения в повседневной жизни, роль власти в новых условиях. Изучение таких явлений имеет большое значение как на макроуровне общероссийской действительности, так и на микроуровне отдельных территорий – краев, областей, районов, городов, поселков. Подобный способ исследования позволяет выяснить общее и особенное в нэпе, ее проявление в различных регионах страны и влияние на общество в целом. Такой подход особенно актуален в настоящее время, когда политическое руководство России выбрало курс модернизации всех сфер общественной жизни – экономической, политической, социальной и духовной.

Среди известных в настоящее время региональных работ по истории нэп [1] малоизученный опыт подмосковного Кунцево представляет существенный интерес. История Кунцево периода 1920-х годов практически не изучалась, имеются работы, касающиеся лишь отдельных сторон заявленной темы (отношение населения к нэп, состояние предприятий, действия местных властей и т.п.) [2].

Цель статьи – проведение комплексного анализа различных сторон социально-экономической и культурной жизни Кунцево в 1920-е годы. В этой связи важной задачей изучаемой темы является исследование нэп в городском секторе экономики Кунцево – местная промышленность, коммунальное хозяйство, мелкое кустарное производство, торговля, кооперация, образовательный и культурный сервис.

Методологической основой статьи является принцип исторической объективности, предполагающий системный подход к различным сторонам социокультурных и экономических аспектов, характерных для периода нэп.

Источниковая база работы состоит преимущественно из неопубликованных архивных материалов ЦГА г. Москвы и ЦГАМО. Документы представлены перепиской учреждений, протоколами, резолюциями, постановлениями, директивами, отчетами, экономико-статистическими материалами, справками, наказами депу-

татам, заявлениями и т.п. Как правило, делопроизводственный материал готовился сотрудниками местных органов власти в лице Козловского волостного исполнительного комитета (вик) и Кунцевского городского совета (горсовета), а также вышестоящими Московским уездным исполнительным комитетом (уик) и РК РКП (б) Московского уезда. Немаловажное значение имеют протоколы заседаний фабрично - заводских комитетов и выступления на них рабочих. Документы, взятые в совокупности, позволяют проследить конкретно за осуществлением новой экономической политики, ее ходом, трудностями и результатами «снизу», то есть с позиции местной власти и повседневной жизни людей. Отметим, что часть документов этого периода погибла во время наступления немецких войск на Москву осенью 1941 г.

В начале 1920-х годов подмосковное Кунцево представляло рабочий поселок, окруженный поселениями с рабочим и сельским населением – Большая Сетунь и Малая Сетунь (нередко называли Сетунь, или Спас-Сетунь), Богдановка, Некрасовка, Мартыновка. Все указанные населенные пункты входили в то время в состав Козловской волости Московского уезда. До 1925 г. городским центром была Сетунь, а затем рабочий поселок Кунцево.

1920-е годы были сложным периодом существования молодого Советского государства, когда стала осуществляться новая экономическая политика. Новый курс, провозглашенный правящей партией большевиков, признавал возможность существования многоукладного хозяйства и временного допуска частного капитала в экономику страны, но под жестким контролем государства. Подобная политика привела к возникновению и развитию после гражданской войны не только государственного и кооперативного, но и частного сектора хозяйства. Наиболее четко это проявлялось в различных регионах страны, в том числе промышленно развитом подмосковном Кунцево. В исследуемом районе восстанавливаются и расширяют производство такие крупные фабрики как ткацко-отделочная №14 (бывший владелец Ф. Раддавей или Реддавей), брезентно-клееночная им. Ногина (бывшая владелица С.Сакс), игольно-платиновая им. КИМ, а также заводы Красный снаряжатель и кожевенных изделий. Благодаря оживлению производства, численность рабочих Кунцево и его окрестностей увеличилось почти в три раза, и фактически достигла довоенного уровня - 2800 человек. Заметно возрастает и численность рабочего класса в г. Кунцево: в 1926 г. составляли 2221 человек, в том числе 1121 работник и 1100 работниц.

Рост промышленного производства, возможность найти работу, близость к Москве привлекают сюда многих жителей страны. С 1920 по 1928 гг. численность населения здесь возросла с 3292 до 8940 человек, то есть в 2,7 раза. Доля проживающих в Кунцево рабочих достигла 26,8% [3]. Рабочие в целом одобрительно подошли к переходу от «военного коммунизма» к нэп, но выражали свое недовольство по поводу низкой заработной платы, безработицы, повышению тарифных ставок и одновременному снижению расценок. По этому поводу в информационной сводке Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) от 2 ноября 1921 г. указывалось: "Состояние рабочих в общем спокойное, но еще менее устойчивое, ... что объясняется недостаточным снабжением рабочих спецодеждой, задержкой выплаты жалованья, неудовлетворительной работой кооперативов, отрицательным отношением рабочих к сдаче предприятий в аренду" [3].

После гражданской войны большие трудности испытывало коммунальное хозяйство. В начале 1920-х годов был продолжен курс, начатый в период «военно-

го коммунизма», на национализацию и муниципализацию частного жилищного фонда и его уплотнения для трудового населения. Численность населения в Кунцево возросла с 3000 до 10000 человек». В отчете Козловского волостного исполнительного комитета (вик) за 1923/1924 гг. подчеркивалось: «Жилищный вопрос в поселках обстоит очень плохо из-за неимения квартир рабочими и служащими». Козловский вик принимает решение об инвентаризации всего муниципализированного и национализированного жилищного фонда для рационального распределения его среди трудового народа. В это время жилищный фонд в Кунцево был представлен 216 муниципальными и 434 частными домами.

К сожалению, на протяжении 1920-х годов состояние жилого фонда оставалось неудовлетворительным. В условиях дефицита жилья отдельные предприятия принимают самостоятельные решения по заселению заброшенных домов. Так поступила администрация ткацко-отделочной фабрики №14.

В 1921 г. городские власти констатировали факт «запущенности ряда прекрасных зданий бывших владельческих особняков». В наказах кунцевских рабочих неоднократно содержались предложения о «приведении коммунальных домов в надлежащий порядок». По-прежнему отсутствовал необходимый контроль над содержанием и ремонтом муниципального жилья [4].

Не имея средств содержать муниципальные дома, городские власти начинают постепенно возвращать их прежним владельцам. С другой стороны, городская администрация активно применяет на практике Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 января 1928 г. об изъятии 10% жилого фонда из частного владения тех владельцев, кто имел свыше 91 кв.м. полезной площади. На освободившуюся площадь заселялись жильцы от Кунцевского городского совета (горсовета), обязанные платить квартирную плату в местный бюджет.

Подобная практика расширяла государственный жилищный фонд. По данным 1927 г. в Кунцево числилось 248 муниципальных строений (возросло на 14,8%) и 336 частных владений (сократилось на 29,2%). Арендаторами становились советские учреждения, жилищные товарищества, частные лица, военное ведомство [5].

В целях смягчения жилищного дефицита местные власти во второй половине 1920-х гг. активно поддерживают инициативу предприятий по индивидуальному, кооперативному и ведомственному строительству. Создаются жилищно-строительные кооперативы (ЖСК) при кунцевских фабриках №14, им. Ногина, игольной, заводе Красный снаряжатель, железнодорожной станции «Кунцево» и подстанции МОГЭС. Первые земельные участки под постройки отводятся при Рублевском шоссе, поселке «Красные зори» и железнодорожной станции «Кунцево». Здесь же появляются и первые кооперативные постройки.

Но распределение земельных участков под застройку шло неорганизованно и стихийно. На собраниях рабочих игольной фабрики нередко в адрес Кунцевского горсовета звучала критика о слабой работе по сдаче участков под застройку («строят, как кому хочется»). Одновременно горсовет обвинялся в нарушении справедливого характера распределения участков. По мнению рабочих, горсовет «предоставляет участки нэпманам, а не рабочим».[6].

Нэп создает благоприятные условия для развития в Кунцево и его окрестностях мелкого кустарного промысла. По данным 1927 г. в деревне Малая Сетунь насчитывалось по 4 кустаря и извозчика, а в деревне Большая Сетунь числилось 15 извозчиков и один торговец. В поселке Кунцево было зарегистрировано 3 куз-

ница, 4 сапожника, 5 портных, 2 плотника, часовщик и красильщик. На оживление кустарных промыслов обращает внимание и местная администрация. В одном из отчетов Козловского вик за 1923/24 гг. указывалось о широком распространении в западных предместьях Москвы извозного промысла. Здесь образуются небольшие артели по перевозке грузов на кунцевские предприятия и строящиеся объекты. Но неземледельческий характер деятельности подобных артелей вызывал беспокойство властей. Козловский вик в своих решениях за 1927 г. требует лишать патента такие объединения и регистрировать на селе только артели сельскохозяйственного предназначения.

В то же время советская власть поддерживала инициативу крестьян по созданию кооперативов для обслуживания сельского населения в области повседневного быта и услуг. В Сетуни организуется артель «Селькожа» по выделке кож. Здесь же существовала небольшая артель пекарей. По данным 1926 г. в нее входило 6 пекарей, а товарооборот составлял 70702 руб. [7].

После гражданской войны начинают формироваться единые потребительские общества, объединяющие различные сферы услуг и торговли. Наиболее крупный кооператив располагался в Спас-Сетуни. По данным на 1923/1924 гг. в нем было 12 отделений, которые обслуживали 25 селений Козловской волости и 4 кунцевских предприятия. Этот кооператив насчитывал 9813 членов, имел две столовые-чайные, а денежный товарооборот достигал 193593 руб. [8].

Кооперативное движение охватывает и кунцевские фабрики бывших владельцев Раддавей, Сакс, Гинзбурга. Создаваемые в них кооперативы предназначались обеспечить рабочих и их семьи качественными продуктами и товарами первой необходимости. Но их деятельность оказалась малоэффективной: небольшая прибыль, значительные убытки, растраты, низкая квалификация обслуживающего персонала. Только на фабрике Раддавей летом 1923 г. доход составил 23 руб., а убытки - 4000 руб. Не случайно в рабочей среде ширится движение за создание единого рабочего кооператива кунцевских предприятий. Инициаторами этого почина явились рабочие ткацко-камвольной фабрики, решившие в ноябре 1923 г. «весь имеющийся капитал в рабочем кооперативе передать в единое потребительское общество».

Единый рабочий кооператив обслуживал рабочих и служащих кунцевских фабрик и заводов и население прилегающих территорий, обеспечивая их хлебобулочными изделиями и товарами массового спроса. В 1928 г. товарооборот составил 225000 руб. Тем не менее, в Кунцевский горсовет постоянно поступали жалобы кунцевчан о нехватке хлеба в магазинах кооператива, его плохом качестве, больших очередях, отсутствие в продаже одежды, обуви, о лучшем снабжении центра города, чем его фабричных окраин. Но принимаемые меры горсоветом носили общий декларативный характер: улучшить, наладить, обеспечить [9].

В Кунцеве, как и в сельской местности, создаются многочисленные потребительские общества и артели. Здесь размещалось руководство сельскохозяйственного крестьянского общества «Пахарь» с многочисленными филиалами и отделениями. В городе работало общество по развитию животноводства, существовали артели по изготовлению хлебобулочных изделий («Пекарь», «Булочник»), обуви («Сапожник», «Сапожное дело», «Добро»), возникают товарищества по кожевенному делу, перевозке грузов и строительных материалов, электрификации.

Непосредственное участие в обслуживании населения принимает и Козловский вик. При Доме батрака исполком содержал чайную, денежный оборот кото-

рой в 1925 г. колебался от 2000 до 3520 руб. Руководство признавало убыточность такой торговли [10].

В Кунцевской местности в годы нэп широкое распространение получили различные формы обслуживания населения в сфере общественного питания и торговли. Были открыты государственные, кооперативные и частные столовые, чайные, булочные, овощные и продуктовые магазины и палатки. Стационарная торговля существовала как в Кунцеве, так и в ближайших селениях. В летний период в связи с приездом дачников торговля заметно оживает. Наблюдается массовая сдача крестьянами своих приусадебных участков под торговые заведения. Нередко арендаторами земли были такие кооперативы, как «Пекарь», «Пахарь», «Булочник» [11].

Торговые точки общепита имели заметное распространение в рабочих поселках Кунцево и Спас-Сетуни. В поселке Кунцево при железнодорожной станции «Кунцево» работал буфет, в котором можно было получить первые блюда и холодные закуски. В поселке Спас-Сетунь была открыта кооперативная столовая для рабочих. Здесь же в государственном секторе открывается торговля пивом и вином с годовым оборотом в 90000 руб.

Торговые заведения преимущественно размещались по центральным улицам города - Главной, Некрасовской, Московской. На прилавках размещались галантерейные товары, детские игрушки, продукты. В поселках Большая Сетунь и Малая Сетунь Мосторг организует продажу табачных изделий на сумму в 205000 руб. В этих поселках частная торговля была представлена чайной, двумя продуктовыми и одной кондитерской лавками. На продажу поступали дефицитные продукты и лакомства - мясо, рыба, мороженое; товарооборот составлял 47000 руб. [12]

В середине 1920-х годов в Кунцеве насчитывалось 9 крупных, 12 средних и 14 мелких торговцев. К концу десятилетия наблюдается заметное сокращение частного сектора в сфере обслуживания. Происходит отказ власти по массовой регистрации патентов с предпринимателями, резко увеличивается размер налогообложения коммерческого сектора. По данным 1926-1927 гг. в поселке Кунцево были закрыты торговые палатки 24 торговцев, а в Сетуни - 5. Сокращение частной торговли продолжалось и в 1928-1929 гг. Из 109 предпринимателей, зафиксированных в Козловской волости, 59 (54,1%) прекратили торговые операции [13].

Особой формой нелегальной формы торговли было самогонование. Местные власти отмечали, «что все праздники, свадьбы, поминки в деревнях обслуживаются самогонкой». Не лучше была обстановка в Кунцеве. В июне 1926 г. в городе вводится ограничение в продаже вина в воскресные дни. Виновные в самогоноварении подвергались уголовному наказанию в виде принудительных работ сроком на один год, конфискации части или всего имущества, высылкой в отдаленные районы сроком на три года. Принимались и профилактические меры, связанные с обысками и изъятием самогонных аппаратов. За 1926 г. в Козловской волости было проведено 1897 обысков, обнаружено 507 самогонных аппаратов, 251 ведро самогона; к ответственности было привлечено 1310 человек [14].

В исследуемом районе недостаточным был ассортимент бытовых услуг. Одной из форм индивидуальной услуги и досуга являлась банная культура. Состояние данной сферы коммунального хозяйства оставалось плачевным. В Кунцеве городских бань в 1920-х годах не было. В частных владениях были собственные

бани. Рабочие фабричных поселков пользовались душевыми на своих предприятиях. Такие ведомственные бани были при фабрике №14, железнодорожной станции «Кунцево», военно-инженерных курсах, в поселке Сетунь. По мере роста численности в Кунцеве населения проблема строительства городской бани становится острой и актуальной. Козловский вик переходит к практическим мерам. В 1926 г. исполком просит президиум Московского УИК предоставить кирпичное здание нефтяного синдиката вблизи железнодорожной станции под городскую баню. Вероятно, этот вопрос так и не был решен. В 1929 г. в наказах кунцевских избирателей содержится пункт о строительстве в городе бани [15].

Сферы банковского, почтового, телеграфного и телефонного обслуживания находились в непосредственном ведении государства. В

1928 г. в Кунцеве насчитывались три сберкассы; две из них размещались при фабриках №14 и им. Ногина, а одна - на Филях. Документы свидетельствуют о том, что кредитные операции осуществляло кооперативное общество «Пахарь» с сетью собственных филиалов в сельской местности. По данным на 1926 г. в этом кредитном обществе насчитывалось 973 члена, обслуживанию подлежало 30 окрестных селений. Средний размер одной кредитной операции составлял 46 руб. Кредит выделялся на покупку семян, скота, сельхозинвентаря. Но деятельность общества «Пахарь» была малоэффективной; в нем появились долги в размере 23000 руб. и обнаружена растрата на сумму 7000 руб.

Почтовое отделение существовало в Кунцеве, здесь же находилась телефонная станция, которая обслуживала в основном местные предприятия, советские учреждения и сельские советы [16].

Крайне медленно в районе решались проблемы транспортных услуг. До середины 1920-х годов жители Кунцево пользовались извозным и железнодорожным транспортом с остановками на платформах «Фили», «Кунцево» и «Кутузово». В 1925 г. от площади Свердлова до Сетуни был открыт первый автобусный маршрут №2, соединяющий центр Москвы с Кунцево. Но качество обслуживания было низким. Местное население жаловалось на большие интервалы в графике движения автобуса, неблагоустроенность существующих остановок и их отсутствие на оживленных улицах, неудобное время прибытия вечерних поездов на станцию «Кунцево». В многочисленных заявлениях кунцевчан местным властям содержалась просьба восстановить время прибытия поезда в Кунцево в 20 час. 55 мин, отмененное ранее и замененное прибытием в 22 часа. В наказах рабочих за 1928 г. предлагалось установить остановки автобуса у проезда Загорского, 13-м километре и фабрике №14 с одновременным возведением навесов для пассажиров [17].

В 1920-е годы практически не изменилось медицинское обслуживание населения, заложенное здесь еще в дореволюционное время. Но оно обновляется и расширяется. В Сетуньской больнице, открытой в конце

XIX в., продолжали действовать хирургическое, родильное и терапевтическое отделения. В 1927 г. принимается решение о строительстве при больнице нового корпуса с амбулаторным и стационарным лечением. Местное население обеспечивалось медикаментами через три частные аптеки, расположенные в Кунцеве. В городе существовала ветеринарная лечебница, обслуживающая городских и сельских жителей [18].

Советское государство большое внимание уделяло образованию - ликвидации неграмотности, развитию начального и среднего образования. Но нехватка

средств на образование вело к некачественному обучению, второгодничеству, недостатку учебных пособий, школьных принадлежностей и учебных классов. Все эти недостатки проявлялись при организации учебного процесса в Кунцеве.

Недостаточно активно здесь реализовывался в жизнь Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. о ликвидации неграмотности к 1927 г. Школы и пункты ликбеза существовали при предприятиях, учреждениях, военных частях, общественных организациях. Но эти пункты были малочисленны, часть из записавшихся слушателей уклонялась от учебы, мотивируя, как правило, семейными обстоятельствами. В ходе проверки ряда пунктов ликбезов выяснилась очень неблагоприятная картина. Работницы фабрики Раддавей были недовольны отменной одного часа от производства, который ранее предназначался для посещения пунктов ликбеза. А работницы фабрики Сакс, критикуя плохую организацию учебы своих детей, заявляли «Научите наших детей, а потом учите нас» [19].

В начале 1920-х годов в Кунцеве и Сетуни насчитывалось 5 школ, в которых обучалось 532 ученика. В этих учебных заведениях практиковались различные модели обучения 1 и 2 степени с начальным и средним образованием. В школах 1 ступени стали открываться группы для умственно отсталых детей и великовозрастных подростков.

При фабрике бывшего владельца Гинзбурга в 1921 г. открывается школа для детей рабочих и служащих. Заработная плата учителям выдавалась из заводского бюджета. Окончившие эту школу могли поступать в школу 2 ступени.

В Кунцеве делаются попытки организовать частное образование. Козловский вик поддержал инициативу рабочих двух фабрик Раддавей и Сакса о создании при школе 2 ступени в Кунцеве дополнительную группу на средства родителей. Но эксперимент не удался: у рабочих не хватало денег для оплаты обучения своих детей. Московский уездный исполнительный комитет (УИК) согласился с предложением Козловского вика о переводе этой группы на бюджет, но при условии включения в неё детей из соседних селений. В новом 1925/26 учебном году группа пополнилась 37 учащимися из Филей, Давыдково и школы фабрики Раддавей. В 1926 г. было принято решение о преобразовании школы 1 ступени в Кунцеве в школу 2 ступени.

В Кунцеве появляются специализированные школы 2 ступени с углубленным изучением физики, химии, экономики, художественного ремесла. Одна из таких школ существовала при железнодорожной станции «Кунцево». В здании бывшего коммерческого училища в 1921 г. открылась школа-техникум, впоследствии преобразованная в школу 2 ступени с экономическим профилем. В 1927 г. в Кунцеве появляется филиал Московских музыкальных курсов имени Стравинского. В 1928 г. здесь же организуются частные одногодичные курсы кройки и шитья [20].

На протяжении 1920-х годов местные власти пытаются решить проблему нехватки школьных помещений. В Кунцеве под учебные классы отводили общежития учителей и рабочих, бывшие дачи частных владельцев. Городские власти принимают решение о строительстве школы на 400 мест.

В школах хронически не хватало учебников; в начале 1920-х годов нередко один учебник приходился на три ученика. Местной власти приходилось решать сложные вопросы, связанные с условиями работы учителей, обеспечением их жильем, выплатой заработной платы, улучшением бытовых условий. В информационных сводках ОГПУ постоянно сообщалось о недовольстве учителей Московско-

го уезда низкой заработной платой, невыплатой квартирных и сверхурочных часов. Судя по документам, заработная плата учителей Кунцево и окрестных селений колебалась от 30 до 50 руб. Для сравнения отметим, что средняя заработная плата кунцевского рабочего колебалась от 60 до 120 руб.

О тяжелом положении кунцевских учителей свидетельствует заявление преподавательницы Н.Лутц. Её заработная плата в школе 1 ступени составляла 32 руб., из которых 10 руб. уходило на оплату наемной квартиры. На остальные 22 руб. ей приходится жить вместе со своей малолетней дочерью. С горечью и отчаянием она пишет: «Я никак не могу больше так существовать».

Увеличение заработной платы на 7-8% вызвало недовольство школьных педагогов. В 1925 г. общее собрание учителей Козловской волости потребовало увеличить заработную плату на 20%, выдачи специальной одежды и квартирных. В результате переговоров было принято компромиссное решение: увеличить заработную плату на 13%. Средняя оплата учителей была повышена с 37 руб. до 45 руб.

В Кунцево и его окрестностях слабо было развито дошкольное образование. По данным 1921 г. детские сады находились при кунцевских фабриках бывших владельцев Гинзбурга, Раддавей и Сакс, а также Высшей школы светомаскировки. Вблизи Сетуньской больницы размещался детский приют, переведенный впоследствии в район Очаково и Аминьево [21].

В центре внимания местных властей стояли вопросы благоустройства города Кунцево: проведению водопровода, озеленению, электрификации, радиофикации, улучшению дорог и т.п. В 1926-1929 гг. в Кунцево проходят масштабные работы по строительству водопровода, обеспечивающий водой основные улицы - Некрасовскую, Московскую, Пионерскую, Главную, сетуньские бани, жилой поселок «Красный пролетарий». Наряду с городским бюджетом, привлекались средства предприятий. По данным 1928 г. было проведено 2317 метров водопровода и израсходовано 65546 руб.

Одновременно проводятся мероприятия по благоустройству дорог, состояние которых было неудовлетворительным. В протоколе Козловского вик от 12 июня 1923 г. указывалось, «что дороги пришли в негодность и не представляется возможным, а также и проехать даже с пустой телегой». Начинаются работы по замощению Можайского шоссе в границах города, организуется ремонт и строительство пешеходных мостов, тротуаров, дорожных переходов. Но на эти цели выделялись незначительные суммы: в 1929 г. было израсходовано лишь 400 руб. В связи с нехваткой средств Козловский вик облагает нэпманов и домовладельцев особым дифференцированным дорожным сбором в размере от 25 до 1000 руб. [22]

Остро в Кунцево стоял вопрос об электрификации района. 14 апреля 1923 г. Кунцевский вик принимает решение о полной электрификации поселков и селений. Начинается прокладка высоковольтной линии через Фили и Кунцево, на пересечении Можайского и Рублевского шоссе сооружается подстанция с трансформатором. Ток подается в советские и государственные учреждения, клубы, предприятия, жилые дома. Однако процесс электрификации Кунцево и его окрестностей затянулся, особенно в частные домовладения. Это объяснялось высокой стоимостью внутренней проводки электричества, большими тарифами по оплате израсходованного электричества. Стоимость одной лампочки в то время составляла 10 руб. По данным на 1928 г. в Кунцево насчитывалось 800 абонентов

и 200 электросчетчиков. К началу 1930-х гг. было освещено 13 городских улиц, установлено 40 уличных фонарей.

Во второй половине 1920-х годов в Кунцеве и ближайших поселениях проводится радиофикация. В конце 20-х - начале 30-х годов XX в. здесь насчитывалось 800 радиопередатчиков, а также был установлен громкоговоритель.

В 1920-е годы местные власти начинают уделять внимание экологическим вопросам района. В Кунцеве проводят мероприятия по озеленению улиц, защите лесных насаждений, соблюдению санитарных правил содержания жилых помещений. Но принимаемые меры не давали должного эффекта. Кунцевский горсовет в 1929 г. вынужден был признать, что «благоустройство по городу Кунцево из рук вон плохо» [23].

После двух кровопролитных войн среди населения заметно увеличивается желание к физическому и духовному отдыху. Советские и партийные органы начинают активно пропагандировать и развивать коллективные виды досуга и отдыха, основанные на идеях марксизма-ленинизма. Прежде всего, официальная пропаганда культивировала организацию и проведение важнейших государственных праздников - 1 Мая и 7 ноября. Соответствующие органы определяли маршруты шествия колон демонстрантов, лозунги на транспарантах, наведение общественного порядка, бесперебойной работы торговых точек, организации праздничного досуга с показом кинофильмов, спектаклей, концертов с привлечением профессиональных артистов и художественной самодеятельности. Но в рабоче-крестьянской среде еще были живы старые традиции проведения досуга, в том числе религиозные. 1 мая 1926 г. произошло совпадение празднования Дня международной солидарности трудящихся с пасхой Рождества Христова. Среди рабочих Подмосковья распространялись разговоры о том, «что на демонстрацию 1 Мая не пойдут». В других случаях отказ от участия в важных политических акциях жители объясняли недовольством политикой Советской власти. В 1929 г. в связи с ограничением поставки хлеба в пригородные селения крестьяне деревни Черепаново близ Кунцево отказались от участия в демонстрации 1 Мая.

Документы свидетельствуют об острой борьбе нового и старого укладов в жизни и досуге кунцевских рабочих и крестьян окрестных селений. Житель Рублево А.Сардановский вспоминает, что в 1920-е годы граждане поселка широко отмечали Рождество, масленицу и Троицу. Во дворах «расставлялись столы с угощением, пили сбитень, брагу, квас собственного изготовления. У клуба играла музыка, танцевали так до самого вечера». Масленица сопровождалась «ездой по поселку на розвальнях компаниями по 4-6 человек». Новый год жители поселка отмечали дома, а «затем выходили на каток, гуляли по улицам, пели песни под гармонь, катались на санях». На катке возводилась елка, в украшении которой принимали все жители. Стремление к новому укладу жизни проявляется в среде сельских жителей. Они также пытаются организовать собственные места общения: клубы, избы-читальни, дома батраков. Один из таких домов-батраков в 1928 г. был открыт в Кунцеве. Подобные мероприятия, как правило, носили политизированный характер. В обращении по поводу открытия этого дома отмечалось: «Мы, батраки, с устройством у нас культурного очага - дома батраков еще теснее сплотимся вокруг совета» [24].

Сфера отдыха и досуга жителей Кунцево и его предместий была связана со спортом, посещением театров, кинематографа, парков отдыха, рабочих и сельских клубов. Следует признать, что местные органы власти содействовали раз-

личным сферам досуга людей. Эти вопросы постоянно были в повестке заседаний Козловского вик и Кунцевского горсовета.

На всех кунцевских фабриках и заводах были открыты рабочие клубы, носящие имена известных деятелей революционного движения - Розы Люксембург, Карла Либнихта, Владимира Ленина (клуб «Заветы Ильича»). В них имелись библиотеки, организовывались спектакли, читались лекции, показывались фильмы «Красные дьяволята», «Банда атамана Кныша» и др. В заводских клубах основу коллективного досуга составляли самодеятельные театры, музыкальные, хоры и драматические кружки.

В 1922 г. Московский уик образует театральное управление, в подчинении которого находились ведущие кунцевские клубы и два театра - Кунцевский и Сетуньский. Кунцевский театр размещался в клубе имени Загорского, был электрифицирован, имел зал на 500 мест и киноустановку с электродвигателем. Однако театр оказался убыточным и был передан в аренду Козловскому вик [25]

В летний сезон работала лодочная станция, и открывался пляж на Москве-реке близ Кунцево. Кунцевчане особенно ценили такой вид спорта как футбол. В центре города возводится футбольное поле, на котором ежедневно играли в мяч. Кунцевский горсовет совместно с администрацией заводов организует массовый каток на Богдановских прудах. В 1928 г. открывается городской каток с освещением, раздевалками и сторожевой охраной [26].

Итак, архивные материалы свидетельствуют о том, что в годы нэп в Кунцеве и его окрестностях постепенно восстанавливается мирная жизнь, население вовлекается в различные формы отдыха и досуга. В этом процессе участвует не только государство, но и частный капитал, особенно в сфере торговли. Но к концу 1920-х годов происходит свертывание коммерческой деятельности, советские органы власти стали играть ведущую роль в организации хозяйственной и духовной жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоффе А.Н. Быт Москвы 1920-х годов: социокультурные зарисовки // Преподавание истории в школе. 1997. №5, с. 15-19; Лихвина В.И. Нэп и частное предпринимательство в Приангарье // Иркутская область в панораме веков. Иркутск, 1997, с. 101-104; Гончарова И.В. Нэп в Орловской губернии (политические и социально-экономические аспекты). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Орел, 2001.
2. Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: Олимп Астрель, 2001, с. 384; Данченко М.В. Наследие Кунцева. М.: Изд-во Москва, 2012, 352 с.;
3. Прохоров М.Ф. Общественно-политическое настроение рабочих подмосковного Кунцево в 1920-е годы // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. М.: МГОУ, 2016, с. 129-139.
4. Центрального государственного архива Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (далее - ЦГА Москвы. ОХ-ДОПИМ). Ф.3. Оп.2. N49. Л.196-202; Прохоров М.Ф. Указ. соч., с.130 -131.
5. Центральный государственный архив Московской области (далее - ЦГАМО) Ф. 744. Оп.1. Д. 94. л. 8; Д. 97. л. 46; Д. 122. л.11; Д. 265. л.156; Д. 359. л. 27; Д. 483. л.89; Д. 489. л. 99; Ф. 804. Оп.1.Д. 257. л.15.
6. ЦГАМО. Ф. 261. Оп.1. Д. 104. л. 24; Ф. 744. Оп.1. Д. 192. л.151; Д. 532. л.1-9.

7. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 483. л. 89,92; Ф. 804. Оп. 1. Д. 257. л. 33,55-56; Вперед. 1930. 6 ноября.
8. ЦГАМО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 188. л. 51; Д. 263. л.25; Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.151; Д. 489. л. 248-249; Ф. 804. Оп. 1. Д. 195. л. 42-43; Ф. 2213. Оп. 1. Д. 173. л. 28,34.
9. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.152; Д. 359. л.13; Д. 489. л.140; Ф. 804.
10. Оп. 1. Д. 195. л. 63.
11. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 89. л.32; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 500. л.31,36.
12. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 128 об.; Д. 489. л. 67; Ф. 804. Оп. 1. Д. 195. л. 35-37.
13. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л.128-129; Д. 359. л. 28; Д. 532. л. 9; Ф. 804. Д. 199. л. 5-7; Д. 284. л.7; Д. 285. л. 5-15.
14. ЦГАМО. Ф. 804. Оп.1. Д. 199. л. 1-5; Д. 284. л. 6.
15. ЦГАМО. Ф.744. Оп. 1. Д. 21. л. 40; Д. 192. л.78-78 об.,128 об.; Ф. 804. Оп. 1. Д. 199. л. 5-7.
16. ЦГАМО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 70, л. 158; Ф. 744. Оп. 1. Д. 265, л.26; Д. 359, л. 21; Ф. 2170. Оп. 1, Д. 3, л.114-114 об.
17. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л. 98; Ф. 744. Оп. 1. Д. 482. л.13; Д. 489. л. 99; Д. 500. л. 70 об.; Кунцево. 2004. № 9.
18. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 483. л. 43 об.; Д. 489. л.187,311,374; Д. 599.
19. л. 83; Знамя Ильича. 1957. 3 ноября.
20. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л.186; Ф. 744. Оп. 1. Д. 403. л. 90 об., 99;
21. Д. 489. л.149 об.; Д. 500. л.70 об.
22. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 262. л. 235-236; Д. 265. л.138,152; Д. 489. л. 236, 265, 280.
23. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 29. л. 35-37; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 265. л.136.
24. ЦГАМО. Ф. 744. Оп.1. Д. 194. л. 30; Д. 359. л. 48; Д. 482. л. 359; Ф. 4424. Оп.1. Д. 82. л. 22-23, 43, 85.
25. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ . Ф. 3. Оп. 5. Д. 47. л. 35 об.; Д. 56. л.100; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 82. л.16; Д. 500. л. 66, 72; Ф. 804. Оп. 1. Д. 203. л. 42-48, 93; Ф. 4424. Оп. 1. Д. 334. л. 54.
26. ЦГАМО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 104. л.18; Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л.71; Д. 500. л.15-18, 49; Д. 649. л. 63.
27. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 49; Д. 380. л.139; Д. 500. л.81; Ф. 2213. Оп. 1. Д. 9. л.13; Знамя Ильича. 1957. 3 ноября.
28. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ . Ф. 3. Оп.7. Д. 57. л. 155; ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 41, л. 130; Д. 82. л.18; Кунцево. 2005. № 1.
29. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д. 89. л. 77; ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 192. л. 37; Д. 193. л. 68; Д. 236. л.12,21,51-53,60; Д. 359. л.10; Д. 500. л. 48.
30. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 359. л.15; Д. 500. л.39; Д. 759. л. 3, 72, 215.

Информация об авторе: Прохоров Михаил Федорович, профессор, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса». 125438, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.32 А.

e-mail: 2210.mfp@mail.ru

г. Москва, Россия

Поступила: 06.01.2020

После доработки: 13.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2019

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mikhail F. Prokhorov, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Tourism and Hospitality (Moscow) (branch) of the Russian State University of Tourism and Service.

32 A. Kronshtadtsky Boulevard, Moscow, 125438.

e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Moscow, Russia

The paper was submitted: 06.01.2020

Received after reworking: 13.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2019

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908; 323.1 (477)

Федоровский Юлий Рудольфович

Луганский Национальный Университет имени В.Даля
г. Луганск, Луганская Народная Республика
e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ ЛУГАНЩИНЫ

В статье изложены и проанализированы события 1920-х – начала 1930-х годов на территории Донбасса, связанные с проводимой Советским руководством тогда политикой «украинизации». На базе массива основательно проработанных архивных материалов показываются основные тенденции и формы навязывания украинского языка преимущественно русскоязычному населению Новороссии и его стихийное сопротивление данной политике. Актуальность темы в современных условиях новой фазы развития общества на территории освобожденной Новороссии предопределяет цели и задачи исследования, состоящие в новом взгляде на проблему, не отягченном прежней идеологической конъюнктурой. Результаты демонстрируют активное сопротивление местного населения политике украинизации в разнообразных формах.

Ключевые слова: украинизация, партконференция, газеты, школы, Новороссия, Донбасс

Для цитирования: Федоровский Ю.Р. Первая советская украинизация Луганщины. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 90-108.

Julius R. Fedorovsky

Lugansk National University named after V. I. Dal,
Lugansk, Lugansk People's Republic.
e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

THE FIRST SOVIET UKRAINIZATION OF THE LUGANSK REGION

Abstract. The article describes and analyzes the events of the 1920s - early 1930s in the territory of Donbass related to the policy of "Ukrainization" carried out by the Soviet leadership. On the basis of an array of thoroughly worked out archival materials, the main trends and forms of imposing the Ukrainian language on the predominantly Russian-speaking population of New Russia and its spontaneous resistance to this policy are shown. The relevance of the topic in modern conditions of a new phase of the development of society in the territory of the liberated New Russia determines the goals and ob-

jectives of the study, consisting in a new view of the problem, not aggravated by the previous ideological conjuncture. The results demonstrate the active resistance of the local population to the policy of Ukrainization in various forms.

Keywords: Ukrainization, party conference, newspapers, schools, New Russia, Donbass

For citation: Fedorovsky Ju. R. The first Soviet Ukrainization of the Lugansk region. *Cultural landscape of the regions*. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 90-108. (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение.

Процессы украинизации 1920-х гг. не пользовались особым вниманием советской историографии. Только в 1980-х гг, особенно в период «перестройки» и «национального возрождения», начали появляться многочисленные работы украинских историков (Р.Дашкевич, В.Лозицкий, Ю.Курносков, М.Панчук), после 1991 года превратившись в бурный поток разнообразныхopusов на ставшую популярной тему (Я.Верменич, Л.Блинда, В.Борисов, П.Лаврив). В эпоху активного внедрения национальных идей в массовое сознание, период первого подъема и развития украинской идентичности при государственной поддержке стал весьма ценным опытом для нового витка аналогичной деятельности властей независимой Украины. Похожей была и мотивация: якобы украинский язык и культура не занимали достаточно господствующего положения на землях УССР, доминируя лишь в неофициальной сфере.

Обзор литературы

Определенным итогом стала фундаментальная коллективная монография под редакцией В.Смолия [1]. В России этой темой занималась Елена Борисёнок [2]. Исчерпав основную тему, историки Украины засим углубились в региональные разрезы: вышли работы В.Нестеренко, З.Нечипоренко. В том числе появились и первые научные исследования специфики украинизации Донбасса: Т.Нагорняк, Т.Анпилогова, Л.Демина, С.Сергиенко [3]. Однако в целом данный аспект остался довольно малоисследованным. Ибо Донбасс даже в период нахождения в составе независимой Украины оставался регионом, где «державна мова» не являлась доминирующей. Политика киевских правительств, стремившихся на всем протяжении истории навязать Донбассу свою украинскую парадигму, привела и к современной ситуации, когда руководство провозглашенных Народных Республик Донбасса пытается выправить негативные последствия многолетнего силового насаждения украинского языка и культуры в исторически русскоязычном регионе «Новороссия». Поэтому актуализируется интерес к эпохе первой украинизации 1920-х гг.

Материалы и методы

Целью работы является, таким образом, освещение процессов советской украинизации Донбасса и конкретно Луганщины в период 1920-х – начала 1930-х годов на базе архивных и опубликованных данных. Наиболее полная документальная база сконцентрирована в делах фонда Р-243 Госархива ЛНР (Луганский окружной исполком), в частности д. 426, 667, 147 (Комиссия по украинизации) и др., а также публикациях главной газеты региона того времени «Луганская прав-

да». Исследование базируется на принципах историзма и объективности, изучение основано на массиве документов разных структур, затрагивающих различные стороны общественной жизни. Анализ проводится с учетом всего объема причинно-следственных связей, также изменений внешних обстоятельств и внутреннего содержания процесса. Для решения поставленных задач применяются проблемно-хронологический, системно-структурный и сравнительно-исторический подходы, позволяющие произвести анализ процесса в его динамике.

Основное содержание.

Начало Советской украинизации было положено еще в годы гражданской войны, когда 9 марта 1919 года 3 Съезд Советов УССР принял постановление об изучении в школах украинского языка, истории и географии. В Резолюцию ЦК РКП(б) «О советской власти на Украине» от 29.11.1919, утвержденную 3 декабря VIII Всероссийской партконференцией, был включен пункт «Члены РКП на территории Украины обязаны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке... Немедленно же должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке» [4, с.311.] Отметим, что автором исходных «Тезисов по украинскому вопросу» был Предсовнаркома УССР Х.Раковский, но внесен документ был самим В.Лениным. Эти положения были развернуты наркомнацем И.Сталиным в программной статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», опубликованной 10.10.1920 в газете «Правда». А 21 сентября 1920 г. Совет народных комиссаров УССР издал Декрет о внедрении украинского языка в официальное делопроизводство и об обязательном изучении его в школах. При этом, однако, как указывал С.Постернак, «Советская власть стояла на почве самоопределения наций и полного свободного их развития, отбрасывая всякую национальную несвободу. Такой была принципиальная позиция... Наркомпрос предоставил право населению на местах определять язык на котором следует вести обучение в школах» [5, с.38.]

И.Сталин в заключительном слове по докладу о национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. сказал: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, у которой имеется свой язык, отличный от, русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской нации. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская нация – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы» [6, с.48–49]. 13.03.1922 вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс, где указывалось, что судебные процессы проводятся «однією з двох державних мов, українською або російською». 22.11.1922 ВУЦИК утвердил «Кодекс законів про народну освіту» в УСРР, где подтверждалось: «Украинский язык как язык большинства населения Украины, особенно на селе, и русский язык как язык большинства населения в городах и общесоюзный язык, имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных заведениях Украинской Социалистической Советской Республики».

Но старт интенсивной «украинизации» дал в апреле 1923 года XII съезд РКП(б), принявший резолюцию о политике коренизации государственно-партийного аппарата в нерусских республиках. На Украине эта политика естественно получила форму «украинизации». Июньский пленум ЦК КП(б)У утвердил положение про «дві загальноживані мови». 27.06.1923 вышел Декрет СНК УССР «Про заходи у справі українізації шкільно-виховних і культурно-освітніх установ», а 1 августа постановление ВУЦИК та СНК УССР «Про заходи забезпечення рівноправності мов і про допомогу розвиткові української мови», закрепившее положение: «Языки всех национальностей, имеющих на территории Украины, объявляются равноправными... В соответствии с большинством населения, говорящего на украинском языке, выбрать, как преобладающий для официальных сношений, украинский язык. Делопроизводство в губернских и окружных органах производится преимущественно на украинском языке, за исключением тех местностей, где абсолютное или относительное большинство населения принадлежит к другой национальности».

Поскольку правящая коммунистическая партия опиралась преимущественно на городской русифицированный пролетариат, после создания в декабре 1922 года Союза Советских Социалистических Республик принятие такого решения для завоевания симпатий национальных окраин было вполне объяснимым. Широкое внедрение в общественную жизнь союзных республик национальных языков позволяло увеличить сферу государственно-партийной пропаганды, сделать её более доходчивой для широких народных масс.

Впрочем, А.Каревин указывает на еще одно хронологическое совпадение. Незадолго до XII съезда РКП(б), а именно 14 марта 1923 Совет послов стран Антанты принял решение о включении Галиции в состав возрожденной Польши. Деятели украинского движения, надеявшиеся на создание по санкции Европы на западно-украинских землях своего государства, впали в прострацию перед перспективой неизбежной и жесткой полонизации галицкого населения и были вынуждены обратиться за помощью в Москву. «Грушевский мечтал тогда, что Красная Армия силой присоединит Галицию к Советскому Союзу. «Национально сознательные» деятели предложили Кремлю свою помощь в противоборстве СССР с Польшей. Взамен советская власть должна была провести полномасштабную украинизацию УССР. В свою очередь, советское руководство собиралось использовать украинское движение для разжигания пожара мировой революции» [7].

Действительно, один из компартийных историков М.Равич-Черкасский писал в том же 1923 году: «Есть еще один фактор украинизации Украины. Перед нами украинская Галиция с ее украинской литературой, украинской школой, украинскими университетами, никто не станет отрицать, что революция в Галиции – это дело самого ближайшего времени. Галиция сбросит ярмо польской шляхты. Никто не станет отрицать, что революционная Галиция неизбежно объединится с Советской Украиной. Объединенная Советская Социалистическая Украина будет самым мощным двигателем социально-революционного движения в славянских странах Европы» [8, с.8].

Впрочем, региональным властям Донецкой губернии в это время было не до того. Они с трудом выбирались из глубокого кризиса послевоенной промышленной разрухи, боролись с последствиями голода 1921-22 и массового политбандитизма, решали вопросы административного переподчинения. Напомним, что вплоть до середины 1920-х гг вопрос подчиненности Донбасса Украинской ССР или Российской СФСР оставался открытым [9] Даже админреформа 1923 года

(ликвидация губерний и уездов и переход к округам) практически не учитывала национальный момент.

Включенные в состав УССР Новороссия и Донбасс, регионы, преимущественно русские, как по составу населения, так и по культуре, согласно линии партии, должны были укрепить Советскую власть на территории, которая в годы гражданской войны пережила ряд самостоятельных режимов: УНР, Гетманщину, Директорию и имела определенный национал-сепаратистский уклон. В порядке уступки этим тенденциям оказались востребованными и многие из национальных политиков, оставшиеся или добровольно вернувшиеся на советскую Украину. Тем более что многие из них исторически принадлежали к левым партиям (например, Украинская коммунистическая партия (боротьбистов), созданная на базе объединения левых фракций украинских эсеров и УСДРП). Вернулись в СССР и экс-глава Центральной Рады М.Грушевский, ставший академиком и профессором истории в Киевском госуниверситете, и бывший лидер Директории В.Винниченко, получивший (временно) пост зампреда СНК УССР и др. Кроме того, в УССР оказались тысячи выходцев с Западной Украины, оккупированной Польшей. Они находили здесь свой идеал: независимую украинскую державу со всеми положенными атрибутами. Грушевский оценивал число людей, переехавших из Галиции в УССР в 1920-х годах в 50 000 человек [2, с.121]. Все они стали активными проводниками украинизации.

Впрочем, далеко не все большевистские лидеры были сторонниками этой политики. Назначенный в мае 1923 первым секретарем ЦК КП(б)У Эммануил Квириг скептически высказывался: «Каждый шовинист-украинец будет вопить о принудительной русификации аж до того времени, пока останется хоть один профессор музыки или гистологии, который читает лекции на русском языке» и предупреждал, что украинизация – «долговременный, постепенный процесс», требующий «ещё не одного пятилетия». [10, с.109.] В мае 1924 на VIII конференции КП(б)У он сослался на распространенную среди партийцев мысль о необходимости прекращения украинизации национальных меньшинств и городского пролетариата.

Постановлением СНК УССР 29.08.1924 «О выделении национальных районов и советов» Донбасс выделялся как регион с исторически сложившимся многонациональным составом населения. Это давало возможность местным властям лавировать для решения проблем украинизации путем разделения Луганского округа на украинские и русские районы. В первую категорию попали: Славяно-сербский район, Каменнобродский, Новосветловский, Успенский, Ровеньковский, Дмитриевский. Во вторую категорию вошли: Сорокинский (71,9% русских), Петровский (75,8%), Станично-Луганский (88,98%), а также Алчевский, Луганск, Лозовая Павловка и Красный Луч, хотя украинских сельсоветов к 1927 насчитывалось 109, а русских – 64 [11, с.173]. По другим данным, из 159 сельсоветов Луганского округа 109 были украинские, 45 русские, 5 немецкие. Из 24 поселковых советов было 5 украинских и 19 русских [12]. Последние освобождались от необходимости украинизации, проведение которой было объявлено протокольным Постановлением Президиума Луганского Окрисполкома №6 § 6 от 12.02.1924, требовавшим «приступить к организации 2-х месячных курсов на 150 человек административно-технического и судебного персонала по изучению Украинского языка в городе Луганске» [13].

Всего из 9 районов УССР, которые признавались русскими и не подлежали обязательной украинизации, три находились в Луганском округе [14]. Кроме того, 8.06.1927 на заседании Окружной административно-территориальной комиссии

(протокол №2) было принято постановление, что кроме этих трех следует считать национально русскими также Алчевский район и город Луганск, ввиду большей части русского населения (46,8% и 43,99% соответственно). Относительно же Лозово-Павловского и Краснолучского районов – было решено вернуться к рассмотрению после подведения итогов переписи. [15]. Таким образом, по итогам 1927 года Сорокинская, Петровская, Станично-Луганская районные комиссии по украинизации были ликвидированы [16].

Напомним, что согласно переписи 1926 года украинцы составляли чуть больше половины населения округа – 51,65%, а русские – 42,74%. [17, с.15.] В самом Луганске их было практически поровну: 43,37% и 43,56%. Причем в программе переписи национальность и родной язык были отдельными вопросами и родным считался не язык народности, а тот, которым человек лучше владеет. Поэтому по языку национальная пропорция была иная: 57,44% русские и 38,02% украиноязычные [18].

Следует отметить, что помимо русских и украинцев довольно значительную долю населения Донбасса составляли представители других наций. На Луганщине шла активная германская колонизация и к 1924 в округе было много немецких сельсоветов, объединявших 35 колоний и 5 хуторов преимущественно в Краснолучском районе. В Старобельском округе были еще немецкие колонии: Киндергейм, Буфергейм, Арбейтергейм. В 21 колонии существовали собственные школы с обучением на родном или русском языке. По результатам переписи 1926 немецким языком владело 385 колонистов, русским – 259, украинским – всего 4 [19].

Тем не менее, украинизация школ двигалась, хоть и медленно. По данным на 1924, в Бахмутском районе было открыто 36 украинских школ, в Таганрогском – 24, в Шахтинском – 10, «таким образом, вместо 7 украинских школ на 1.1.1913 к 1 апреля 1924 начисляется 181 украинизированная школа» [20, с.133.] Кроме того, планировалось открытие 16 школ в Луганском округе, 28 – в Старобельском, 21 – в Юзовском и 11 в Мариупольском. Однако в целом процент украинских школ в Донецкой губернии на 1.10.1923 составлял лишь 0,4%. Чтоб укомплектовать украиноязычные школы сюда направляли учителей с Правобережья или Полтавщины [1, с. 85-88]. Однако местное население воспринимало их негативно. Как эмоционально говорил ответственный секретарь Донецкого губкома КП(б)У Радченко на апрельском пленуме 1925: «Вы знаете, что мы только в прошлом году получили из Полтавы и Волыни некоторое количество украинских учителей, которые политически не с нами, и являются явными петлюровцами ... А знаете ли вы, что когда мы начали украинизоваться, то нашли единственного человека в губисполкоме, который знал украинский язык. Это был бывший регент, который сидел в концлагере, и это он учил украинскому языку наших сотрудников. Мы, конечно, не так ставим вопрос, как в Киеве, где выгоняли тех, кто не знает украинского языка» [21]. Об аналогичном случае, свидетельствующем о катастрофической нехватке кадров, свидетельствует архивный документ – письмо в инспектуру наробраза от Государственной фабрики приводных ремней им.Ворошилова от 29.01.1926:

«По известиям, которые у нас есть, присланный Вами преподаватель т. Рудницкий В. осужден судом и посажен в тюрьму, поэтому нормальные занятия по украинизации служащих фабрики прекратились. В связи с этим просим Вас ходатайствовать перед соответствующим учреждением о немедленном возвращении т. Рудницкого к работе по украинизации служащих нашей фабрики.

С товарищеским приветом – зампреда правительственной комиссии (Герасимов)» [22].

В губернском центре Бахмуте весной 1924 были открыты 9 курсов украинского языка, на которых учились 362 госслужащих. Но обучение шло медленно и 9 июня 1924 было принято решение о переносе сроков украинизации Донбасса на год.

Нарком просвещения УССР с 1924, бывший член УКП (боротьбистов) Александр Шумский критиковал Квиринга за слабые темпы, к тому же во внутривнутрипартийной борьбе Квиринг колебался между Сталиным и его оппонентами. Генсек, стремясь найти опору в компартийных элитах национальных республик против Троцкого, Зиновьева, Каменева, решил устранить Квиринга. На апрельском пленуме 1925 года Генеральным секретарем ЦК КП(б)У был избран близкий соратник Сталина – Лазарь Каганович. На том же пленуме констатировалось «Отставание украинизации партии грозит ослаблением роли партии, как руководителя масс и их самостоятельности, отрывом советского аппарата от партии », особенно в Донбассе, и в результате острых дискуссий было решено: «ускорить украинизацию партийного аппарата и всей партийно-общественной жизни» (в оригинале на украинском) [23, с. 283-284]. Местный партработник, секретарь Артемовского окружного комитета Михеенко признавал: «если бы вы всех опросили, кто умеет читать и писать на украинском, то возможно их было бы 2-3%. У нас все ответственные рабочие перегружены больше, чем прежде, и нельзя было нажимать слишком сильно, чтобы проводить украинизацию ... Если вы возьмете всех рабочих Донбасса за 100, то найдете, возможно, 2% таких, что немного понимает по украински» [24].

Начался новый этап украинизации, характеризующийся очень жестким административно-командным, силовым стилем и крайне форсированными темпами. Уже 30 апреля 1925 вышло постановление ВУЦИКа и СНК УССР «О мерах срочного проведения полной украинизации Советского аппарата», предусматривавшее полный переход всех государственных учреждений на украинское делопроизводство не позднее января 1926 года (за 9 месяцев !). За ним последовал целый ряд других документов аналогичного направления: "Про форму написів (вивісок) на будинках, де містяться радянські установи", "Про порядок заведення на території УСРР вивісок, написів, блянок, штампів і етикет українською мовою", "Про правильний випуск друкованих видань українською мовою" и др. Была создана Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией, которую возглавил председатель СНК УССР Влас Чубарь. Такую же комиссию создали и при ЦК КП(б)У.

Естественно, эти меры сопровождалась и кадровыми ротациями. Оценим скорость реакции: вступивший 11 июня 1925 в полномочия председателя Луганского окрисполкома Николай Мышков буквально первым же документом подписал Постановление Президиума Луганского Окружного Исполнительного Комитета №12 от 12 июня 1925, требовавшее: «Всем госучреждениям и государственным торгово-промышленным предприятиям, не перешедшим на украинское делопроизводство, таковое перевести полностью на украинский язык не позже 1 января 1926 года... Все акты публично-правового характера, а равно бланки, штампы, вывески, этикетки и т.п. должны быть переведены постепенно, но не позже 1 января 1926 года на украинский язык... В каждом окружном ведомстве учредить ведомственные комиссии по украинизации данного ведомства и находящихся в его ведении предприятий... Учредить окружную комиссию по руководству украинизацией под председательством предокрик'а и 2 членов... сотрудники госучреждений и госторгово-промышленных предприятий у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший пери-

од они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия» [25].

Отныне украинизации подлежали поголовно все служащие всех учреждений и предприятий, вплоть до уборщиц и дворников. Нежелавшие отказываться от русского языка или не сдавшие экзамены по мове, увольнялись без права получения пособия по безработице. Пример из Харьковской газеты: «Уволено 24 сотрудника за незнание украинского языка. Окружная комиссия по украинизации постановила уволить за незнание украинского языка 2 сотрудников Пархомовского сахарного завода, 5 сотрудников клуба в Южном поселке, 2 – на электростанции...» [26] (напомним, что часть Луганщины входила в состав Харьковской губернии). В 1928 на заседании Луганской окружной комиссии по украинизации было утверждено решение «за уклонение от украинизации уволить сотрудника окротдела здравоохранения Кардобовского и подтвердить снятие с должностей сотрудников совторгслужащих Барткевича и Алексеева» [27].

Вводились платные курсы по украинскому языку и культуре, на которые принудительно собирали жителей после работы. На украинский переводилась вся система образования: от начальной школы до технического вуза. Только на ней разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу. Административными методами украинизировалась пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации, вывески и объявления. Создали даже специальный журнал «Голос українизатора», в котором жаловались на сопротивление несознательных масс: «Имеем огромное количество эпизодов, которые возникли в процессе украинизационной работы, анекдотов, имеющих свою эволюцию, вредительских поступков разоблаченных и неразоблаченных, активных и пассивных протестов» [28, с.45].

В 1926 г. СНК УССР издал сборник декретов и директив «Українізація радянських установ» (Декрети, інструкції і матеріяли). В тексте «Положення про забезпечення рівноправності мов і про сприяння розвитку української культури» декларировалось, что госслужащие обязаны целиком перейти на украинский язык или уйти с должностей.

Однако, майский 1926 пленум ЦК КП(б)У был вынужден признать невозможность выполнения установленного срока: «Было бы легкомысленным требовать, чтобы украинизация была закончена в короткое время... Требуется умелый подход в деле проведения украинизации среди рабочих, различение между русифицированными рабочими, употребляющими смешанно-украинский язык, и коренными русскими рабочими.... осторожное проведение украинизации в среде рабочих» [29]. 23 сентября на заседании комиссии Политбюро по украинизации было подчеркнуто: «Особенно обратить на это внимание отдельных рабочих районов, как Катеринослав, Николаев, Луганск, Сталино» [30].

Активно сопротивлялись украинизации производственники. Из Брянского рудоуправления «Донугля» СССР 12.05.1926 докладывали в Луганский окрисполком: «На основании постановления ЦИК и СНК СССР и полученного пояснения НКЮ УССР от 12 / 1-24 года под М 4/4236 производства делопроизводства и счетоводства на предприятиях Донуголь остается на русском языке... Кроме этого, считаем своим долгом довести до В / сведения, что Украинизация на рудниках, население которых преимущественно русское, проводится с большими сложностями. Трудно украинизировать работающих без применения этого языка в жизни. Вводить же в жизнь Укр. язык невозможно так как балакать на ней почти ни с кем; только же теоретическое изучение языка быстро забывается» [31]. На анало-

гичные трудности с личным составом пролетариата ссылались в своих письмах управляющий Кадиевского рудоуправления К.Горбачев 25.05.1926 и с Должанского рудоуправления Ивахненко 6.05.1926 [32]. А с Луганского патронного завода информировали 30.04.1926: «Заводоуправление настоящим сообщает, что украинизация на заводе не проводилась и не проводится, т.к. завод входит в Производственное Объединение Военной Промышленности и непосредственно ему подчиняется, каковое находится в гор.Москве» [33].

На июньском пленуме Луганского окружкома секретарь Семенов доложил о первых достижениях: «В государственных учреждениях процент делопроизводства на украинском языке достигает 65 проц. [в начале прошлого года он равнялся только 20 проц.]. Госаппарат в округах и районах работает преимущественно на украинском языке. Низшая школа украинизирована на 80 проц. [остальные 20 проц. Падают на школы нацменьшинств]. Идет вперед украинизация высшей и средней школы. За последний год переведено на украинский язык свыше половины школ политграмоты на селе. Печать украинизирована на 60 проц. Процент украинцев в партии поднялся с 37 до 47 проц., и в комсомоле – с 50 до 61 проц.» Однако был вынужден признать: «...в отношении промышленных районов процесс украинизации идет медленно, потому что пролетариат в большей своей части русский или руссифицированный» [34]. Причем, архивные данные дают другой порядок цифр: даже в 1928 численность украинцев в партии составляла лишь 44% (русских – 47,2%), а в комсомоле – 33% (русских – 60%) [35].

Директивные методы украинизации сферы культуры наглядно отображаются в следующем документе, присланном Луганским окрисполкомом управляющему городского театра: «Этим окружная инспектура Наробраза доводит до Вашего сведения, что с 20 / I-1926 все афиши для театральных, цирковых и киноучреждений обязательно печатаются на украинском языке. За невыполнение этого администрация будет привлечена к ответственности и вообще никакие постановки не будут проводиться» [36]. Невзирая на суровые указания, особых успехов украинизаторы театра в Донбассе не достигли. Для серьезных мероприятий требовались большие денежные вливания, а сфера культуры, как всегда, финансировалась по остаточному принципу. Поэтому главная тяжесть по внедрению политики украинизации ложилась на плечи активистов и членов профсоюзов, в первую очередь преподавателей, владеющих украинским языком.

Кстати, весьма активное участие в процессах украинизации Луганщины принял родной племянник основоположника украинской самостийнической историографии М.Грушевского – Сергей Грушевский. «Сосланный» из Полтавы в новоорганизованный в Луганске Донецкий институт народного образования, он был решением Коллегии Наркомпроса УССР в 1925 утвержден на постах проректора института по учебной части, декана факультета социального воспитания и профессора кафедры истории классовой борьбы на Украине. Его стараниями ДИНО уже в 1926 был украинизирован на 60% [37], а затем более чем на 80%, что было лучшим показателем среди всех высших учебных заведений Донбасса. 19.11.1927 он докладывал окружной комиссии: «Діловодство ІНО повністю провадиться українською мовою» [38]. За свои заслуги в работе в январе 1928 он был избран председателем Бюро Секции научных работников, а в мае 1929 на XIII окружном съезде Советов – кандидатом в члены Окрисполкома.

Другим активистом был окружной инспектор по украинизации соваппарата Д.Литвиненко (1926), неоднократно выступавший с соответствующими публикациями в «Луганской правде». Соответствующую работу вели также руководители окркомиссии по украинизации: Николай Зверьяка (1926-28), он же зампред. Луган-

ского окрисполкома, председатель комиссии по празднованию 10-летия Октября, будущий Почетный гражданин Луганска; Александр Цюпак (1926), экс-председатель Старобельского окрисполкома; Пащенко (1928), инспектор наробраза Осип Пелех (декабрь 1928-1929), Титаренко (1930), председатель Горсовета и городской комиссии по украинизации Александр Довбыш (1930-1931). В Алчевске комиссию по украинизации возглавлял пред. РИКа Лырев (1931) (подробнее см. [39, с.145-147]).

В одном из архивных дел содержится целая группа отчетных справок, свидетельствующих об охвате украинизацией образовательных учреждений. Все они отчитываются окружной комиссии: в школе ФЗУ завода №60 украинский язык преподает Фадеев П.И (нагрузка 6 часов в неделю), в Луганском сельхозтехникуме – Лищина-Мартыненко, в Вечернем рабочем техникуме – Винниченко, в Луганской школе ФЗУ – О.Баженова (10 ч/н), в ДИНО – Лищина-Мартыненко и Юзечинский, в Луганской музыкальной профшколе – Рудь Ф.Г. (2 ч/н), в Луганской ж/д профшколе и Луганском техникуме – Писаревский А.С. (12 часов и 6 часов в неделю), в Луганском вечернем индустриальном рабфаке – Менчук Г.А. (10 ч/н), в школе ФЗУ завода ОР – Борщ Г.А. (4 ч/н), в Луганской индустриально-технической профшколе – Рудь Ф.Г. (24 ч/н), в Луганской кооперативной профшколе – Юзичинский (8 ч/н) и Передерий (9 ч/н). В только что открытой 10.10.1927 Художественной профшколе за отсутствием учителя занятия украинским языком вел лично инспектор Ясинский 2 часа в неделю. В Алчевской железнодорожной школе учил украинскому лично заведующий Шкалий. А в Донецком кооперативном техникуме преподаватель Юзечинский даже наращивал нагрузку с 8 часов в 1926/27 учебном году до 12 часов в 1927 г. [40].

Согласно октябрьского 1925 постановления ЦК КП(б)У “Про українізацію преси УСРР” в 1926 подавляющее большинство газет было переведено на украинский язык. Из 19 наименований центральных изданий, которые в 1926 распространялись в Донбассе, 11 выходили на украинском, 6 на русском и по одному – на немецком и еврейском [41]. Такие темпы позволяли комиссии политбюро уже в сентябре 1926 отчитаться: «сетка украинизированных газет по всей Украине, включая Донбасс, дошла до своего уровня» [42].

До последнего сопротивлялась «Луганская правда», дотянувшая аж до 1930 года, когда на Украине, по подсчетам исследователей, остались из крупных русскоязычных газет кроме нее лишь «Вечерние известия» в Одессе, газеты в Сталино и Мариуполе [1, с. 140]. Сначала в «ЛП» всё чаще стали появляться украиноязычные статьи. С мая 1929 в главной газете Луганского округа ввели специальную рубрику «Изучайте украинский язык»: курс лекций профессионального языковеда С.Хоменко. А в процессе очередной административной реформы, когда в сентябре 1930 был ликвидирован Луганский округ, газета объявила о том, что отныне становится не окружной, а Луганской городской и... 21 сентября перешла полностью на украинский, перекрестившись в «Луганську правду» (официально полная украинизация наступила 1 октября). 24 сентября 1930 здесь была напечатана программная обосновывающая статья «До українізації “Луганської Правди”» с отчетными цифрами по украинизации после районирования. Благодаря присоединению Камбродского и Артемовского районов численность украинцев в партии была поднята с 48,5% до 65%, среди рабочих-металлистов до 51,36%. Из 46 школ соцвоспитания украинских насчитывалось 33, русских – 9, немецких – 1, украинско-русских – 2, немецко-украинских – 1. В них учащихся: украинцев 3957, русских 3025, евреев 789, немцев 24. В высшей школе из 1669 студентов украинцев было 924 (55,3%), русских 554 (32,6%). Среди преподавате-

лей: на 108 человек украинцев 58, русских 38 [43]. Засим последовало несколько номеров подряд с приветствиями и корреспонденциями «о народной поддержке» украинизации (26 сентября, 27 сентября, 28 сентября, 30 сентября...). Главная газета области выходила на украинском вплоть до 5 ноября 1933.

По школам округа в 1929 отчетный расклад был такой: украинских 230, русских 141, смешанных 47, немецких 26. По группам в школах украиноязычных было 1297, в них 40 349 учеников, русских – 893 с 27 326 учениками. Среди учителей украинцев было 53%, а русских 42% [44].

Реальность, однако, была не совсем такой. Даже в среде партработников, обязанных проводить украинизацию Донбасса, были распространены негативные настроения. В письме С.Погребного в культотдел ВУСПС «про обследование продвижения украинской книжки в рабочие массы в Артемовском округе» приводятся несколько ярких примеров: «Наприклад: на пленумі завкому, де було присутніх кілька десятків робітників, культсекретар т.Дроженин читає українською мовою протоколи культкомісії, а член завкому – він же профуповноважений т.Щочкін підводиться з місця і висловлює свій протест проти вживання української мови, заявивши: “Брось бузить, говори по нашему”. І так, як Щочкін, крім гучного голосу мав в кишені ще й партійний квіток, то це не змогло не вплинути на деяких його товаришів по партії, які його підтримали, а непартійні члени пленуму (частково) теж “последовали примеру” партійця Щочкіна. Другий приклад. Це вже в робкорів. На зборах робкорів один робкор висловлюється українською мовою; голові редколегії Горбі це не подобається: він дуже виразно заявив: “Не бузи, говори, как следует” ... Таким чином, на думку партійця Щочкіна і голови редколегії Горбі і всіх тих, хто їх підтримує – говорити українською мовою це значить – “бузить”, а українська мова для цих товаришів є нічим іншим, як звичайнісіньким “бузотерством”.... Ще дві-три рисочки “сприяння” українзації. Заява експедиторші, що просуває газети та журнали в маси: “как это раньше начали нажимать на украинизацию, я было взялась за украинский язык, а теперь что-то затихло, и я бросила его изучать”, або “у нас по-украински говорят только в шутку, а если говорят о чем-либо серьезном, то только по-русски” [45]. Председатель Дебальцевского завкома заявлял: «У нас украинцев нет. У нас хохлы, которые говорят на мужицкой мове, с ними трудно проводить украинизацию» [46].

Были однако и другие проявления. Как отмечал краевед В.Н.Степанов, «Помыслы «национал-коммунистических вождей» УССР далёких 20-х годов совпадали с желаниями национал-сознательного украинского крестьянства, которое то выражало неудовольствие недостаточным количеством украинских учебников в школах, то доходило до рукоприкладства в отношении комсомольцев, позволявших в украинских сёлах распевать агитационные частушки на русском языке. «Бытовой национализм» всегда «присутствовал» в украинских сёлах, а в период индустриализации «проник» и в города [47].

Далеко не все большевистские лидеры поддерживали такой жесткий курс. Так, в декабре 1926 Юрий Ларин опубликовал в журнале «Большевик» статью, в которой обрушился на извращения и перегибы национализма на Украине. Резкой критике подверглись проявления «зоологического русофобства» в общественной жизни, принудительная украинизация русскоязычного населения Украины. По мнению Ларина, совершенно недопустимо «устранение русского языка из общественной жизни (от собраний на рудниках и предприятиях до языка надписей в кино)»; переход профсоюзов на украинский язык, которого не понимало подавляющее большинство рабочих; применение в школах языка обучения, не являющегося разговорным для детей местного населения, и т.п. «В городах и специаль-

ных промышленных поселений Украины (Донбасс) обычно говорит по украински еще меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом» [48]. С аналогичных позиций критиковали национальную политику КП(б)У Г.Е.Зиновьев и В.А.Ваганян. Весьма характерно заявление Зиновьева о том, что украинизация «льет воду на мельницу петлюровцев», что вызвало взрыв негодования среди украинских сторонников Сталина [2, с.178]. В. Ваганян, считая русский язык Октябрьской революции – межнациональным, выступил против навязывания русско-украинским рабочим и крестьянам языка галицко-украинской интеллигенции [49, с.120-121].

К сожалению, все эти деятели оказались в рядах антисталинской оппозиции. Поэтому с укреплением власти Сталина и началом формирования «культы личности» их мнение априори отбрасывалось и не принималось во внимание. Кагановичу оказалось достаточно раскритиковать взгляды Зиновьева, Ваганяна и Ларина как «шовинистический уклон в партийных рядах» на X съезде КП(б)У в ноябре 1927 года, что совпало с разгромом троцкистско-зиновьевской оппозиции в Москве.

Кстати, накануне съезда Каганович лично посетил Луганск, чтобы выступить с отчетным докладом на XIII окружной партконференции. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)У «Про підсумки українізації» от 19 апреля были озвучены итоги 2 лет работы: число украинцев в партии с 1924 по 1926 гг выросло с 33 до 49%, среди секретарей окружкомов с 1925 по 1927 гг – с 26 до 46%, в комсомоле с 1925 по 1926 гг – с 51 до 67%. «Необходимо отметить, что наши профсоюзные организации еще недостаточно раскачались. Лучше всего дело обстоит в союзах всеработземлес, работпрос, хуже обстоит в основных производственных союзах – у металлистов и др.... Подъем национальной украинской культуры выражается в том, что преподавание во всех, почти, ВУЗ'ах все больше и больше украинизуется. В частности, в Артемовском комуниверситете украинизация преподавания в этом году дойдет до 77 проц., а в «украинском институте марксизма» украинским языком владеют уже 100 проц. научных работников» [50].

В преддверии партконференции (в октябре) отчиталась за 4 года работы и Луганская окркомиссия: «К началу настоящего учебного года украинское население уже полностью обеспечено начальным образованием на родном языке... аппарат окрисполкома ведет переписку на украинском языке на 80 проц., райисполкомы (в районах с преобладающим украинским населением) на 65 проц., рудоправления на 20 проц. Разговорный же язык как в учреждениях, так и на предприятиях в большинстве – русский... По учреждениям нет достаточного количества украинско-русских словарей; в библиотеках клубов слабо отражены запросы читателя на литературу на украинском языке» [51].

В том же 1927 «за перегибы» был снят с должности наркома просвещения А.Шумский. Но политика украинизации продолжилась и даже усиливалась. Ибо новым наркомом стал уроженец Ясиноватой Николай Скрыпник, который в годы гражданской войны работал заведомом ВЧК, а позже с 1921 наркомом внутренних дел, с 1922 наркомом юстиции и с 1923 генпрокурором УССР. Получив новое назначение, он неизбежно внес и в новую сферу деятельности характерные для силовых ведомств методы работы. Скрыпник начал бороться с противниками украинизации так же решительно, как раньше боролся с контрреволюцией. По всей стране создавались комиссии по практическому внедрению украинского языка, именуемые «тройками по украинизации». «Украинизация проводилась и будет проводиться самыми решительными мерами... Тот, кто это не понимает или не хочет понимать, не может не рассматриваться правительством как контррево-

люционер и сознательный либо несознательный враг советской власти», - писал Скрыпник. Для примера: в одном из постановлений в июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома предписывал «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации», при этом прокуратуре поручалось проводить показательные суды над нарушителями.

Итак, несмотря на все протесты, украинизация продолжалась. По данным Владимира Корнилова, в русскоязычном Донбассе в 1923 году издавалось 7 журналов, из которых 5 выходили на русском языке, и 9 газет, из которых 8 издавались на русском, а одна – на двух языках одновременно. В 1934 году в Донецкой области из 36 местных газет 23 были полностью украиноязычными, 8 были на 2/3 украиноязычными, 3 издавались на греко-эллиническом языке. Русских газет осталось всего лишь две. В 1932 году в Мариуполе, одном из самых интернациональных городов Донбасса, не осталось ни одного русского класса в школах. На 1 декабря 1932 года из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6%) были украинскими, а еще 207 (9,3%) – украинско-русскими. К 1933 году в Донбассе были закрыты все русские педагогические техникумы – русскоязычных учителей негде было готовить.

При этом «партийные органы постоянно жаловались на то, что жители Донбасса упорно не хотят покупать украиноязычную прессу, несмотря на насильственную подписку, на обязательные продажи этих газет через партячейки. Многие газеты, дабы выжить, вынуждены были маскироваться: они печатали заголовки на украинском языке, а содержание статей – по-русски. При этом отчитывались о том, что они, мол, частично украинизированы. Некоторые проверяющие закрывали на это глаза, а некоторые наказывали редакторов... жители Донбасса читать по-украински не желали – благо, была возможность подписываться на всесоюзную прессу. Отчеты проверяющих констатировали ситуацию в Сталинской области: «Издающаяся на украинском языке газета «Коммунист» – орган ЦК КП(б)У распределяется по разверстке, и ее не читают» [11, с.173].

2.12.1927 вышло очередное Постановление президиума Луганского окрисполкома по усилению украинизации [52]. В рамках административно-командного нажима продолжались репрессии против сопротивляющихся политике украинизации. В одном из дел Госархива ЛНР хранится целый ряд одинаковых представлений Луганского Окружного суда по поводу отказа некоторых граждан и представителей выступать на заседаниях по-украински. Судейские чиновники требовали привлечения данных граждан к ответственности. Процитируем один из данных документов языком оригинала: «До Комісії Українізації при Окрвиконкомові. Окрсуд повідомляє, що в судовому засіданні 19 грудня 1927 року представниця Луганської Рад. Парт. Школи т. ГІТЛЕР – відмовилася дати пояснення Укр. мовою. Про вище зазначене Окрсуд повідомляє Вам, для вживання належних заходів відносно тов. ГІТЛЕР» [53].

Окружная комиссия по украинизации под руководством Пелеха 1.07.1929 обратилась в окрпрокуратуру с просьбой привлечь к ответственности руководство Луганского Комитета Красного Креста, ЛОК Электрокольца «Донбасстона», Старшего исполнителя Объединенной камеры, управляющего треста «Луганскуголь», Правление научной ассоциации врачей за подачу объявлений в «Луганскую правду» на русском языке «бо це є зламання закону «Про рівноправність мов та сприяння розвиткові української культури» §15» [54]. В архивном деле имеется целый ряд аналогичных обращений [55].

Однако стихийное сопротивление украинизации также продолжалось на различных уровнях. Из Луганской трудовой школы имени 5 годовщины Октябрьской Революции на вопросник, присланный инспектурой народного образования, отвечали: «Школа не имеет украинизированных групп, т.к. потребности в этом со стороны родителей и детей не наблюдалось. Почему и надобности в проведении украинизации не ощущалось. Заведующий Соловей» [56]. Инспектор наркомпроса Гидим 27.11.1928 докладывал: «Рецидивы украинской неграмотности между служащими Соваппарата есть, а в некоторых учреждениях очень велик. Например, текстильная фабрика из 23 лиц 1 категории после проверки осталось 4, финотдел – к 1 категории принадлежали 44 – осталось 9, завод ОР – было 1 категории 200 человек, стало 97» [57]. В 1928 на заседании окружной комиссии по украинизации при Луганском Окрисполкоме (протокол №1) выяснилось, что в Алчевском и Лозово-Павловском районах райкомиссии существуют лишь на бумаге, а фактически не работают [58]. А в Ровенецком районе она развалилась: «На протяжении года не было ни одного заседания. О состоянии украинизации вопросы не стояли ни на Президиуме РИК, ни на Бюро РПК. Директив Окркомиссии нет и неизвестно где они. Инспектор Наробраза этим делом не руководил» [59]. На 2 Луганской городской партконференции в июле 1931 с личным участием самого Н.Скрыпника во время выступления тов. Жуковой председатель горсовета А.Довбыш выкрикнул: «Говорите по украински», на что женщина смело ответила: «Тов. Довбыш, я буду говорить по украински тогда, когда вы тут выступите на украинском языке, после вас я буду говорить по украински» [60]. В столице УССР Донбасс недаром считался самым отстающим среди промышленных регионов в проведении национальной политики [61].

Забавный случай произошел в 1927 году. В Центральную комиссию украинизации соваппарата в Харьков пришло письмо от преподавателей украинского языка Кадиевского рудоуправления Донугля (Луганский округ) с жалобой на то, что украинизация на этом предприятии имеет неудовлетворительное состояние. Однако вскоре им поступил ответ председателя райкомиссии по украинизации Попова, что по материалам проверки, Кадиевское рудоуправление согласно постановлению Окрисполкома считается русским и не подлежит обязательной украинизации. А 10.11.1927 в свою очередь управляющий делами рудоуправления сообщил, что если есть такое сильное желание, то «оплата преподавателя украинского языка должна производиться самими служащими, изучающими украинский язык» [62].

Трудно согласиться с мнением А.Ладыги, что пик мероприятий по украинизации и коренизации приходится на 1925-28 годы [63, с.114]. Ведь и в последующие годы работа продолжалась и углублялась. Сменивший в 1928 Кагановича на посту генерального секретаря ЦК КП(б)У С.Косиор среди первых же задач поставил «усиление темпа украинизации», отмечая, что это «один из составных элементов социалистического строительства... Я считаю, что ныне основной лозунг, который мы должны выдвинуть – это внедрение украинского языка в употребление» [64, с.38-39]. В унисон ему выступали секретари ЦК Н.Попов, П.Постышев.

17.04.1930 «Луганская правда» посвятила целую страницу очередной волне кампании «Боевая директива партии об украинизации выполняется недопустимо медленно» с типичными заголовками: «Против опошления идеи украинизации», «Краснолучский РИК позорно отстает», «Украинскую культуру – в массы», «Почему нет украинских журналов в киоске почты?», «Директива не выполнена» и т.п. На 2 Луганской городской партконференции в июле 1931 с участием наркома Н.Скрыпника секретарь горпаркома Просвирнин доложил: «Мы достигли полной

украинизации школ Соцвоса, полной украинизации, за незначительным исключением, ВУЗ'ов и техникумов... перевод на украинский язык всей нашей районной печати: «Луганской правды» и заводских многотиражек» [65].

По мнению М.Корниенко, пик украинизации образования Донбасса пришелся на 1932-33 гг. В этом учебном году в русскоязычной Макеевке не осталось ни одного русскоязычного класса в начальной школе, что вызвало бурные протесты родителей. В октябре 1934 года 4 пленум Донецкого обкома КП(б)У требовал: «строго соблюдать украинизацию советских органов, решительно борясь со всякими попытками врагов ослабить украинизацию». А ранее, в апреле 1934 тот же обком принял волевое решение «О языке городских и районных газет Донбасса», согласно которому полностью переводились на украинский язык 23 из 36 местных газет, еще 8 должны были печатать как минимум две трети информации по-украински и лишь две газеты области решено было оставить на русском языке [66].

Реальное постепенное сворачивание украинизации началось после отставки Скрыпника в 1933 году. Возможно, свою роль сыграли дошедшие до Москвы данные о перегибах украинизации, приводящие на деле к усилению националистических тенденций, вплоть до известного лозунга Н.Хвылевого «Геть вид Москви!» Не исключены и опасения контрреволюционного влияния со стороны галичан зарубежья, которые неприкрито радовались успехам украинизации даже на страницах откровенно враждебной ОУНовской прессы, например журнала «Розбудова нації», либо рассматривали ее как борьбу троцкистов со сталинистами [67].

Во всяком случае, впервые фиксация в компартийных документах главной угрозы со стороны не «русского шовинизма», а украинского национализма относится к 1933 г. Жертвами этого очередного изгиба партийной линии стали сотрудники Луганского машиностроительного института. Когда на общем партсобрании по итогам ноябрьского пленума ЦК КП(б)У была принята резолюция: «Вести решительную борьбу с проявлениями великодержавного русского шовинизма, как главной опасностью в Советском Союзе» - со стороны горкома последовала резкая реакция. Специальным постановлением от 20.12.1933 горпарком постановил: «Отменить эту резолюцию как антипартийную, противоречащую решениям пленума ЦК и ЦКК». Орготделом и Культпропом ГПК было проведено вторичное партсобрание в институте, на котором функционеры разъяснили новый поворот партийной политики, что следует обращать внимание на другую часть решения ЦК: «В некоторых республиках СССР, в особенности на Украине, в данный момент главную опасность представляет местный украинский национализм, смыкающийся с империалистическими интервентами». Секретарь партячейки Фирсанов был снят, докладчик Хвостиков (руководитель кафедры соцэкдисциплин) получил строгий выговор и рекомендацию снять его с работы на кафедре [68]. Аналогичный случай произошел и в Сталино, где на общегородском партсобрании неправильно выступил представитель Сталинзавода Сливенко, за что был исключен из партии как скрытый националист [69].

И.Сталин в Отчетном докладе XVII съезду партии в январе 1934 заявил, что «уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью» [70, с.362]. Это становилось главной установкой в национальном вопросе.

Впрочем, по мнению В.Корнилова, «со смертью Скрыпника, Хвылевого и иже с ними в 1933 г. она не прекратилась, а всего лишь была несколько смягчена. Я располагаю материалами донецких партийных собраний, отчитывающихся об

украинизации еще в начале 1941 г. Так что можно смело утверждать, что период сталинской украинизации длился с 1923 по 1941 гг... С 1933 г. началась борьба с «перегибами» в украинизации. При этом вплоть до 1941 г. партийные органы периодически отчитывались о состоянии украинизации прессы. К 1938 г. из 63 газет Сталинской области 28 (44,3%) выходили на мове, 17 (26,9%) были двуязычными» [71].

Действительно, с послаблением начала 1930-х гг доля русского языка в общественной жизни начала потихоньку расти. В 1933 вернулась на русский язык издания «Луганская правда». В 1935 при обследовании Сталинского горсовета выяснилось, что если ранее работа велась на украинском, то «начиная с 1933 г. в связи с общим ослаблением украинизации в парторганизации вся работа в 1934-35 г. проводится на русском языке». Зампредседателя горсовета отметил, что весь технический аппарат украинского языка не знает [72]. Однако официального решения о прекращении политики украинизации так никогда и не было принято. Доля украинских коммунистов в Донбассе продолжала расти, достигнув к 1941 году 55,6%, а доля русских снизилась до 35,6% (накануне украинизации, в 1922 в партийных организациях Донбасса было 69% русских и 16,6% украинцев). Продолжали выходить многочисленные постановления киевского правительства об усилении большевистской украинизации, хотя они чаще оставались только на бумаге. Еще 10.12.1934 бюро Луганского горпарткома раздавало указания: «1. Предложить редактору газеты «Луганская правда» т. Троскунову, в соответствии с решением Обкома, не меньше 2/3 материала в газете печатать на украинском языке. 2. Обязать ЗПК, парткомитеты и политотделы не меньше половины материала в многотиражках помещать на украинском языке, а газету ДИНО перевести на украинский язык полностью» [73].

Заключение

Таким образом, путем «бури и натиска» 1920-х – начала 1930-х гг Советская административно-командная система добилась своей цели, широко внедрив новосформированную украинскую национальную парадигму в сознание народных масс Новороссии, ставшей «Юго-Восточной Украиной». Не случайно Н.Скрыпник в одном из выступлений в июле 1929 заявил: «Новороссии нет, даже не то, что она уничтожена, а ее совсем не существует. Я, может быть, единственный, кто в день украинизации «Одесских известий» вспомнил это слово — «Новороссия». Оно стало чужим для жизни, для целой страны, для всего человечества». Русское самосознание региона было ослаблено, территория была плотно привязана к Украинской Советской Республике. Однако, в конце XX века с постепенной деградацией компартийной идеологии в годы «перестройки», эти узы неизбежно ослабели. Результатом чего явились бурные события начала 1990-х годов, оживление Русского движения на территориях Украины и, как финал, – провозглашение Народных Республик Донбасса в 2014 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки [за ред. В.А.Смоля]. К.: Інститут історії України НАНУ, 2003. 392 с.
2. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с. На базе этой книги в 2015 была подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах во-

- сточноевропейского региона (1918–1941 гг.). М., 2015. Режим доступа: <http://www.inslav.ru/sobytiya/zashhity-dissertaczij/2181-2015-borisenok> (дата обращения 3.01.2020)
3. Нагорняк Т.Л. Некоторые аспекты художественной литературы Донбасса в русле государственной политики «коренизации» // Новые страницы в истории Донбасса: Статьи. Донецк, 1997. Книга 5. С.113-120; Анпілогова Т.Ю. Українізація Донбасу 20-х рр. ХХ ст.: особливості й проблеми впровадження // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім.Т.Шевченка. 2008. №15. С. 130-137; Дьоміна Л.І. Особливості проведення політики українізації на Луганщині в 20-30-ті рр. ХХ ст. // Краеведческие записки: Сборник научных статей. Луганск: Шико, 2008. Выпуск IV. С.338-345; Сергієнко С.Ю. Зміни в політиці українізації в другій половині 20-х – на початку 30-х років ХХ століття та їх прояви у Донбасі // Історичні записки: Збірник наукових праць. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В.Даля, 2009. Випуск 23. Ч. 1. С.185-191; Сергієнко С.Ю. Гасла «українізації» на тлі посилення контролю держави над суспільством у 30-ті рр. ХХ ст. // Історичні записки. 2012. Вип. 34. С.201-206.
 4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967). Т.2. М.: Политиздат, 1967. 798 с.
 5. Постернак С. Із історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917-1919 рр. К.,1920. 128 с.
 6. Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947.
 7. Каревин А. Русь нерусская: Как рождалась «Рідна мова». М., 2008. 178 с.
 8. Равич-Черкасский М.Е. История Коммунистической партии (большевиков) Украины. Киев: Госиздат Украины, 1923. 248 с.
 9. Галкин Ю.И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920-1925 годах за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. Донецк, 2015. 48 с.
 10. Квірінг Е. Крутий поворот чи розгортання попередньої роботи // Червоний шлях. 1923. №4-5.
 11. Бельдюгин В.А., Пробейголова С.В., Федоровский Ю.Р. История Отечества: курс лекций. Луганск: ЛНУ имени В.Даля, 2017. 288 с.
 12. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.991. Л.147.
 13. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.5. Л.12 об.
 14. Госархив ДНР. Ф. Р-1169. Оп.2. Д.173. Л.167.
 15. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.991. Л.136.
 16. Там же. Д.426. Л.223.
 17. Кроткі підсумки перепису населення України 17 грудня 1926 р. Харків, 1928. 210 с.
 18. Госархив ЛНР. Ф. 401. Оп.1. Д.158. Л.12.
 19. Кравченко В. Немецкие колонии на Луганщине // Жизнь Луганска. – 1999. – 11 февраля.
 20. Просвещение Донбасса – Освіта Донбасу. 1924. №4.
 21. Цит. по: Анпілогова Т.Ю. Українізація Донбасу... С.132.
 22. Госархив ЛНР. Ф. Р-401. Оп.1. Д.72. Л.28.
 23. Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду. 1917 – 1959 рр. 3б. док. Т. I (1917 – червень 1941 рр.). К.: Держполітвидав УРСР, 1959. 884 с.

24. ЦГАООУ. Ф.1. Оп.1. Д.160. Л.67.
25. Луганская правда №131. – 1925. – 16 июня.
26. Харьковский пролетарий №142. – 1927. – 25 июня.
27. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.667. Л.20.
28. Денисенко В. До збирання відомостей із історії дерусифікації // Голос українізатора. 1927. №3.
29. Итоги украинизации (Тезисы, принятые пленумом ЦК КП(б)У) // Луганская правда. – 1926. – 19 июня.
30. ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2247. Л.25.
31. Госархив ЛНР. Ф. Р-401. Оп.1. Д.72. Л.121.
32. Там же. Л.219, 246.
33. Там же. Л.187.
34. Луганская правда. – 1926. – 24 июня.
35. Дьоміна Л.І. Особливості проведення... С.340.
36. Госархив ЛНР. Ф. Р-639. Оп.1. Д.2. Л.4.
37. Там же. Ф. П-34, оп.1, д.292, л.145.
38. Там же. Ф. Р-243, оп.1, д.426, л.208.
39. Федоровский Ю.Р. Советская украинизация Донбасса: проводники и противники // Материалы IV Международной научной конференции. Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: ДонНУ, 2019. Том 7.
40. Там же. Л.162-178.
41. Там же. Ф. Р-584. Оп.1. Д.5. Л.58.
42. ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2247. Л.25.
43. Озерський Ю. До українізації “Луганської Правди” // Луганська Правда №202. – 1930. – 24 вересня.
44. Госархив ЛНР. Ф. Р-401. Оп.1. Д.158. Л.354.
45. ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2631. Л.117-118.
46. Там же. Д.4172. Л. 33.
47. Степанов В.Н. История Беловодского края: события и лица, факты и версии. Самиздат В.ДЕРКУЛЬ, 2012.
48. Ларин Ю. Об извращениях при проведении национальной политики // Большевик №23-24 от 31 декабря 1926. URL: <https://yadocent.livejournal.com/828696.html> (дата обращения 3.01.2020)
49. Ваганян В. О национальной культуре. М.-Л.: Госиздат, 1927. 192 с.
50. Два года работы. Отчет ЦК КП(б)У на XIII окрпартконференции. Доклад генерального секретаря ЦК КП(б)У тов. Кагановича // Луганская правда №261. – 1927. – 15 ноября.
51. Как идет украинизация в Луганском округе // Луганская правда. – 1927. – 9 октября.
52. Луганская Правда. – 1927. – 9 декабря.
53. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.426. Л.197.
54. Там же. Ф. Р-401. Оп.1. Д.158. Л.157.
55. Там же. Л.168, 216, 221 и др.
56. Там же. Р-401. Оп. 1. Д.72. Л.23.
57. Там же. Ф. Р-243. Оп.1. Д.147. Л.98.
58. Там же. Д.667. Л.3.
59. Там же. Д.147. Л.65.

60. Там же. Ф. П-5. Оп.1. Д.32. Л.150.
61. ЦГАВОВУ. Ф.2605. Оп.2. Д.905. Л.149.
62. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп.1. Д.426. Л.143-151.
63. Ладига О.І. Політика коренізації національних меншин на Луганщині (1923-1934) за матеріалами фондів Державного архіву Луганської області // Історичні записки: Збірник наукових праць. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В.Даля, 2008. - Випуск 18.
64. Косіор Ст. Українізація і завдання КП(б)У // Більшовик України. 1929. №1.
65. Госархив ЛНР. Ф. П-5. Оп.1. Д.32. Л.129.
66. Михаил Корниенко. Украинский националист Иосиф Сталин. URL: <http://www.komitet.net.ua/article/print/63461/> (дата обращения 3.01.2020)
67. Українці в Радянському Союзі // Розбудова нації. 1928. Ч.4. URL: <https://yadocent.livejournal.com/464475.html>; Опозиція Зінов'єва-Троцького на Україні // Розбудова нації. 1928. Ч.1. URL: <https://varjag2007su.livejournal.com/4899034.html> (дата обращения 3.01.2020)
68. Госархив ЛНР. Ф. П-5, оп.1, д.82, л.188.
69. Социалистический Донбасс. – 1933. – 5 декабря.
70. Сталин И.В. Сочинения. – Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1951.
71. Советская украинизация Донбасса. URL: <https://donbassrus.livejournal.com/1115521.html> (дата обращения 3.01.2020)
72. ЦГАООУ. Ф. 1, оп.20, д. 6634, л.69-70.
73. Госархив ЛНР. Ф. П-5, оп.1, д.186, л.134.

Информация об авторе: Федоровский Юлий Рудольфович, доцент, кандидат исторических наук, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Луганской Народной Республики «Луганский Национальный Университет имени В. Даля». Луганск, квартал Молодежный, 20а, корпус 2.

г. Луганск, Луганская Народная Республика
e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

Поступила: 18.01.2020

После доработки: 30.01.2020

Принята к публикации: 17.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Julius Rudolphovich Fedorovsky, Docent, Candidat of History, Docent of Regional and Domestical History Department. Lugansk National University named after V. I. Dal,

Lugansk, Lugansk People's Republic.

e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

The paper was submitted: 18.01.2020

Received after reworking: 30.01.2020

Accepted for publication: 17.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908

Маматсырова Сабина Рамильевна,
Краснодарский государственный институт культуры
e-mail: sabina_saf98@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРМАВИРА, ПОВРЕЖДЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается актуальный вопрос современной действительности – реставрация и восстановление памятников истории и культуры Российского государства, разрушенных в годы Великой Отечественной войны на территории Армавира. Автор анализирует историю архитектуры дома врача П.Г. Кудрявцева, особняка братьев Богарсуковых, женской гимназии, зимнего клуба Общественного Собрания. Изучение истории культуры народа дает возможность обратиться к истокам нашего существования, понять причины определенных событий и получить идеи по дальнейшему развитию и совершенствованию системы культурных ценностей, что является целью данной работы. В качестве задач для достижения этой цели выступают: исследование памятников архитектуры Армавира, их истории и современного состояния, изучение причин того или иного пути их развития, а также представление фактов, ведущих к пониманию важности сохранения памятников. Для решения этих задач были использованы работы Ктиторова С.Н., Субботина О.С. и электронные статьи о городе Армавире. В статье использованы историко-системный и историко-генетический методы исследования. Вывод: в работе систематизированы знания о разрушениях памятников в годы Великой Отечественной войны в городе Армавире. Результатом данной работы является привлечение внимания граждан к вопросу сохранения памятников и заботы о них.

Ключевые слова: памятники, Армавир, архитектура, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Маматсырова С.Р. Восстановление памятников Армавира, поврежденных в годы Великой Отечественной Войны. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 109-122.

Sabina R. Mamatsyrova
Krasnodar State Institute of Culture
e-mail: sabina_saf98@mail.ru

RESTORATION OF ARMAMIR MONUMENTS DAMAGED DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article considers the current issue of modern reality - restoration and restoration of historical and cultural monuments of the Russian state, destroyed during the Great Patriotic War in Armavir. The author analyzes the history of the architecture of the house of the doctor P.G. Kudryavtsev, the mansion of the Bogarsukov brothers, women's gymnasium, and the winter club of the Public Assembly. Studying the history of the culture of the people makes it possible to turn to the origins of our existence, understand the causes of certain events and get ideas for further development and improvement of the system of cultural values, which is the goal of this work. The tasks to achieve this goal are: the study of the architectural monuments of Armavir, their history and current state, the study of the causes of one way or another of their development, as well as the presentation of facts leading to an understanding of the importance of preserving the monuments. To solve these problems, the works of Ktitorov S.N., Subbotin O.S. and electronic articles about the city of Armavir. The article uses historical-systemic and historical genetic research methods. Conclusion: the work systematizes knowledge about the destruction of monuments during the Great Patriotic War in the city of Armavir. The result of this work is to attract the attention of citizens to the issue of preserving monuments and caring for them.

Keywords: monuments, Armavir, architecture, World War II.

For citation: Mamatsyrova S. R. Restoration of Armamir monuments damaged during the Great Patriotic War. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 109-122. (In Russ., abstr. in Engl.).

Актуальность данной работы заключается в изучении фактов Великой Отечественной войны, в сохранении отечественной истории. В настоящее время важно не только узнать правду о прошлом, но и сохранить остатки прошлых эпох в виде памятников. Целью работы является изучение истории культуры народа, что дает возможность обратиться к истокам нашего существования, понять причины определенных событий и получить идеи по дальнейшему развитию и совершенствованию системы культурных ценностей. В качестве задач для достижения этой цели выступают: исследование памятников архитектуры Армавира, их истории и современного состояния, изучение причин того или иного пути их развития, а также представление фактов, ведущих к пониманию

важности сохранения памятников. Для решения этих задач были использованы работы Ктиторова С.Н., Субботина О.С. и электронные статьи о городе Армавире. В статье использован историко-генетический метод исследования, предполагающий анализ зарождения и развития объекта архитектуры, что целесообразно для изучения истории появления и разрушения построек. Также автором использован историко-системный метод, направленный на систематизацию объектов и явлений прошлого для понимания общей картины событий.

Неизгладимый след в истории нашей страны оставили события 1941-1945 годов. В период Великой Отечественной войны были захвачены и оккупированы почти все регионы бывшего СССР. В это время за честь своей родины сражался каждый советский гражданин, каждый вносил вклад в сохранение культуры и самобытности своего государства. Помимо колоссальных человеческих потерь было утрачено огромное количество произведений искусства, архитектуры, исторических артефактов и других ценных предметов, имевших культурное, природное или историческое значение. Немецко-фашистские захватчики не щадили ни людей, ни произведения искусства, лишь иногда оставляя то, что имеет прямое практическое назначение. Так, одним из городов, сильно пострадавшим в годы войны является Армавир, где многие архитектурные произведения были обращены в руины.

Расцвет города Армавира в XX веке пришелся на 1920-30-е годы, однако он был прерван оккупацией фашистов в годы Великой Отечественной войны. Оккупанты не пощадили город и превратили его в груды пепла и развалин. Военный корреспондент Союзрадио П.В. Кованов так описывает Армавир после освобождения: «По центральным улицам нельзя было пройти: рушились крыши, порывистый ветер разносил угли, горячее пламя за десятки метров обжигало так, что казалось, идёшь вдоль открытых маргеновских печей» [7]. Павел Васильевич принимал участие в освобождении Армавира и был одним из первых, кто вошел в город. В 1982 году была издана его книга «И слово – оружие», описывающая военные события под Москвой, на Украине, на Кавказе. В этой книге автор так же рассказывает о важности радиовещания в годы войны.

После освобождения Армавира 23 января 1943 года, восстановлением города занялись жители от мала до велика – каждый вносил свой вклад. К 1950-м годам центр был почти восстановлен и появились возможности для удовлетворения духовных потребностей населения во Дворце пионеров, в Домах культуры, профсоюзных клубах, кинотеатрах, библиотеках [1] и т.д.

Один из сохранившихся особняков находится на пересечении улиц Комсомольской 157 и Халтурина 76. Он принадлежал казаку, врачу и депутату Государственной думы Петру Кудрявцеву. Одноэтажный дом с кирпичными и оштукатуренными стенами и фундаментом был построен в 1898 г. (рис. 1), перекрытия и пол полуподвального этажа были деревянными, а крыша – железной. В нем были водопровод, телефон и электричество, а также 4 кирпичных печи.

рис.1. Дом Кудрявцева в начале 20 в. /Kudryavtsev's house in the 20th century
 Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Архитектурный стиль особняка зажиточного армавира конца XIX – начала XX в. демонстрирует смешение разных стилей архитектуры, в том числе барокко и ордерной системы. Угол здания оформлен полукруглым ризалитом и увенчивается башенкой с декоративным луковичным куполом, имеющим чешуйчатую кровлю. Оконные наличники были оформлены в ордерной системе, под ними располагались гирлянды, украшением служил растительный орнамент.

Изначально здесь жил хозяин дома со своей семьей. Он был одним из наиболее значимых общественных деятелей не только Армавира, но и Кубани. Петр Григорьевич Кудрявцев родился в семье казака в станице Кавказской в 1858 году и прославился своей бескорыстной помощью в борьбе с эпидемией холеры в 1892 году. Эпидемия холеры, начавшаяся в России в 1880-х, в наибольшей степени среди губерний Европейской России проявилась на Кавказе. Один из современников П.Г. Кудрявцева характеризовал его как начитанного, вежливого и одаренного от природы необычайным талантом врача.

В октябре 1905 г., как и другие врачи, учителя, журналисты, земские служащие, П.Г. Кудрявцев пострадал от рук черносотенцев, презиравших интеллигенцию, несмотря на их политические взгляды. Погромщики ограбили и подожгли его особняк. Кроме утраченных золотых, серебряных приборов – подарков пациентов, пропала картина мирового значения, которая существовала лишь в двух экземплярах: одна в Третьяковской галерее, а вторая в доме врача. В материалах процесса отмечено, что особняк горел 3 дня, а общий ущерб составляет 60 тысяч рублей. По выяснению обстоятельств П.Г. Кудрявцев воссоздал свой особняк. С мая 1915 года он являлся гласным Армавирской городской думы, а в 1917 году врач скончался [5].

Постановлением Революционного комитета Лабинского управления от 6.09.1920 г. данное здание было национализировано. На тот момент владельцем был Андрей Григорьевич Дудченко, о деятельности которого ничего не известно. В 1928 году особняк находился в ведении ЖАКТа № 72, с ноября 1933 г. здесь находился сектор Армавирского Объединенного государственного политического управления.

В годы Великой Отечественной войны дом врача сгорел, сохранились лишь внешние стены, в этом состоянии он стоял 10 лет (рис. 2).

рис.2. Дом Кудрявцева в 1940-е/ Kudryavtsev's house in 1940s

Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

В конце 1952 года армавирские власти приняли постановление о передаче объекта конторе трубопровода Грозный-Трудовая для воссоздания здания и в середине 1953 года начались строительные работы. Изначальный облик здания был значительно изменен, осуществлена перепланировка помещений. Верхний этаж лишился ризалита, были утрачены аттики, балкон и часть лепнины, а также построен третий этаж. После воссоздания, объект был передан в эксплуатацию заводу «Главнефтеснаб», так же в нем до 1964 года проживали семьи, а цокольный этаж арендовал Армгорпищеторг. С 1987 года в соответствии с постановлением Краснодарского Краевого исполкома здание было взято под государственную охрану как объект культурного наследия.

На сегодняшний день особняк, переживший первую русскую революцию и Великую Отечественную войну, находится во владении частных собственников, радуя армавирцев своим историческим обликом (рис. 3).

рис.3. Дом Кудрявцева (современный вид) / Kudryavtsev's house now
Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Памятником архитектуры модерна в Армавире является усадьба братьев Якова, Егора и Исаака Богарсуковых на углу улиц Кирова и Комсомольской (рис. 4).

рис.4. Дом Богарсуковых 1930-е, здесь располагался Армавирский Дом Советов./ Bogarsukov's house in 1930s, when the Armavir house of Soviets was located here
Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Братья, происходившие из села черкесо-гаев, были крупнейшими предпринимателями Юга России, продолжателями дела своего отца – купца-мануфактурщика Никиты Павловича Богарсукова. Накануне зимы 1913 года Богарсуковы решили возвести в центре села Армавира большое трехэтажное здание,

предназначавшееся для театра, ресторана, гостиницы и магазинов. Междуэтажные перекрытия были сооружены из железобетона, капитальные стены – из кирпича, под домом находился подвал. Фасад между окнами был разделен плоскими лопатками, а над карнизом были установлены бетонные постаменты прямоугольной формы [2]. Строительство завершилось летом 1914 года, особняк привлекал внимание висячими балконами-галереями, решетки которых отражали растительные мотивы и в целом дом напоминал навесной сад.

С началом Первой мировой войны отделочные работы в здании были прекращены, а о местонахождении купцов Богарсуковых в период революции и гражданской войны не известно. После 1917 года усадьба стояла в запустении около десяти лет в связи с отсутствием средств на завершение отделочных работ у нового руководства. В 1929 году продолжилось обустройство интерьера, а также над угловой частью фасада появился небольшой купол с часами, завершающийся красным знаменем и пятиконечной звездой. В следующем году здесь открылся Дом Советов.

В ходе боевых действий Великой Отечественной войны здание было повреждено и сохранились лишь стены основания (рис. 5).

рис.5. Дом Богарсуковых 1940-е/ Bogarsukov's house in 1940s
Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

После освобождения Армавира объект еще долгое время стоял, медленно старея от воздействия окружающей среды.

В 1952 году администрация города поручила Министерству машиностроения и приборостроения СССР благоустроить особняк под Машиностроительный техникум и только спустя 10 лет в эти стены вернулась жизнь. При этом исторический облик здания был утрачен, фасад украсили в стиле советского классицизма, убрали выступающие на карнизе постаменты, пилястры по периметру здания и башенку на углу, а главное украшение – балконы в стиле модерн были беспощадно ликвидированы и установлены в разных частях города.

В настоящее время в бывшем доме братьев Богарсуковых функционирует Армавирский Машиностроительный техникум, здание является визитной карточкой города (рис. 6).

рис.6. Дом Богарсуковых (современность)/ Bogarsukov's house now
Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

К сожалению, несмотря на то, что стены здания были сохранены, здание уже не напоминает изначально задуманную архитектуру модерна, каким его создавали в начале XX века, но отражает нелегкую судьбу местности.

Об истории просвещения в Армавире напоминает двухэтажное кирпичное здание на углу Халтурина и Комсомольской, где с 1904 до 1917 года располагалась женская прогимназия, позже преобразованная в гимназию (рис. 7).

рис.7. Женская гимназия Общества попечения о детях. 1907 г./ Female gymnasium in 1907.

Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Она была основана в начале XX века Армавирским обществом попечения о детях по инициативе адвоката В.И. Лунина. В скором времени небольшой учебный корпус был расширен за счет пристройки этажей. В целом здание построено в неоклассическом стиле.

С момента основания количество учащихся постоянно увеличивалось. Из известных гимназисток здесь училась и работала учителем Татьяна Соломаха, погибшая от рук белогвардейцев в годы Гражданской войны. Именно ее именем назвала себя Зоя Космодемьянская, когда была схвачена фашистами [4]. В честь Татьяны Соломахи в 1984 году открыт музей в Отрадненском районе, который освещает ее биографию и историю станицы.

После прихода большевиков к власти в Армавире в женской гимназии действовала средняя школа, оставаясь образцом учебного заведения в городе.

Во время Великой Отечественной войны гимназия была сожжена, как и многие другие здания, здесь остались только кирпичные стены фундамента (рис. 8).

рис.8.женская гимназия 1940-е / Female gymnasium in 1940s
 Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

После изгнания фашистов из города объект был восстановлен на основе сохранившегося материала (рис. 9).

рис.9.женская гимназия (современность)/ Female gymnasium now.
 Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Теперь здесь располагается Армавирская гимназия № 1 [3]. Облик гимназии кардинально не изменился, так как изначально постройка не имела особенных украшений.

Старинное здание на пересечении улиц Комсомольская и Дзержинского, построенное в 1911 году, не включено в список объектов культурного наследия. Однако это весьма любопытный объект материальной культуры, претерпевший, как многие другие постройки, череду исторических событий (рис. 10).

рис.10 Клуб Общественного Собрания 1917/ Public assembly club in 1917.
Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Это – зимний клуб Армавирского Общественного собрания, где устраивали литературные, музыкальные, танцевальные вечера, балы, спектакли, маскарады. Здесь же выписывали различные периодические издания, выступали писатели, политические и общественные деятели. Благодаря активной общественной деятельности В.И. Лунина, который поселился в Армавире в 1880 году, к началу XX в. жизнь клуба расцвела [6]. Однако, иногда она омрачалась скандалами и драками, так как члены собрания проводили свой досуг, играя в азартные игры, что подтолкнуло корреспондента газеты «Новая заря» назвать город «российским Монако».

Со дня основания до 1911 года клуб занимал дом купца Артемия Тарасова. После члены общественного собрания приобрели землю, где до 1905 года жил председатель Общества попечения детей В.И. Лунин, чей дом сожгли черносотенцы в первый год Первой русской революции. В 1910 году на этом месте комиссия в числе Г.К. Стряпичева, И.В. Зубарева, В.К. Вильде, К.М. Дерим-Оглуева, Г.Б. Челидзе и Л.М. Гольденберга заложили фундамент будущего зимнего клуба Общественного собрания. Строительство трехэтажного сооружения вели А.С. Ильин, И.К. Попов под руководством Н.Г. Балашева по проекту Э.Б. Ходжае-

ва, чье произведение стало истинным украшением селения. Особенности здания были башни с декоративными стенками, два купола, высокие окна и узорчатый навес у входа.

В новом здании был внушительный концертный зал с отличной акустикой, поэтому сюда часто приглашали музыкантов – и русских и иностранных, а спектакли проводились в зимнем театре М.И. Мисожникова. В зимнем клубе встречали циркового артиста А.Л. Дурова, оркестр И.И. Розенфельда, певцов А. Давыдова, В. Дамаева.

В годы Первой мировой войны в бывшем клубе Общественного собрания функционировал госпиталь, в 1920-е – клуб профсоюза торговых служащих «Профинтерн». В 1942 году постройка сгорела под бомбардировками захватчиков (рис. 11).

рис.11.Здание клуба, сгоревшее во время Великой Отечественной войны (1940-е гг.) / The clubhouse burned down during World War II (1940s).

Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Через десять лет особняк был воспроизведен из остатков наружных стен и фундамента, прежний облик при этом был утерян, была выполнена перепланировка помещений, однако зрительный зал со сценой был воссоздан на старом месте. В реконструированном здании до 2000 года функционировал Дом культуры Армавирского Приборостроительного завода «Армалит». Решением от 15 марта 2002 года объект был передан филиалу Кубанского государственного университета, при этом здание не соответствовало техническим требованиям и возникла необходимость капитального ремонта, вследствие чего были уничтожены последние элементы дореволюционного интерьера (рис. 12).

рис.12. Клуб Общественного собрания. филиал Кубанского государственного университета/ Club of the public meeting, a branch of the Kuban State University.

Источник: <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Армавир>

Так очаг культуры XX века превратился в образовательный центр города Армавира.

Таким образом, каждый из описанных памятников архитектуры Армавира имеет глубокую и интересную историю, каждый из них возник и развивался благодаря разным общественным деятелям и имел определенную важную цель строительства, но в годы Великой Отечественной войны был разрушен, разграблен или сожжен. Такую судьбу претерпели многие памятники не только Армавира, но и всей России и важность их восстановления, возможно, еще недооценена. Каждое произведение прошлых веков напоминает нам о нашей истории и имеет право на существование и заботу о нем. В тоже время, важно не просто восстановить объект, но и сохранить его исторических особенностей, стилистику, что подразумевает под собой научную реставрацию.

В результате исследования была изучена история небольшой части российских памятников, находящихся в городе Армавира. Исследование даже самых отдаленных и маленьких областей Российского государства важно для нашей истории, так как все эти памятники, объекты материальной и нематериальной культуры являются частицей чего-то большего и ценного для всего народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт МО города Армавира. URL: <https://www.armawir.ru/city/>
2. Ктиторов С.Н. Застройка и архитектурный облик Армавира в контексте этнодемографических процессов конца XIX - начала XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. - № 6-1. – С. 74-82
DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-74-82>

3. Субботин О.С. Архитектурно-градостроительное наследие армянских зданий гг. Екатеринодара и Армавира XIX-XX вв. // Жилищное строительство. – 2014. - № 12. – С. 26-31
4. История женской гимназии // <http://jackson77.freetzi.com/история-женской-гимназии>
5. Материальные памятники истории линейного казачества Кубани: дом врача П.Г.Кудрявцева. Особняк казака, врача и депутата Государственной думы Петра Кудрявцева. 11 февраля 2019 г. // <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Краснодарский%20край>
6. Очаг культуры и искусства старого Армавира. Зимний клуб Армавирского Общественного собрания (1910-1911 г.). 17 февраля 2019 г. // <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Краснодарский%20край>
7. Кованов П. В. И слово — оружие. — М.: Советская Россия, 1982.

REFERENCES

1. The official website of the city of Armavir. URL: <https://www.armavir.ru/city/>
2. Ktitorov S.N. The development and architectural appearance of Armavir in the context of ethno-demographic processes of the late XIX - early XX centuries. Historical and socio-educational ideas - 2016. - No. 6-1. p. 74-82. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-74-82>
3. Subbotin O.S. The architectural and urban heritage of the Armenian buildings Ekaterinodar and Armavir XIX-XX centuries. Housing construction. - 2014. No. 12. p. 26-31
4. The history of the female gymnasium. <http://jackson77.freetzi.com/history-female-gymnasium>
5. Material monuments of the history of the linear Cossacks of the Kuban: the house of the doctor P. G. Kudryavtsev. The mansion of the Cossack, doctor and State Duma deputy Pyotr Kudryavtsev. February 11, 2019. <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Krasnodar%20crai>
6. The center of culture and art of old Armavir. Winter Club of the Armavir Public Assembly (1910-1911). February 17, 2019. <https://arch-heritage.livejournal.com/tag/Krasnodar%20crai>
7. Kovanov P. V. And the word is a weapon. - M.: Soviet Russia, 1982.

Информация об авторе: Маматсырова Сабина Рамильевна, студентка 4 курса направления «Музеология и охрана объектов природного и культурного наследия» факультета ДИИГО Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: sabina_saf98@mail.ru

Краснодар, Россия

Поступила: 03.02.2020

После доработки: 21.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mamatsyrova Sabina Ramilevna, 4rd year student of the direction of the faculty of DIIGO of the Krasnodar state Institute of culture (Krasnodar, ul. 40-letiya Pobedy, 33),
e-mail: sabina_saf98@mail.ru
Krasnodar, Russia

The paper was submitted: 03.02.2020

Received after reworking: 21.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 355.48(47:55)

Митрофанов Виктор Владимирович

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

**«... но не могу не выразить горячего желания видеть Вас в Твери...»:
Письма И.А. ИВАНОВА С.Ф. ПЛАТОНОВУ (1915-1916 гг.)**

Аннотация. Эпистолярное наследие краеведов России начала XX в. содержит немало неизвестных фактов и сведений для характеристики научной жизни провинции и ее повседневности. Следовательно, актуальность публикации не вызывает сомнений.

Специфика публикации определила и набор методов исторического исследований, среди которых мы выделяем следующие: историко-типологический, историко-системный, ретроспективный, хронологии и анализа.

Деятельность И.А. Иванова на посту председателя Тверской губернской ученой архивной комиссии малоизвестна, как и вообще его общественная, профессиональная, музееведческая и археологическая работа. Вводимая в научный оборот важная часть эпистолярного наследия выдающегося краеведа за 1915-1916 гг. позволяет в полной мере проследить основные направления его поисков в этот период. Они связаны, прежде всего, с пополнением местного музея новыми экспонатами, поездками по губернии с научными целями. Большое значение содержит информация о приезде императора в Тверь, публикуемые материалы позволяют реконструировать программу его пребывания.

Письма адресованы С.Ф. Платонову – Почетному члену комиссии, с которым он состоял в многолетней дружбе.

Воссоздается яркая картина политической жизни губернии в годы Первой мировой войны, даны запоминающиеся характеристики руководству губернии и высшему духовенству.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, И.А. Иванов, Тверская губернская ученая архивная комиссия, экскурсия, исторические памятники, переписка, архив

Для цитирования: Митрофанов В.В. «... но не могу не выразить горячего желания видеть Вас в Твери...»: Письма И.А. Иванова С.Ф. Платонову (1915-1916 гг.). *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 123-148.

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.

Saint Peetersburg, Russia

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

“... but I cannot but express my ardent desire to see you in Tver ...

”: Letters to I.A. Ivanova S.F. Platonov (1915-1916)

Abstract: The Epistolary Heritage of Russian Local Lore Scientists of the Early Twentieth Century contains a lot of unknown facts and information to characterize the scientific life of the province and its everyday life. Therefore, the relevance of the publication is not in doubt. The specifics of the publication also determined a set of methods of historical research, among which we single out the following: historical-typological, historical-systemic, retrospective, chronology and analysis.

Activities I.A. Ivanov as chairman of the Tver Provincial Scientific Archival Commission is little known, as is his general social, professional, museological and archaeological work. An important part of the epistolary heritage of an outstanding local historian from 1915-1916 introduced into scientific circulation. allows you to fully trace the main directions of his searches in this period. They are connected, first of all, with the replenishment of the local museum with new exhibits, trips around the province for scientific purposes. Information about the emperor's arrival in Tver is of great importance, published materials allow us to reconstruct the program of his stay.

Letters addressed to S.F. Platonov - Honorary member of the commission, with whom he was in a long-standing friendship.

A vivid picture of the political life of the province during the First World War is recreated, memorable characteristics are given to the leadership of the province and the higher clergy.

Keywords: S.F. Platonov, I.A. Ivanov, Tver Provincial Scientific Archival Commission, tour, historical monuments, correspondence, archive.

For citation: Mitrofanov V.V. “... but I cannot but express my ardent desire to see you in Tver ...”: Letters to I.A. Ivanova S.F. Platonov (1915-1916). Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 123-148 (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение.

Важные сведения о жизни российской провинции – Тверской губернии, богатой своей древней историей, получаем из писем Ивана Александровича Иванова (1850-1927), краеведа, оказавшего огромное влияние на деятельность Тверской губернской ученой архивной комиссии, адресованных выдающемуся историку С.Ф. Платонову.

Открытая в числе первых четырех Тверская ГУАК по масштабности проведенных мероприятий, авторитету превзошла Тамбовскую, Рязанскую и Орловскую комиссии, созданные «в виде опыта» по высочайшему повелению [1, с.1]. К ее памятным датам вышли интересные сборники [2] и статьи [3, с. 107-110; 4, с. 15-20].

И.А. Иванов - выпускник Киевской духовной академии, почти 10 лет преподавал в ряде учебных заведениях, затем в 1884 г. перешел на службу в Тверское казначейство, где обратил на себя внимание А.К. Жизневского (1819-1896) – основателя Тверского музея, архивной комиссии, видного общественного деятеля губернии [5]. Находясь в преклонном возрасте, он готовил, в лице И.А. Иванова, себе преемника на государственной службе и в краеведческой работе. Еще при жизни своего наставника И.А. Иванов в 1894 г. возглавил Тверскую казенную палату, а вот на должность председателя Тверской ГУАК был избран только через 3 года после его смерти. Мало понятно, почему соратники по комиссии передали полномочия губернатору П.Д. Ахлестышеву, который усилиями И.Л. Горемыкина (министр внутренних дел 1895-1899 гг.) был отстранен от должности. И только 29 апреля 1899 г., уже переехав из Твери, отложил свои полномочия. На 70 заседании комиссии было зачитано письмо с его «отказом от председательствования». На этом же заседании было решено, «на место председателя избрать члена комиссии Ивана Александровича Иванова» [6, с.1-2]. А на следующем заседании 14 июня 1899 г. членам комиссии довели до сведения «Уведомление об утверждении председателя И.А. Иванова и правителя дел И.А. Виноградова» [7, с. 2]. В ответной речи вновь назначенный руководитель комиссии, выражая благодарность за свое избрание, сказал, что этот «выбор совпадает с предположениями и желаниями приснопамятного основателя Тверского Музея и Тверской Ученой Архивной Комиссии, Августа Казимировича Жизневского, устроившего с этой целью мое возвращение в Тверь...» [7, с.2].

Возглавляя комиссию два десятка лет, И.А. Иванов доказал, что оказался достойным преемником своего соратника и учителя.

Обзор литературы.

Заметим, что современные исследователи активно обращаются к истории Тверской ГУАК, ее активным деятелям [8, с. 323-328; 9, с. 9-20]. Но парадокс, специальных исследований, посвященных деятельности И.А. Иванова, кроме статьи И.Н. Поведской [2, с.61-73], нет. Поэтому публикация его переписки с С.Ф. Платоновым – с 1898 г. член комиссии, с 1903 г. почетный - представляется чрезвычайно важной для характеристики краеведческой, собирательской, музейной, археологической деятельности И.А. Иванова. Письма же позволяют конкретизировать многолетнюю просветительскую и организаторскую деятельность авторитетного ученого¹.

С краеведами г. Твери С.Ф. Платонов поддерживал многолетние творческие связи. Известно письмо А.К. Жизневского от 27 марта 1892 г., адресованное ему [12, д. 2913, л.1-2].

Материалы и методы.

Для раскрытия темы привлекаются как опубликованные, так и неопубликованные материалы. В приложении публикуются письма И. А. Иванова,

¹ Этим связям отведена вторая глава «Тверская губерния жаждет ваших речей»: С.Ф. Платонов и тверские краеведы в монографии [10, с.69-102]. Публичные лекции, прочитанные в рамках церковно-археологических курсов и ряд программ лекций, прочитанных перед тверскими любителями истории и учащимися старших классов гимназий переизданы. Опубликован отчет С.Ф. Платонова по вопросу Тверского музея [11, с. 62-76, 213-227, 321-378, 387-388].

адресованные С.Ф. Платонову. Учитывая специфику публикуемых материалов, мы применяли такие методы исторического исследования: историко-типологический, историко-системный, ретроспективный, хронологии, анализа.

Результаты исследования и обсуждение.

Личное же знакомство С.Ф. Платонова с краеведами Твери произошло во время его командировки в конце декабря 1897 г. Тогда как член Ученого комитета МНП он приехал в Тверь по вопросу о судьбе местного музея. В своем отчете о командировке в Тверь С.Ф. Платонов писал: «со стороны В.И. Колосова я встретил самое внимательное отношение и отменную любезность, равно и другие деятели архивной комиссии, а именно: председатель Тверской казенной палаты Иван Александрович Иванов и старший советник Тверского Губернского Правления Владимир Алексеевич Плетнев оказали мне прекрасный прием и дали ценные указания для ознакомления с делами музея» [10, с.310]. С этого времени и начинается переписка столичного ученого с тверскими краеведами.

Небольшая по объему взаимная переписка соратников И.А. Иванова по комиссии В.А. Плетнева [13, с. 177-185] и В.И. Колосова [14, с. 129-144] с С.Ф. Платоновым недавно опубликованы. Особой активностью отличалась переписка с ним председателя [12, д. 1785, 2983-2998], заметим, что не все письма сохранились. Их насчитывается вместе с телеграммами более 170 штук, вероятно, самый большой массив одного корреспондента из провинции в огромном архиве С.Ф. Платонова. Стоит только удивляться, что столь ценный источник мало востребован, так половина папок, как видно из листов использования, не выдавались вообще, а на другие не находим ссылок в исследованиях [10, с. 73-77; 80-84; 94-99].

Касаясь эпистолярного наследия, авторитетный омский профессор В.П. Корзун заметила, что оно «безусловно, важный элемент развивающегося самосознания исторической науки, теснейшим образом связанного с особым миром научных сообществ. Реконструкция этого мира с его жизненным каркасом, традициями и «правилами игры» представляется назревшей задачей современной историографии» [15, с. 179].

Предлагаются к публикации письма за 1915-1916 гг. Их насчитывается 13 и одна телеграмма, но поражает их объем 52 л., исписанных с обеих сторон. Особенностью писем являются пометы на листах с их нумерацией и сноски, выполняющие пояснительную функцию. Как свидетельствует лист использования, папка с письмами выдавалась только в 1982 г. Все известные письма С.Ф. Платонова в количестве 68 штук к И.А. Иванову, хранящиеся в Тверском архиве, опубликованы [16, с. 122,125, 133—135, 150—151, 176, 220], из них за 1915-1916 г. он писал 23 февраля, 18 мая, 9, 10, 18, 24 июня, 4 ноября, 15 и 26 ноября 1915 г. 21 января, 27 мая, 27 сентября 1916 г.

Из писем узнаем о ранее неизвестных страницах деятельности ТГУАК, т. к. протоколы заседаний за это время не публиковались. Например, о выступлении А.И. Соболевского на заседании, назначенном на 12 апреля 1915 г., кроме него среди докладчиков были Архиепископ Серафим и Епископ Арсений.

Информация писем позволяет реконструировать программу пребывания Государя в Твери. Подчеркнуто, что социальная опора самодержавия в лице дворянства снижается, а само оно разоряется. На смену ему с капиталами приходит быстро растущее купечество. Ярким свидетельством этого процесса являются несопоставимые суммы, собранные купцами и дворянами на войну. В это торжественное время произошла трагедия с георгиевскими кавалерами. По незнанию были допущены различные промахи, которые случались во время сопровожде-

ния царской фамилии. Уделено несколько предложений и поведению рабочих и их обманутым ожиданиям от встречи с императором.

Семья Ивановых в торжественном приеме принимала непосредственное участие. Сам И.А. Иванов удостоился монаршей милости в виде похвалы, его жена Мария Дмитриевна сопровождала августейшую особу в лазарет, а две дочери удостоились лицезреть Государя.

И.А. Иванов приводит немало интересных штрихов, характеризующих власть придерживающих - губернатора, предводителя дворянства, роль их жен. Названы недовольные губернатором. Для характеристики команды Бюнтинга показательны мероприятия празднования его юбилея. Заметим, что и С.Ф. Платонов был с ним в натянутых отношениях. Например, в письме от 27 мая 1916 г. он заметил: «... прелесть Твери много теряет в моем сердце от Б[юнтинга]. Могу быть у Вас только при условии его не видеть» [16, с. 222].

Немало строк уделено отношениям высшего духовенства губернии. Там, как и в любой корпорации, шла жесткая борьба, соперничество.

Оба корреспондента заядлые путешественники, поэтому письма летних месяцев 1915 г. касаются предполагавшейся экскурсии по ряду монастырей.

Однако, смерть великого князя Константина Константиновича – Почетного попечителя ЖПИ, многолетнего патрона С.Ф. Платонова (1903-1916 – директор) – нарушила эти планы. Он писал И.А. Иванову 9 июня: «чувствую себя сиротой, потеряв... не только привычного начальника, но и близкого человека, в любви которого не сомневался и которого сам любил и чрезвычайно ценил» [16, с. 210]. Это обстоятельство ускорило вскоре и отставку С.Ф. Платонова с поста директора [17, с. 212-214]. Намерение С.Ф. Платонова оставить институт подвигло и И.А. Иванова задуматься об аналогичном шаге, к тому же ему шёл уже 66 год. Он с 1894 г. уже был действительным статским советником (по Табели о рангах имел право на потомственное дворянство, соответствовал чину генерал-майору и титуловался «Ваше превосходительство»), был управляющим Тверскою казенной палатой. Но семейный совет не поддержал этого шага - заботили материальные трудности и неустроенность младших детей.

Кстати, о его государственной службе имеются только лаконичные сведения, публикуемые же письма позволяют её конкретизировать и проиллюстрировать неизвестными фактами. Прежде всего интересны происки губернатора, искавшего удобный способ избавиться от неудобного чиновника, который ему напрямую не подчинялся. К тому же позиции его были прочные, например, в 1908 г. И.А. Иванов сопровождал во время поездки по губернии греческую Королеву Ольгу Константиновну, путешествовавшую с братом - великим князем Константином Константиновичем. Всем было известно о его дружеских отношениях и со столь авторитетным С.Ф. Платоновым.

Уточняется и общественная деятельность И.А. Иванова - упомянуты организации, в которых он принимал участие или руководил ими. Например, 14 сентября 1914 г. он открыл тверской отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям [18], основанное еще в 1881 г. Кроме этого являлся Председателем родительского комитета в Тверской гимназии, Почетным членом Славянского благотворительного общества, участвовал в работе Красного Креста.

Письма содержат важные сведения о жене И.А. Иванова - Марии Дмитриевне, их детях, сведения о которых скудны.

В январе 1916 г. С.Ф. Платонова приглашали в Тверь прочитать лекции по случаю утрат прошлого года. Чтобы «заохотить» его, И.А. Иванов предлагал за-

манчивые поездки в Оршин монастырь и в Кушалино. Примечательно, что С.Ф. Платонов в шуточном стихотворении-подражании аргументированно отказался от поездки. Ответ опубликован [16, с.220], а черновой вариант, где имеются зачеркивания, другие фразы, попал в папку с письмами И.А. Иванова. Соблазнительное предложение о поездках по историческим местам было сделано С.Ф. Платонову и в мае месяце, когда он возвращался из Нижнего Новгорода, где был среди почетных гостей на торжествах, посвященных 300-летию со дня смерти Национального героя К. Минина. Но этим планам не суждено было сбыться, и традиция чтения лекций замечательным лектором перед тверской публикой не была продолжена.

И.А. Иванов - активный участник областных Археологических съездов. С.Ф. Платонов был не только среди тех, кто поддержал идею их проведения, но оказал самое живое участие в их организации [19, с.164-193]. Такие съезды проходили в Ярославле (1901 г.), Твери (1903 г.), Владимире (1906 г.), Костроме (1909 г.). Они вызвали широкий отклик научной общественности столиц и провинциальных историков, археологов, архивистов. Поэтому не случайно И.А. Иванов вновь поднимает вопрос о созыве очередного. При этом высказывает мысль о придаче ему музееведческой направленности. Неслучайно предложение адресовано С.Ф. Платонову. К сожалению, оно не было реализовано.

Заключение.

Согласимся с мнением Л.М. Сориной, заметившей, что «духовный статус (да и материальное положение) ТУАК почти два десятилетия XX века поддерживался личными дружескими отношениями И.А. Иванова и С.Ф. Платонова» [20, с. 3].

Следовательно, публикация важнейшего эпистолярного источника будет важной к прошедшей (2019 г.) юбилейной дате - 135-летия Тверской ГУАК и предстоящих памятных дат - 160-летия со дня рождения С.Ф. Платонова и 170-летия со дня рождения И.А. Иванова.

Сокращения в публикации раскрыты в квадратных скобках. Нумерация писем двойная: первая № в текущей папке, вторая их общее количество. Зачеркивания сделаны как в тексте.

Приложение.

Письма И.А. Иванова С.Ф. Платонову (1915-1916 гг.)

№1 (103)

// л.1. 6 апреля 1915 г. Тверь, Семеновская.

Дорогой Сергей Федорович.

Усерднейше Вас прошу исполнить просьбу глубокочтимой нашей семьи. С. Павл. Бильдерлинг, мать которой и сама она в течение десятков лет оказывали нам внимание, доброе расположение, нравственную и материальную поддержку во все трудные минуты // л. 1 об. нашей жизни, которых было немало.

Важной новостью для комиссии, да и для всей Твери является предстоящее 12 апреля заседание. Ал. Ив. Соболевский¹, благодарный мне за собранные, по его приглашению, 11555 р. на сербов и черногорцев, предложил сделать в нашей

¹ Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) – филолог-славист, ординарный акад. (1900) АН.

уч[еной] арх[ивной] комис[сии] 12-го апр[еля] доклад о Царьграде // л. 2 Без особенного труда я нашел ему «в версту товарищей» в лице «начальников наших (Тверских) молитв» - Архиеп[ископа] Серафима и Еп[ископа] Арсения. Первый предварит Академика словом о религиозно-патриотических переживаниях русского народа в настоящую войну (тема подсказанная), а второй ему последует своим сообщением о само // л. 2 об. определении австр[ийских] галичан, по личным его, Еп[ископа] Арсения, наблюдениям.

Опасаясь, что импровизированное трио может и не слиться в «согласную органскую песнь», заполняю получасовой антракт пением архиепископского хора. В целях достижения вящего успеха присовокупляю подкрепление немощей телесных, за что берутся мои дочери – старшая и молодшая¹ ...

И всего этого недостаточно, чтобы Вас соблазнить... Знаю и умолкаю.
Весь Ваш Ив. Иванов.

№ 2 (104)

// л. 3 7 мая 1915 г. Тверь, Семеновская.

P.S. Что же наше путешествие в Феррапонтов – состоится ли? Жду маршрут. В Весьег[онск] я еще не ездил.

Сергей Федорович, что ж, я не прочь прослыть «гонителем и мучителем рода христианского», только бы получать Ваши послания на выразительном языке наших умных предков.

Одно меня смущает, моя несостоятельность для достойного ответа на такие письма. Но так как Вы не брезгаете моею искреннею // л. 3 об. беседой, то я и расскажу Вам о великом для Твери событии – долго ожидавшегося приезда Государя. Всколыхнулась вся Тв[ерская] губ[ерния]. Обшарили все еще уцелевшие дворянские усадьбы, не исключая и в конец оскудевшие, все присутствия и канцелярии, как местные, так и иногородние, не пренебрегли даже недавними бурашевскими сидельцами, чтобы явить Государю «силен наш» Тв[ерской] дворянин (в прошлом авг[усте] на вокзале Государь // л. 4 заметил, что «дворян мало»². И Губ[ернский] Предв[одитель]³ и его деятельная супруга денно и ночно пеклись об устройении торжественного и чудного приема. Но в некоторых отношениях наш воинствующий (по старой памяти) князь церкви православной превзошел рвением Предводителя первенствующего сословия: когда бедное Тв[ерское] дворянство поднесло Государю на нужды войны всего лишь 5000 р., Архиепископ от еще более бедного сословия представил // л. 4 об. 25 000 р. К этому было еще и дополнение: мальчик в соборе после бойко сказанной речи ~~пөднее~~ якобы от учеников церковных школ поднес 150 р. в распоряжение наследника⁴. Но и первое и второе сословие были поберж-

¹ Паша и Маша. Здесь и далее многоточия автора писем.

² Тогда Его Величеству б[ыло] почтительно доложено, что дворяне заняты на местах важными делами. Было ли при этом употреблено слово «более», этого я не помню – примеч. И.А. Иванова.

³ Менделеев Павел Павлович (1863–1951) – русский общественный и государственный деятель, член Государственного совета. Избирался Тверским губернским предводителем дворянства (1914–1917).

⁴ Отсюда б[ыть] м[ожет] возник распространившейся в Твери слух, что к Архиепископу придет Наследник – прим. И.А. Иванова.

дены представителем третьего сословия. *Ив. Абр. Морозов*¹ по сему всенародному случаю на военные потребности 100 000 р. Наш собственный немец и его «подружие», прочно засевшие в Тв[ери] и м[ежду] п[рочим] дворце, ничего не поднесли, если не // л. 5 Помета: «2-й л.» считать солдатских рубах, подшитанников и полотенец, принесенных доброхотными дателями и задержанных ради царского лицемерия во дворце, но они по благовремени «сносились» с кем следует и совершили удачные фланговые движения в восточном направлении, почему и удостоились сугубой чести. В облетевшем мир известии придворного летописца, немецкого графа, о тверском «походе» имя супруги нашего «главноначальствующего» // л. 5 об. помянуто дважды, а Марфоподобной предводительши ни единожды, хотя она подносила складень с ликами Тв[ерских] угодников (в число коих, по женскому легкомыслию попал никому неизвестный Нектарий² на место всем известного Столобенского Нила³), приукрашенную книгу своих деяний (в Тв[ерском] отделе Импер[аторского] общ[ества] повсем[естной] пом[ощи] пострадавшим на войне⁴, открытом мною 14 сентября 1914 г.) и усердно угощала Государя пасхальными яствами в двор[цовом] доме. Сам же Б[юнтинг] удостоился высочайшей благодарности «в исклю // л. 6 чительно милостивых выражениях (по оценке его завистников). Сии победы и одоления дружное супружество возвестило немедленно сродникам и друзьям, а 25-го (в день взятия Любавы) во дворце б[ыл] отслужен благодарственный молебен, однако, сему празднеству наступило скорое «отдание». На ошастливленных ополчились обиженные. Архиепископ, которому в знаменательный день 21 апр[еля] страшно не везло, удалось получить аудиенцию в вагоне перед // л. 6 об. самым отходом царского⁵ поезда, чем он и воспользовался для принесения жалобы на Б[юнтинга]. Но еще раньше архиерея тоже самое сделал «неукротимый» Гурко⁶, приглашенный на царскую трапезу. “Менделеевы тотчас же”⁷ отправились в Петроград и Москву, и еще в Тверь не возвращались. Фабричные рабочие, искусно обманутые в своих ожиданиях видеть Государя, угрожают Б[юнтингу] смертным боем, Вам, вероятно, скорее можно бы было узнать от кн. Багратион-Мухранского⁸, приехавшего в Тверь для расследования, выйдет ли Б[юнтинг] сухим // л. 7 Помета: «3-й л.» из волжской воды, в которой потонули семь отборных солдат, георгиевских кавалеров, наряженных в почетный караул.

¹ Морозов Иван Абрамович (1871–1921) – промышленник, один из совладельцев крупной тверской текстильной мануфактуры, коллекционер, меценат.

² Нектарий (?–1492) – преподобный принял постриг в Троице-Сергиевой лавре, а затем удалился на Бежецкий холм под Тверью.

³ Нил Столобенский (конец XV века – 1555) – святой, основатель Нило-Столобенской пустыни.

⁴ Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, было основано в 1881 г.

⁵ Слово написано сверху строки.

⁶ Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1862–1927) – русский государственный деятель, публицист, В 1909 году избран гласным Тверского губернского земского собрания. В декабре баллотировался на должность губернского предводителя дворянства в Тверской губернии, но не прошёл. Был Тверским уездным предводителем дворянства (1914–1917).

⁷ Текст написан сверху строки Три слова вписаны сверху строки.

⁸ Грузинская аристократическая фамилия, боковая ветвь царской династии Багратионов.

Такая переменная фортуна вогнала в болезнь обоих Б[юнтингов], и “в таком состоянии”¹ они скромно удалились в Псковское монрепо², под охрану близкого, родственного человека М³.

Тройственное согласие (Сераф[им], Менд[елеев], Гурко) действует пока дружно, горечь обиды еще ими живо чувствуется. Но нельзя забывать и того, что у немецкого засилья есть и русское подкрепление...

Если Тв[ерская] «гинь»⁴ Вас интересуется и Вы желаете знать подробности, то скажите Ал[ександ]ру, чтобы он принес Вам мое письмо, на отсылку которого я издержал полтину серебра.

По милости Божией, явленный по родительским молитвам, мы оказались вне досягаемости бурь и волнений, залив // л. 8 ших наши невысокие тверские верхи. И без рукопожатия придворного графа я почувствовал благоволение ко мне Государя, который, как передали мне верные люди, велел отметить мою верность и крепость Твери. ~~Однако~~ При этом я помню совет Заточника⁵ – не полагаться на «рядовичей». М[ария] Д[митриевна] как «старшая сестра» сопровождала Государя в лазарет и удостоилась царской благодарности, обе дочери хорошо видели Госу // л. 8 об. даря – одна⁶ в музее в составе уч[еной] арх[ивной] ком[иссии], другая - в дворцовой церкви, где б[ыли] собраны дети запасных, пропитываемые в открытой нами столовой.

В заключение приведу слова «старой бабы», которая Вас чуть не умурила. Вот что она мне пишет: «От души благодарю Вас за Ваше письмо к С. Ф. Пл[атонову]. Он меня прекрасно принял, выслушал и обещал полное содействие...»

Надежде Николаевне шлем сердечный привет и всему Вашему дому.
Глубоко Вас уважающий и преданный Ив. Иванов.

№3 (105)

// Л. 9 Телеграмма подана 26-е.

Передайте Сергей Федоровичу. Сегодня еду Смоленским.

Рыбинск, Иванов.

№4 (106)

// л. 10 8 мая 1915 г. Тверь, Семеновская.

Дорогой Сергей Федорович

Не полюбились Вам «баба старая», мастеровитая и разумная. Но, б[ыть] м[ожет], Вы будете благосклоннее к жалкой своей неумелостью и беспомощно-

¹ Текст написан сверху строки.

² Скальный пейзажный парк на берегу бухты.

³ Мать Н.Г. Бюнтинг урожденная баронесса Мария Николаевна фон Медем (1836–1907). Эта ветвь внесена в дворянскую родословную книгу Псковской губернии; семье принадлежало имение Халахальня близ Изборска в (950 дес.).

⁴ Мера веса в Китае, равная 1,477 русского фунта.

⁵ Даниил Заточник – древнерусский писатель, просветитель, которому, как считается, принадлежит два произведения, известные под названиями «Моление Даниила Заточника» и «Слово Даниила Заточника».

⁶ Старшая дочь И.А. Иванова – Паша состояла в составе ТГУАК.

стью девице неопределенного возраста и не откажите ей в представительстве за ее злополучного племянника, // л. 10 об. маленького негодяя Медведева, которого Тв[ерская] гимназия (в ней же я обретаюсь Председ[ателем] Родит[ельского] ком[итета]) не пожелала держать в своих стенах, несмотря на его выдающиеся способности. Тогда мы решились приютить его в одном из наших сиропитательных заведений¹, а теперь он нахо // л. 11 дится на каникулах в деревне у простых людей, не отказывающих ему в одобрителном отзыве. Целью печалующихся за сию «гороховую овцу» является ~~опреде~~ помещение её в Гатчинский двор[янский] сиротский институт².хлопоты об этом начала Тв[ерская] гимн[азия]. Поддержите, если возможно, ее хлопоты.

Всею душою Вам преданный и признательный. Ив. Иванов.

// л. 11 об. Пометы С.Ф. Платонова пером. «Мар. Ал. Медведева. Тверь. 8 – 9. Кириллов. 10 Фер[епонтов]. 11 Нилова. 12-»³.

№5 (107)

// л. 12 15 мая 1915 г. Тверь.

Дорогой Сергей Федорович,

Благодарю Вас за подробный маршрут к нашему летнему отдохновению. В указанный Вами срок надеюсь им воспользоваться. У меня есть возможность и удобство предварить о нашем «походе» в Ферапонтов архиеп[ископа] Новгородского, и я, вероятно, удосужусь это сделать.

Ополчившиеся на «Германа яматы» как // л.12 об. будто «не в авантаже⁴ обретаются». Архиеп[ископ] удручен, на него продолжают валиться шишки, больно ранящие его чрезмерное самолюбие. В самом деле, ему трудно стерпеть наградные возвышения его соперников, хотя бы, напр[имер], вышеназванного Новгор[одского], тогда как он вынужден носить по крайней мере год ту самую голштинскую звезду, которая ныне дана его викарию, Старицкому от Арсения, вдвое // л. 13. младшему своего «Владыки». Если Карлович желал уколоть своего соперника⁵, то более чувствительного места он найти не мог.

Но довольно об архиереях, «их же водети Вы ни нониже восхотели». Дозвольте сказать несколько слов о том, коего Вы, м[ожет] б[ыть], напрасно называете «велиарам⁶ малым», т. к. я никогда не замечал у него намерения Вас «по-

¹ Учреждения для призрения сирых и убогих детей.

² Сиротский институт – учебное заведение в Гатчине, основанное в 1803 г. по инициативе императрицы Марии Фёдоровны.

³ Речь идет о намечаемом маршруте экскурсии.

⁴ Не в хороших условиях, не в выгодном свете, не в почете.

⁵ Сераф[им], кстати и некстати (напр[имер], при Б[юнтинга]х рассказывает, как он в 1908 г. вместе с друг[ими] 11-ю архиеп[ископами] подготовлял «революцию в Синоде» и как сей герм[анский] // л. 13 об. выходец (Саблер) уничтожил их покушение, совершив удачный рейс на миноносце в шхеры – примеч. А.И. Иванова. .

⁶ Велиал (Велиар) библейское название темной космической силы, олицетворяющей всякое нечестие и беззаконие. Самое слово по-еврейски означает «виновник, или князь, всякого зла и нечестия». В русском переводе термином «нечестивые люди».

глотить». Недавний «совет тверской» // л. 13 об. никакую хитростью замышлен не был, а явился результатом моего участия в сборе на сербов и черногорцев. По приглашению Ал[ексея] Ив[ановича]¹, как оф[ициального] Председ[ателя] слав[янского] благ[отворительного] общ[ества], мне удалось собрать 11 560 р.. Общество паче меры оценило мою заслугу: избрало меня поч[етным] чл[еном], прислало свои издания, наградило моих сотрудников книгами, картами, включением в состав общ[ества] и пр. В довершение всего Ал[ексей] Ив[анович] сам вы // л. 14 Помета: «2-й л.» звался сделать доклад в нашей ком[иссии] политического характера. Мне оставалось лишь создать подходящую для него обстановку, причем я остановился на архиереях, как наиболее почетных в городе лицах, изъявивших полную готовность быть партнерами Ал[ексея] Ив[ановича].

В заключение доскажу то немногое, что мне известно о двух других интересующих Вас «алиатах²». Стратегический охват Б[юнтинга] с востока и запада // л.14 об. если и удался, то только наполовину. Есть достоверное известие (мне называли Гур[ко], и Нар.³), что Б[юнтинги] берут в поезд Сов., к чему он всегда⁴ и стремился. Горячий Г[урко] скоро «выдохся» и уже удалился на лоно природы, в свое пригородное Сахарово. На днях этому примеру последует и М.⁵ с суругой.

Хотя я и не участвовал в бурном послесловии к адресу летописи о царском посещении, но склонен думать, что и мои чисто служебные отношения к // л. 15 Д[епартаменту] Г. К. могли оказать некое влияние на быстрый и неожиданный уход Б[юнтинга]. Но об этом побеседуем не хоратейно.

Возбуждение средних и особенно нижних кругов также, кажется, может считаться ликвидированным. 11-го была в городе манифестация по случаю вступления Италии⁶. Она имела ту особенность, что толпа дошла до нашего дома (хотя губернией управ // л. 15 об. ляет вице-губ[ернатор] Гершельман⁷). Вызывали меня, но вышла М[ария] Д[митриевна], объяснившая, что меня нет и дерзнувшая что-то вещать о важности момента. Конечно, ее поощрили кликами ура и пением гимна и стали расходиться.

Раздавались крики: «долой немцев, бей их»... Но полиция б[ыла] начеку] и к Дворцу идти не посоветовала, что и там де никого не было (хозяева и посейчас гостят в Пскове). Толпа мирно разошлась.

Надежде Николаевне и всем чадам Вашим низкий поклон

Вся наша семья сердечно приветствует.

¹ Академик Соболевский.

² Алиот – эpsilon Большой Медведицы – самая яркая звезда в созвездии Большой Медведицы

³ Установить лицо не удалось.

⁴ Слово написано сверху строки.

⁵ Возможно, речь идет о Менделеевских.

⁶ Слово написано сверху строки.

⁷ Гершельман Дмитрий Фёдорович (1881–1918) – тверской вице-губернатор, статский советник.

Преданный Ив. Иванов.

№6 (108)

// л. 16 3 июня 1915 г. Череповец, пароход Царь-Освободитель»¹.

Дорогой Сергей Федорович.

*Доношу Вашему незабвенному гостеприимству, что «Востока» ждал недолго, менее десяти раз прошелся по берегу и небольшой вел разговор с Вашим Борисоглебским церковнослужителем *ju a sponte*², внесшим мой мешок на паро // л. 16 об. ход. Здесь тотчас же завалился спать, *aeduo animo*³, перенося утеснение от короткой каюты, причем излишняя ширина ее (2-х местная) никакой отрады не доставляла.*

Справедливость Вашего филологического толкования слова «пошехонье», сказала на мне тем, что я с // л. 17 полчаса плутал по берегу, направляясь к стоявшему на «Вятке» крестьянскому «Царю-Освободителю» и все-таки онаго, по примеру Пошехонцев, не достигнув. Эту неудачу я возместил приятною беседою с умным мужиком Богомазовым. Переход к адвокату был бы резок и от Богомазова, я вернулся на пароход.

// л. 17 об. Вся корреспонденцию в количестве 13 конвертов (считая и открытое письмо многообещающей юной девицы) от Богомазова отправил на почту, а полученные две квитанции Н. Ив. Спасокуцкому⁴ (орфография панегириков Н.Д. Чеч[улина]).

Сердечно приветствую Вас по случаю наступившего и наступающего большого сешебного⁵ праздника.

*Глубоко Вас уважающий и всею душою преданный и признательный
Ив. Иванов.*

№ 7 (109)

4 июня 1915 г. Парох[од] «Римский Корсаков» между Волгой и Мологой.

Дорогой Сергей Федорович.

Полагаю и даже уверен, что кончина Вел[икого] Князя⁶ делает неудобною и даже невозможною поездку на Белоозеро и в Феропонтов, т.к. Вам надо поспешать на панихиды доброго начальника и верного друга. Кто имел случай приблизиться к нему и вступить в общение, тот никогда не забудет такого великого счастья. В тяжелую годину всенародной страды сошел в могилу популярнейший не в России только, но в целом свете человек, о // л. 18 об. котором двух мнений не будет, а

¹ Был построен в 1914 г. в России. Судовладелец завод Изилова и Гришанова, г. Нижний Новгород Н.В. Огородников, в 1915 г. Д. Т. Стулов переименован в Освободитель (1917 г.); потом в А.В. Луначарский (1918 г.)

² Свободно – с лат.

³ Самые маленькие умы – с лат.

⁴ Спасокукотский Николай Иванович (1869–1935) – присяжный поверенный в Череповце, адвокат.

⁵ Название происходит от карельского sees – чистый, светлый.

⁶ 2 июня 1915 г. умер Константин Константинович - Почетный попечитель Женского педагогического института.

лишь возникает для нас один тревожный и скорбный вопрос, много ли осталось у нас на верхах людей, на которых Россия могла бы взирать с ровным доверием и любовью...

Но, повинувшись обстоятельствам, «создавшейся обстановке», я не желал бы отказаться от намеченной Вами для настоящего лета поездки. В июле и августе я готов предпринять ее в какие угодно Вам числа.

Наш воин Николай приехал к нам невзначай и не застал М[арию] Д[митриевну], // л. 19 которая взялась отдать семье отбитого ею у смерти раненого солдата. А Николая потянуло из дома на большую Волгу, и он, не дождавшись матери (приехавший через три часа после его отъезда), укатил в Саратов (по слухам там у него зазноба). На обратном пути в армию он обещал подарить нам 4-5 дней. Николай совершенно здоров, бодр, уверен в победе, спокойно и толково готовится к зимней кампании, как и вся его часть. Служит он, очевидно, хорошо, получил два ордена и представлен еще // л. 19 об. к трем. Не так счастлив и не так настроен его старший брат Петр. Объяснение Коли, что Петр служит во второочередной части едва ли достаточно...

Будьте здоровы и благополучны. Сердечный привет Надежде Николаевне и всем вкушающим с Вами воспетую шекснинскую стерлядь.

Всею душою Вам преданный Ив. Иванов.

Р.С. Б[юнтин]ги уезжают в Кисловодск для отдохновения от понесенных трудов. В губернии усиленно говорят о переводе Серафима с понижением (называют Архангельского). Так попущением Божиим граф ... успевае...¹ Гогенцоллернов. Idem.

// л. 20 Если надумаете отвечать, адресуйте в Рыбинск, на пристань Коммерческо-крестьянского парохода. В Рыбинске предполагаю быть 7-го или 8-го сего июня.

Иванов.

№8 (110)

// 23. Телеграмма. 18. 6. 1915 г. Череповец Николаю Николаевичу Спасокукотскому (для Сергея Федоровича Платонова). Из Твери.

Оба сына приехали. Прошу отложить до пятого июля.

Иванов.

Помета С.Ф. Платонова: «От[ет] Ив. А. Иванова²».

№9 (111)

// л. 24 Телеграмма: 26 06.1915. Череповец Николаю Николаевичу Спасокукотскому.

Передайте Сергею Федоровичу, сегодня ему самолетским.

Рыбинск. Иванов

¹ На месте многоточия по 2 слова написано не разборчиво

² Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 212.

№10 (112)

// л. 21 15 июля 1915 г. Тверь, ц[ерковь] Белая Троица (на именинах у Вл. Вас. Ливатова).

Дорогой Сергей Федорович.

Усердно Вас прошу о возможном снисхождении к двум дочерям нашего сочлена по архивной Тв[ерской] коми[иссии] о. смотрителя старицкого духовного училища Вас. Ильича Некрасова¹ (недавно он б[ыл] священником у Белой Троицы), ищущим совместного // л. 21 об. в одном высшем учебном заведении обучения. Сестры Некрасовы окончили курс с отличием в женской гимназии Римской-Корсаковой² в Твери.

Свое путешествие я окончил только 13-го июля. Последний мой этап был Осташков. Здесь я видел кн. Владимира Ив. Шаховского³, воссылавшего Вам, по обычаю, великое // л. 22 славословие. В волостных правлениях я натыкался на успешную деятельность его сына⁴, дельного, деятельного Земского Начальника. Завернул я и к М.Н. Савиновой, где была также пространная беседа о Вас и Ваших. Пенсионерка же М.Н., г[оспо]жа Замысловская весьма // л. 22 об. прислушивались к моему разговору о моей битве с Б[юнтингом] из-за германского торгового дома Фриц-Фюрле⁵. Здесь, в Твери, я не увидел никаких признаков близкого исхода Бюнтингов. С. М. Бюнтинг телеграммой и письмом вызывает меня на переписку по Кр[асному] Кресту. Но что-то мне говорит, что Тверь скоро должна лишиться сих именитых людей.

Надежде Николаевне и всей Вашей семье кланяюсь низко.

Ваш Ив. Иванов.

№11 (113)

// л. 25 24 ноября 1915 г. Тверь, КМ.⁶

Дорогой Сергей Федорович.

Зинаида Никол[аевна] Шамонина⁷ избрала меня посредником между нею и преподавателем ее гимназии Ал. Н. Александровым.

¹ Василий (в миру Некрасов Василий Ильич; 1868–после 1936), обновленческий митрополит. Из семьи мещан. Рукоположен в священники и служил в Твери, преподавал Закон Божий в местной мужской гимназии. В 1913–1918 смотритель духовного училища в г. Старица. В 1918г. вернулся в Тверь.

² Римская-Корсакова Анна Александровна (1862 – 1936) – начальница гимназии.

³ Шаховской Владимир Иванович (1857–1923) – князь, до революции член уездной земской управы в Осташкове. В 1906 г. – вышел в отставку, управлял имением Покровское у деревни Свапуще Осташковского уезда, принадлежавшем брату Якову Ивановичу Шаховскому. В 1923 – арестован и расстрелян.

⁴ Шаховской Николай Владимирович (1884 –?) – князь, до революции – служил в уездном земстве. С 1918 г. – работал в паромстве по заготовке дров и обрабатывал выделенный им участок земли в деревне Свапуще. В 1925 г. – выслан с матерью на 5 лет как бывший князь и помещик. В начале 1930-х – вернулся в Осташков (под другой фамилией).

⁵ Торговый дом Фриц Фюрле утвержден 27 января 1904 г., германским подданным

⁶ Не расшифровано.

⁷ Шамонина Зинаида Николаевна (1864 – с 1940 – по1944) – свояченица С.Ф. Платонова, владелица основанной в 1902 г. в Москве частной мужской классической гимназии с правами казенной (Сивцев Вражек, 41).

Мне не трудно исполнить ее поручение - передать г. Александрову, что З[инаида] Н[иколаевна] возвратит // л. 25 об. взятый ею в управление капитал лишь после того, как суд признает составленный на этот предмет документ (домашнее условие) недействительным. Но я лично не сочувствую такому решению, хотя и разделяю опасения З[инаиды] Н[иколаевны]. Нет никакой возмож // л. 26 ности предотвратить последствия возвращения ему крупного капитала (41 000 р.) И фактически, и умственно он совершенно здоров, может поэтому вполне располагать своим состоянием, как и своею судьбою. Со своей воспитанницей (корыстных видов которой и опасается З[инаида] Н[иколаевна]) он находится в такой // л. 26 об. физич[еской] близости, что брак, казалось бы, лишь оформит их теперешние отношения.

Поэтому не посоветуете ли Вы З[инаиде] Н[иколаев]не отказаться от ее намерения – довести дело до суда или, б[ыть] м[ожет], Вы найдете более удобным, чтобы я от себя высказал ей свои сомнения. Буду ждать Ваших указаний.

На этих днях надеюсь написать о Б[юнтинге] и его конфликте с Губ[ернским] Пред[водителем] Менделевым.

Всею душою Вам преданный. Ив. Иванов.

№ 12 (114)

// л. 27. Внизу страницы карандашная помета С.Ф. Платонова: «Иванов». 19 января 1916 г. Тверь, Семеновская.

Сердечный привет Надежде Николаевне и всем Вашим.

Дорогой Сергей Федорович.

*Надумали мы, следуя примеру предков, «to be majorit»¹, почтить наших «новопредставленных» сочленов церковною молитвою, заседанием и поминальною трапезою, поставив во главе Великого Князя К[онстантина] К[онстантиновича] // л. 27 об. и его юн[го]–сына², юного витязя, достойно носившего героическое имя. Порядок поминовения изложен в особом приглашении, отправленном Вам моим тезкою³. Не смею усиливаться в своей просьбе - пожаловать к нам на это собрание, но не могу не выразить горячего желания ви // л. 28 деть Вас в Твери 24 января. Ваше живое, вдохновенное слово скрасило бы наше экстраординарное заседание, к которому иначе нам боязно приступить, пользуясь лишь местными силами, «*pinqui A crassa Minerva*»⁴. Без упоминания о Б[юнтинге] нельзя написать Вам даже же и краткого письма. // л. 28 об. Распалившись гневом на своих «обиходных людшек», начавших перебежать через дорогу (в гимназический флигель) к новоявленному милостивцу - дворянскому Предводителю, нечаянно избранному в верхнюю палату⁵, гонимый злым духом ярости, «сокрытым и гнездящимся в сердце», // л. 29 Помета: «2-й л.» его, наш жестокий властелин отъехал на месяц в Кисловодск «совершенно административно», по выражению моего нового сочлена, по Присутствию о больничных кассах для фабр[ичных] рабочих. Это требует пояснения. Объяснив нам, что члены правления их кассы «по выборам» не могли столкнуться с*

¹ По обычаю предков – с лат.

² Олег Константинович (1892–1914), великий князь, корнет лейб-гвардии Гусарского полка, погибшего на фронте.

³ Виноградов Иван Александрович – правитель дел комиссии.

⁴ Неумелой рукой – с лат.

⁵ Государственный Совет.

членами «по назна // л. 29 об. чению» (от хозяев) сей народный трибун заканчивал свою пространную речь такою эффектной фразой: «тогда они («члены по выборам») покинули заседание правления «совершенно административно».

Так именно сделал и наш губ[ернатор], получив «административно» третий или четвертый отпуск за время // л. 30 войны, тогда как нам «административно» в этом отказано. Вот уже третий год я не имею отпусков, если не считать двух прекрасных недель, проведенных в мае 1914 г. под Вашим гостеприимным кровом. А устал я очень.

Зин[аиде] Ник[олаев]не я отва // л. 20 об. жился написать приблизительно то же, что и Вам, и она замолчала. Но это, конечно, не означает еще того, что она со мною согласилась.

Всею душою Вам преданный Ив. Иванов.

P.S. Не зная, чем Вас захотит к экстренной поездке в Тверь, сошлюсь на прекрасный санный путь и мягкую погоду (что-то около нуля). В один день мы могли бы съездить в древний Оршин м[онасты]рь¹ (18 в[ерст] от города), или в не менее древнюю вотчину царя и последнего Тв[ерского] вел[ико]го кн[язя] Симеона Бекбулатовича в с. Кушалино (33 в. от Твери).

// л. 31 Текст написан рукой С.Ф. Платонова.

Вскую сю неделю во Тверь мя зовете,
В сей бо день здесе пребуду во совете,
Бо если занят во Факультете:
Диспут ученый ми предстоит,
Хотя и Тверь мя изрядно манит.
~~Одначе въздѣжнув~~ Но воздержуся отсеев слезы с ланит:
Будет ещё время - до Твери доеду

// л. 31 об.

На душевную с Вами беседу
~~Во ин чае~~
Во иную прекрасну годину,
А тож де Вам моему господину
Много челом бью².

№13 (115)

// л. 32. 2 мая 1916 г. Тверь, Семеновская.

Глубокоуважаемой Надежде Николаевне и Вашим детям низкий поклон и сердечный привет от всей нашей семьи.

Дорогой Сергей Федорович.

Мне трудно, даже невозможно рассказать Вам, как прошли нынче «великие» дни страстной и великой недели, когда так легко и удобно пишутся большие дру-

¹ Оршин Вознесенский монастырь – основан не позже I-й пол. XVI в. женский (бывший мужской) православный монастырь Тверской епархии при впадении реки Орши в Волгу, в 18 км от Твери.

² Чистовой вариант опубликован, датируется 21 января, как отдельное письмо (Академик С. 220).

жеские письма. Этих дней радостного покоя и отдыха, долгих устных и письменных бесед у нас, в Твери, как будто и не было. Приказная работа шла без перерыва, огромная // л. 32 об. почта, телеграммы исключительно деловые и озабочивающие (ассигновывались миллионы, какая подумаешь богатая «страна»), срочная («по военным обстоятельствам») переписка. И на этом должностном¹ фоне большая, но, увы, мимолетная семейная радость: неожиданно приехали оба сына с фронта. На свидание с ними поспешили наши «большаки» - Михаил из Кувшинова и Ал[ексан]др из Петрограда, а с ним и наш юнейший Машенькин Вениамин, Феодор, распо // л. 33 ложившийся провести каникулы в царствующем граде.

Мы были в самодавляющем состоянии. Но Тв[ерские] события были столь значительны, что и мы оказались к ним прикосновенны. Конец «светлой седмицы» сблизил хронологически два юбилейных торжества – фон-Бюнтингского² в пятницу и Романовского в воскресенье. Первое, по выражению Кречинского³, «сорвалось» (если столь решительный термин может быть допущен в наше ненадежное, колеблющееся время). Утром же, хоть и свер // л. 33 об. шилось, но не совсем благополучно. Смутны, нерадостны сидели за роскошными трапезами (в Знамен[ском] м[онасты]ре с 2-х ч. до 4-х ч. и в доме Губ[ернского] Предвод[ителя] с 8 ½ до 10 ч. одного и того же воскресенья – 17 апр[еля] те, в честь коих они состоялись. А иным гостям не довелось досидеть и до «полпира». Вижу, что все это Вам недостаточно понятно. Поэтому обращаюсь к спасительной летописной хронологии. «Праздник народного просвещения» (так окрестил губернаторский скоропостижный юбилей бойкий фельетонист Биршев, аед.) 15-го не мог состояться в силу категорич[еского] запрещения. Но «обиходные // л. 34 Помета: «2-й л.» люди» основательно рассудили, что сие запрещение не может простираться на 16-е, когда они, явившись во «дворец» «главноначальствующего», поднесли ему 4500 р. на стипендии и роскошный серебряный бювар⁴ (работы маст[ера] Строг[ановского] уч[илища]⁵), а его «подружью» поднесли⁶ цветы и конфеты. Трогательное излияние переполнивших благодарные сердца чувств открылось чтением красноречивого адреса автором его губ[ернским] ветеринаром. (Господа, сколько у нас // л. 34 об. никому неведомых талантов!) Были ли при этом громогласные клики ура, по известию газетчика Репникова, подобные громам в городах Кавказа, того по совести сказать не могу.

Известным мне только учинилось то, в канун юбилейного дня, пригоняемые к рукоприкладству малодушные люди отпрашивались от учинения его на самом адресном листе, он де высокой художественной работы, значит мы будем портить его нашим плохим // л. 35 почерком, лучше мы подпишемся на особом листе... Немногим удалось сие хитрое замышление. Пред ним не остался в долгу и счастливый юбиляр. Зная, что подношение «ценных предметов» запрещено, он осведомился,

¹ Слово написано сверху строки.

² Губернатору исполнилось 55 лет.

³ Кречинский – герой комедии А.В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»

⁴ Бювар – настольная папка, разновидность небольшого портфеля для рабочего стола.

⁵ Ныне Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова – одно из старейших в России художественных учебных заведений в области промышленного, монументально-декоративного и прикладного искусства и искусства интерьера, основано в 1825 г.

⁶ Слово написано сверху строки.

во что обошелся бювар и заплаченную сумму внес «из собственности»¹ на усиление капитала, собранного на стипендии. Остались неоплаченными только цветы и конфеты. Но кто же их решится отнести к «ценным предметам»? Так[им] образ[ом] // л. 35 об. сбылось предречение незабвенного бытописателя А.П. Чехова о том, как юбиляры наших дней решают просто затруднительные финансовые вопросы.

«Правительство» оказалось бы слишком наивным, если бы искренне верило (Н.Я. видал виды, искушен по всяческим), что распоряжением о раздаче денег «вольным и невольным жертвователям» тверское² юбилейное действие ликвидировано. Легко представить, чем ему ответят. Поголовным отка // л. 36 Помета: «3-й л.» зом. И тогда придется собранную сумму обратить или на военные нужды, или на стипендии в тв[ерских] средн[их] учебн[ых] завед[ениях] согласно воле жертвователей, каковы стипендии³, вероятно, и окажутся именными.

Что я едва ошибаюсь, благоволите выслушать нижеследующее.

Что такое Бюнт[ингский] юбилей? По моему мнению, это шахматный ход в борьбе, завязавшейся осенью прошлого года между Губ[ернатором] и Пред[водителем] Тв[ерского] двор[янства]. Менделееву удалось убедить «новопреставленного»⁴ // л. 36 об. министра, что Б[юнтинг]г ненавидит население и что его необходимо убрать из губернии. У нас есть закрытые заседания, секретная переписка, но секретов нет, по крайней мере в отношении известных лиц⁵, заинтересованных в канцелярской или парламентской тайне. Б[юнтинг] узнал о готовящемся камуфлете⁶ и принял меры. Первою было постановление Ком[иссии] думы (самой глупой в губернии, там все перероднились) о почетном гражданстве. Вторую явился юбилейный плебисцит * (*не скажу, чтобы плохо задуманный). Первое не прошло, и я только что // л. 37 рассказал, и как робок и жалок был юбилей 15⁷-16 апреля. Но, по выражению Кутузова, «война не окончилась, а только начинается».

17-го апреля происходило освящение великолепного в стиле XX в. храма в тв[ерском] женск[ом] м[онасты]ре в память 300 л[етия] царствования дома Романовых. Обещали приехать Вел[икая] Кн[язиня] Ел[изавета] Ф[едоровна]⁸ в часть часть знаменитой «чехарды» - Штюрмер⁹ и Волжин¹. Менделееву удалось пере-

¹ Одни говорят 600 р., другие 800 р. Разницу, вероятно, делает цена неоплаченных подношений - примеч. И.А. Иванова.

² Слово написано сверху строки.

³ Слово написано сверху строки.

⁴ Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) – русский государственный деятель, министр внутренних дел в 1915–1916 гг. 3 марта ушел в отставку.

⁵ Слово написано сверху строки.

⁶ Минный подземный заряд, разрушительное действие которого не обнаруживается на поверхности земли.

⁷ 15-го почти все гласные Тв[ерской] гор[одской] думы б[ыли] в губернаторской прихожей и и расписались в «книге для посетителей». Были и иные прочие – примеч. А.И. Иванова.

⁸ Елизавета Фёдоровна – принцесса Гессен-Дармштадтская; в супружестве (за русским великим князем Сергеем Александровичем) великая княгиня царствующего дома Романовых. Почётный член и председатель Императорского православного палестинского общества с 1905 по 1917 г.

⁹ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель, с 20 января по 10 ноября 1916 г. был председателем Совета министров, одновременно, до 7 июля того же года, был министром внутренних дел (3 марта – 7 июля 1916), а затем министром иностранных дел.

хватить обоих сановников. В честь первого он устроил парадный обед (на // л. 37 об. котором в сюртуке был один только я – по бедности). Двудукий (председатель и министр²) настоял, чтобы были позваны супруги Бюнт[юнг]. Было послано прошение, зато не очень радушно («считаю долгом просить Вас и Вашу супругу пожаловать...»)

Петроградцы (в числе их духовный – митроп[олит] женского пола гр[афиня] С.С. Игнатъева³) б[ыли] уверены, что Б[юнтин]ги будут. Мы в этом сомневались. У игуменьи обед (не по времени роскошный) без вина, но с превосходными квасами и водами собственного приготов // л. 38 Помета: «4-й л.» ления б[ыли] в трапезной. Вел[икая] Кн[язиня] приехала после чая в кельях игуменьи. На обеде и Шт[юрмер], и губернатор блистали своими отсутствием. Скоро сорвались с мест и исчезли великолепная С.М. Б[юнтинг] и Волжин (до нас докатилось забавное присловие, под- сказанное, б[ыть] м[ожет], только созвучием). ~~Скоря~~ Стало известно, что они уехали во дворец разделить обеденную трапезу с Ея Высочеством.

Предводительский обед запоздал на час. Б[юнтинг] не приехал, от него б[ыло] получено письмо также за №, напечатанное на Реминг // л. 38 об. тоне⁴ с одной лишь подписью в конце – «Н. Бюнтинг», приблизительно следующего содержания: «Долгом считаю уведомить В[аше] Пр[евосходительство], что ни жена, ни я не можем быть на Вашем обеде, т.к. Ея Им[ператорское] выс[очество] в[еликая] кн[язиня] Е[лизавета] Ф[едоровна] изволят обедать во дворце». Письмо лежало в кабинете Пред[водителя] на виду, и его все читали. И все согласились с Арх[иепископом], что дипломатич[еская] служба была бы для Б[юнтинга] наиболее подходящей. При этом нужно пояснить, что обедала Вел[икая] Кн[язиня] в 4 ч., а обед у Предв[одителя] б[ыл] объявлен в 7 ½ ч. Кроме юбилейного провала за Б[юнтингом], числятся и // л. 39 другие плохие дела (числом не менее трех). Но ни он, ни его клеветы не унывают. На днях он участвовал на совещании избранных губернаторов. А под рукой здесь распространяется известие, что вместе с Н[иколаем] Г[еоргиевичем] отправилась в Петроград его супруга со старшею дочерью⁵, вызванною Е.А. Порешниной для принятия от Императрицы фрейлинского шифра⁶...

О Нижегородском торжестве⁷ официально не знаем⁸ со вчерашнего дня, когда // л. 39 об. получил печатное приглашение без подписей на имя ученой архивной комиссии, названной почему-то милостивым государем. Конечно, я не поеду, а приветствие по телеграфу, вероятно, пошлем. С 7-го до 9 буду сопровождать гимна-

¹ Волжин Александр Николаевич (1860–1933) – русский государственный деятель, первый Холмский губернатор, обер-прокурор Святейшего Синода 7 августа 1916 ., по настоянию императрицы, был уволен от должности с назначением в Государственный совет.

² Б.В. Штюрмер.

³ Игнатъева София Сергеевна (урождённая княжна Мещерская; 1851–1944) – графиня, фрейлина императрицы Марии Александровны, церковный и общественный деятель, благотворительница.

⁴ Пишущая машинка Шоулза и Глиддена — первая серийно выпускаемая, коммерчески успешная пишущая машинка, проложившая дорогу всем последующим.

⁵ Мария (1898–?).

⁶ Фрейлинский шифр, фрейлинский вензель, фрейлинский знак, шифр с вензелем – при российском императорском дворе золотой, усыпанный бриллиантами знак отличия, который носили придворные дамы в должности фрейлин.

⁷ Посвященном памяти К. Минина, в котором принимал участие С.Ф. Платонов.

⁸ Слово написано сверху строки.

зич[ескую] экскурсию] в Мушалино. Вы, полагаю, проедете обратно 10-го или позже. Сделайте милость, заезжайте к нам на денек или два. Побеседуем, съездим на пароходе¹ в Иванишский м[онасты]рь², где имеется невоскрытая гробница Шигоны-ны-Поджогина³, осмотрим интереснейшие современ[енные] документы (наследство Митр[ополита] Антония Вадковского⁴).

*Очень надеюсь на Ваше снисхождение...
Горячо Вас любящий и всю душою Вам преданный Ив. Иванов.*

// л. 40 Циркулярное сообщение канцелярии Министра Финансов от 6 апреля 1891 года за №728. О праздновании юбилеев⁵.

// л. 40 об. Во время юбилейных разговоров выяснилась тактика Б[юнтинга]. Лукавый царедворец, он умеет внушить высоким особам, что разделяет общий с ними жребий – антипатии, подозрительности, огульных обвинений, ненависти к лицам немецкого происхождения....

№14 (116)

// Л. 41 Помета С.Ф. Платонова: «24. IX. 1916»⁶

Дорогой Сергей Федорович.

Завтра день Ваших ~~полуменин~~⁷ и мне хотелось бы многое Вам сообщить за пережитое в эти долгие месяцы моего молчания.

Вы помните, что я отрицательно относился к Вашей мысли об отставке, предсказывая то, что отчасти уже // л. 41 об. и случилось, порчу и искажение Вами созданного большого дела. Мне вспомнился тогда концерт⁸ Венделя⁹ – «Боже приидоша языцы в достояние Твое, оскверниша Храм святыи Твой...»¹⁰, из которого мои товарищи устроили форму протеста против не нравившихся им академических порядков или злоупотреблений эконома. Тем не менее, когда пришла весть о Ва // л. 42 шем оставлении Института, я тотчас хотел последовать Вашему

¹ Слово написано сверху строки.

² В с. Иванищи в 20 км к северо-востоку от Старицы, у дороги на Тверь до 1764 г. существовал Иванишский Успенский мужской монастырь. Основан в 1534 г. придворным вельможей Иваном Поджогиним, который и окончил здесь свою жизнь в качестве настоятеля обители под именем старца Ионы.

³ Шигона-Поджогин Иван Юрьевич (ум. 1542) – русский государственный деятель и дипломат, думный дворянин, дворецкий тверской и вологодский. Любимец великого князя московского Василия III.

⁴ Антоний (в миру Александр Васильевич Вадковский; 1846–1912) – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский с 25 декабря 1898 г. вплоть до кончины, с 9 июня 1900 г. первенствующий член Святейшего Синода.

⁵ Документ был, вероятно, вложен в один конверт с письмом, поэтому не считаем его отдельным. Текст циркуляра опускаем. Публикуем только текст, написанный на нем И.А. Ивановым.

⁶ Год написан дважды, первый раз тонким карандашом с ?, второй раз четким почерком.

⁷ После подчеркивания написано карандашом 25. IX. !

⁸ В 1913 г. в Санкт-Петербурге Вендель впервые в России исполнил Девятую симфонию Антона Брукнера. В России бывал неоднократно.

⁹ Вендель Эрнст (1876–1938) – немецкий скрипач и дирижёр.

¹⁰ Псалом 78.

примеру. К отставке влекло меня сердце «*Otium negotiis procul*»¹, представляющееся мне, как душевное спокойствие, примирение, прощение. В пылу борьбы и раздражения я часто считал пропащими людьми «*profligate homines*»² тех, которые б[ыли] и выше, и лучше меня. А заманчивая (ве // л. 42 об. роятно, и обманчивая) надежда пустить в научный оборот задержанные мною рукописные материалы (о них я намекал на Вашем съезде). Но против моего желания восстал семейный совет «господа дети», за исключением двух младших номеров, и притом четверо из них с двойными голосами, их поддержали сродники, знаемые и в значи // л. 43 Помета: «2-й л.» тельной части старшие сослуживцы. Они перенесли вопрос на другую почву. При теперешней дороговизне (а зловещие вороны сулят ее и после войны) выслуженная трехтысячная пенсия если и не нищенство, то нехватки, нужда. Трудно будет сводить концы с концами, тем более дать двум последним сыновьям равное с братьями высшее образование, не говоря уже об // л. 43 об. экстренных расходах в случае замужества последней дочери³. Сделанное же распоряжение относительно нашего небольшого недвижимого имущества, нам отнюдь не хотелось бы изменять.

Эти сильные аргументы были поддержаны сотрудниками по комиссии и музею, которые справедливо указывали, что, только занимая настоящую должность, я могу быть полезным этим учреждениям...

// л. 44 И не устоял я в благом намерении, пропустив для отставки подходящий момент.

Заключался же этот момент в трех свалившихся на меня одновременно ревизиях. Как теперь выяснилось, только одна из них, правда, самая длительная и несносная, была местного изготовления, она проведена была столь искусно, что стоит // л. 44 об. об этом рассказать. Нашему высокоталантливому администратору надо было освободиться от неспособного и компрометирующего сослуживца. И как великолепно он это устроил! Уделяемый не только славил его на всех перекрестках, но и торжественно клялся (при проводах), что сокрушит всех врагов Б[юнтинга]. Сей удивительный его паладин находится в близ // л. 45 Помета: «3-й л.» ком родстве с одним из наших директоров и ему, вероятно, не трудно было склонить сродника к назначению экстренной ревизии Тв[ерской] Каз[енной] Пал[аты] (части её). Мотивом б[ыла] моя деятельность по Губ[ернскому] присутствию, несогласная с губ[ернаторскою] политикою. Меня склоняли в сторону этой политики; но я, считая её вздорной, не поддался ни на йоту и теперь с удовольствием⁴ вижу, // л. 45 об. что со мною многие начинают соглашаться. Главною причиною дороговизны, крайне опасной и для наших военных успехов, является наводнение деревни деньгами. Так, по Тв[ерской] губ[ернии] за время войны выдано 30 милл[ионов] рублей продовольственных пособий, тогда как губерния за то же время внесла в казну «всех сборов»⁵ менее половины этой суммы. Деревня ответила на этот ненужный // л. 46 вредный подарок безудержным⁶ повышением цен на продукты и рабочие руки, бессмысленным мотовством (покупают «дорогую обувь»

¹ Otium post negotium - Отдых после дела. (Делу - время, потехе – час)

² Распутные гонимы – с лат.

³ Установившаяся, правда, у нас норма приданного не высокая – 400 р. – примеч. И.А. иванова

⁴ Слово написано сверху строки.

⁵ В-в-Текст написан сверху строки.

⁶ Слово вписано сверху строки.

¹ и калоши на трехлетних детей), картежной игрой (мы не напасемся карт), жадным потреблением всего, что содержит в себе алкоголь (на старицком пароходе при нас матросы сунули 3 р. за полбу // л. 46 об. тылки денатурата). Пропало не только патриотическое воодушевление, но стыд и самолюбие: в с. Кимры богатейшие люди, чуть не миллионеры, добиваются получения продовольственного пайка. Пока они посылают из своих магазинов и лавок мальчигов за получением пособия, но скоро, вероятно, будут и сами являться в вол[остное] правление.

// л. 47 Помета: «4-й л.» В Губ[ернском] Присутствии (которое рассматривает жалобы на невыдачу пособия) я все время боролся против расточительности в распоряжении каз[енными] деньгами, подавая особые мнения, число которых в одно заседание доходило до 20-ти, и думаю, что, если бы я этого не делал, у нас было бы выдано на 30 милл[ионов], а по крайней мере 40. // л. 47 об. К сожалению, тот, которого прислали ревизовать нашу распрю, оказался лишенным понимания важных государственных интересов. Это какой-то отставной алкоголик, твердо усвоивший канцелярский термин – «недопустимо», недопустимо де столь разное разногласие между представителями двух постоянно соприкаса // л. 48 ющихся ведомств. Мое несчастье усугубилось еще тем случайным обстоятельством, что Бюнтинга попущением, ревизор не застал меня в Твери и целых две недели, пока я ездил в Весьегонск, он был под назиданием Б[юнтинга] и его клеветов.

Однако, я склонен думать, что из // л. 48 об. этой компании чего важного не выйдет по очень курьезной причине: продовольств[енные] пособия не относятся до Д[епартамент]а приславшего этого ревизора.

Что же касается двух других ревизоров, то один из них устыдился своей роли (при данных обстоятельствах) и передал мне свои полномочия (по расследова // л. 49 Помета: «5-й л.» нию некоторого неблагополучия в одном из наших казначейств), а затем из Петрограда он прислал полдюжины своих² прекрасных книг. Нужно ли добавлять, что это б[ыл] археолог? Почти столь же дружелюбно я растался и с третьим ревизором. Продов[ольственными] пособиями он вовсе не интересовался, хотя // л. 49 об. они и входят в круг введения его Д[епартамент]а.

Уже миновал третий летний сезон, а мы с М[арией] Д[митриевой] все не можем попасть в чудотворные Ессентуки. И причиною тому не столько вышеописанные злоключения, сколько война. Как забираться в такую даль, когда может приехать с фронта тот или другой сын? Нашему Николаю, // л. 50 по выражению его командира, везет. И недавно он приезжал к нам на несколько дней. Вид у него утомленный, появились седые волосы (в 26 л[ет]). Но веры в решительную победу и одоление он не потерял. ~~Но~~ Однако, на фронте думают, что мы, как и прежде, будем обижены на конгрессе при заключении мира. // л. 50 об. Да, можно опасаться, что мы не получим сколько-нибудь соответствующей награды за свои неисчислимые жертвы. Наш Ал[ексан]др уверяет меня, что после войны нам придется выплачивать ежегодно миллиард процентов.

50 л[етний] юбилей нашего музея имел характер лишь поминовения³ и трапезы. // л. 51 Помета: «6-й л.» Научное торжество отложено до «славного мира». У меня есть намерение восстановить прерванную серию областных съездов пригла-

¹ ¹ Текст написан сверху строки.

² Слово написано сверху строки.

³ Пожалуюсь Вам на Каринского и Н.М. Куломзина: они не отвечали на наши телеграммы. Зато прекрасно – ответил Царь и вел[икий] кн[язь] Михаил, наш верный шеф. Хронологически первой гр[афиня] Уварова прислала собственноручное большое письмо – примеч. И.А. Иванова.

шением археологов в Тверь. Этому съезду хотелось бы придать музейную окраску. Приняв за основное положение, что губ[ернский] музей должен быть // л. 51 об. исключительно местным, систематизированным по главнейшим эпохам нашей русской археологии и истории, ^дможно бы^д ¹ запросить предварительно все арх[ивные] комиссии, насколько их музеи удовлетворяют этим условиям. Далее путем взаимного² обмена предметов общерусского значения на местные можно бы способствовать взаимному обогаще // л. 52 нию и интересу как центральных музеев, так и провинциальных.

*Будьте здоровы и благополучны и не лишайте Вашей дружбы глубоко Вас уважающего, всю душою преданного и признательного Ив. Иванова.
24 сентября 1916 г.*

Старица (). Со мной здесь М[ария] Д[митриевна], которая отдыхает от своих «праведных трудов».

// л. 52 об.

P.S. Чтение газеты, наполненной теперь вестями из несчастной Греции, всегда приводит на мне на память добрую ласковую Королеву и наше путешествие по Волге в 1908 г. Я бы хотел поднести ей икону (старобрядческую) в копии³ «чистой души», которую я недавно видел в маленной скрытников – федосеевцев. Не возьмете ли Вы на себя труд передачи. А если отклоните, укажите, как непосредственно я могу это сделать.

Иванов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Открытие тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1884. 2 с.
2. К 120-летию Тверской ученой архивной комиссии: Сб. ст. Тверь: Лилия Принт, 2004. 116 с.
3. Шувалова Н.В. К 110-летию учреждения ТУАК// Тверская старина. 1994. №1. С. 107-110.
4. Семенов А.Н. К 125-летию Тверской ученой архивной комиссии//Тверская старина. 2009. №29. С. 15-21.
5. Программа научной конференции «Становление музейного и архивного дела в Тверской губернии. К 200-летию со дня рождения А.К. Жизневского». 26 сентября 2019 г.// history.tversu.ru/news/2771
6. Журнал 70-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 29-го апреля 1899 г. (под редакцией члена правителя дел архивной комиссии И.А. Виноградова). Тверь: Типография губернского правления, [1900]. С.1-2.
7. Журнал 71-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 14 июня 1899 г. (под редакцией члена правителя дел И.А. Виноградова).Тверь: б. и., [1900]. 28 с.
8. Штыков Н.В. Верхневолжье в эпоху Смуты в трудах деятелей Тверской ученой архивной комиссии// Смутное время в России: Конфликт и диалог

¹ д-д Текст написан сверху строки.

² Слово написано сверху строки.

³ Слово написано сверху строки.

- культур. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. №10. С. 323- 328.
9. Штыков Н.В. Тверская ученая архивная комиссия: формирование, деятельность, наследие (1884-1923 гг.)// Отечественные архивы. 2018. №4. С. 9-20.
 10. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2011. 322 с.
 11. Митрофанов Просветительская деятельность С.Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск: Из-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 403 с.
 12. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1785, 2913, 2983-2998.
 13. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии//Российская археология. 2015. №2. С. 177-185.
 14. Митрофанов В.В. «Дело... к которому были соприкосновенны и Вы...»: переписка С.Ф. Платонова с В.И. Колосовым по вопросам Тверского музея (вступ. ст. публик., коммент.)// Первые Ильинские архивные чтения: Сб. статей. Тверь: ООО «СФК-Офис». 2015. С. 129-144.
 15. Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171-182.
 16. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Ред. С.О.Шмидт. М.: Наука 2003. Т. 1. 388 с.
 17. Митрофанов В.В. Деятельность С.Ф. Платонова во главе женского Педагогического института// Клио. 2006. №4 (35) С. 212–224.
 18. Отчет Тверского отдела, состоящего под высочайшим его императорского величества покровительством Общества повсеместной помощи пострадавших на войне солдатам и их семьям. Тверь: Типография Н.А. Прянишникова. 1917. 64 с.
 19. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции: Монография. В 2-х ч. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. Гуманит. Ун-та, 2011. Ч. 1. 235 с.
 20. Сорина Л.М. Тверская губернская ученая архивная комиссии и подготовка второго областного Тверского археологического съезда (10—20 августа 1903 года) // К 100-летию второго областного Тверского археологического съезда (10—20 августа 1903 года). Тверь, 2003. С. 3-16.

REFERENCES

1. Otkrytie tverskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii [Opening of the Tver Provincial Scientific Archival Commission]. Tver', 1884. 2 p. (In Russ)
2. K 120-letiyu Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii: Sb. st. [On the 120th anniversary of the Tver Scientific Archival Commission: Sat. Art.]. Tver': Liliya Print, 2004. 116 p. (In Russ)
3. SHuvalova N.V. K 110-letiyu uchrezhdeniya TUAK [To the 110th anniversary of the establishment of TUAK]. Tverskaya starina = Tver old. 1994, №1, pp. 107-110. (In Russ)
4. Semenov A.N. K 125-letiyu Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii [On the 125th anniversary of the Tver Scientific Archival Commission]. Tverskaya starina = Tver old. 2009, №29, pp. 15-21. (In Russ)

5. Programma nauchnoj konferencii «Stanovlenie muzejnogo i arhivnogo dela v Tverskoj gubernii. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya A.K. ZHiznevskogo». 26 sentyabrya 2019 g. [Program of the scientific conference "Formation of Museum and Archival Affairs in the Tver Province. On the 200th anniversary of the birth of A.K. Zhizhevsky." September 26, 2019]. Available at: history.tversu.ru/news/2771 (In Russ)
6. ZHurnal 70-go zasedaniya Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii 29-go aprelya 1899 g. (pod redakciej chlena pravatelya del arhivnoj komissii I.A. Vinogradova). [The journal of the 70th meeting of the Tver Scientific Archival Commission on April 29, 1899 (edited by a member of the ruler of affairs of the archival commission I.A. Vinogradov)]. Tver': Tipografiya gubernskogo pravleniya, [1900]. p.1-2. (In Russ)
7. ZHurnal 71-go zasedaniya Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii 14 iyunya 1899 g. (pod redakciej chlena pravatelya del I.A. Vinogradova). [The journal of the 71 th meeting of the Tver Scientific Archival Commission on April 29, 1899 (edited by a member of the ruler of affairs of the archival commission I.A. Vinogradov)]. Tver': b. i., [1900]. 28 p. (In Russ)
8. SHtykov N.V. Verhnevolzh'e v epohu Smuty v trudah deyatelej Tverskoj uchenoj arhivnoj komissii [Upper Volga during the Time of Troubles in the writings of the leaders of the Tver Scientific Archival Commission]. Smutnoe vremya v Rossii: Konflikt i dialog kul'tur. Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta= Time of Troubles in Russia: Conflict and Dialogue of Cultures. Proceedings of the Faculty of History, St. Petersburg University. 2012, №10, pp. 323-328. (In Russ)
9. SHtykov N.V. Tverskaya uchenaya arhivnaya komissiya: formirovanie, deyatel'nost', nasledie (1884-1923 gg.) [Tver Scientific Archival Commission: formation, activity, heritage (1884-1923)]. Otechestvennye arhivy = Domestic archives. 2018, №4, pp.9-20. (In Russ)
10. Mitrofanov V.V. S.F. Platonov i nauchno-kraevedcheskie obshchestva, arhivnye komissii Rossii. [S.F. Platonov and local history societies, archival commissions of Russia] CHelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2011. 322 p. (In Russ)
11. Mitrofanov Prosvetitel'skaya deyatel'nost' S.F. Platonova v rossijskoj provincii. [Educational activity S.F. Platonov in the Russian province]. Nizhnevartovsk: Iz-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014. 403 p. (In Russ)
12. OR RNB. F. 585. Op. 1. CH. 2. D. 1785, 2913, 2983-2998. [OR RNB. F. 585. Op. 1. Part 2. D. 1785, 2913, 2983-2998] (In Russ)
13. Mitrofanov V.V. Rol' S.F. Platonova v izdanii arheologicheskoy karty Tverskoj gubernii [The role of S.F. Platonov in the publication of the archaeological map of the Tver province]. Rossijskaya arheologiya = Russian archeology. 2015, №2, pp. 177-185. (In Russ)
14. Mitrofanov V.V. «Delo... k kotoromu byli soprikosnovenny i Vy...»: perepiska S.F. Platonova s V.I. Kolosovym po voprosam Tverskogo muzeya (vstup. st. publik., komment.) [The role of S.F. Platonov in the publication of the archaeological map of the Tver province]. Pervye Il'inskie arhivnye chteniya: Sb. Statej = The first Ilyinsky archival readings: Sat. articles. Tver': OOO «SFK-Ofis». 2015. pp. 129-144. (In Russ)
15. Korzun V.P. Moskovskaya i peterburgskaya shkoly russkih istorikov v pis'mah P.N. Milyukova S.F. Platonovu [Moscow and St. Petersburg schools of Russian historians in letters to P.N. Milyukova S.F. Platonov]. Otechestvennaya istoriya = National history. 1999, № 2, pp. 171-182. (In Russ)

16. Akademik S.F. Platonov: Perepiska s istorikami: V 2 t. [Academician S.F. Platonov: Correspondence with historians: In 2 tons]. Red. S.O.SHMmidt. M.: Nauka 2003. T. 1. 388 p. (In Russ)
17. Mitrofanov V.V. Deyatel'nost' S.F. Platonova vo glave zhenskogo Pedagogicheskogo instituta [Activities S.F. Platonov at the head of the Women's Pedagogical Institute]. Klio = Cleo. 2006. №4 (35), pp. 212–224. (In Russ)
18. Otchet Tverskogo otdela, sostoyashchego pod vysochajshim ego imperatorskogo velichestva pokrovitel'stvom Obshchestva povsemestnoj pomoshchi postradavshih na vojne soldatam i ih sem'yam. [Report of the Tver department, under the auspices of His Imperial Highness, the patronage of the Society for the General Assistance to War Soldiers and Their Families]. Tver': Tipografiya N.A. Pryanishnikova. 1917. 64 p. (In Russ)
19. Mitrofanov V.V. Rol' S.F. Platonova v razvitii rossijskoj istoriografii v konce XIX – pervoj treti XX vv.: svyazi s nauchno-istoricheskimi obshchestvami centra i provincii: Monografiya. V 2-h ch. [The role of S.F. Platonov in the development of Russian historiography at the end of the 19th - first third of the 20th centuries: relations with the scientific and historical societies of the center and the province: Monograph. In 2 hours]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. Gumanit. Un-ta, 2011. CH. 1. 235 p. (In Russ)
20. Sorina L.M. Tverskaya gubernskaya uchenaya arhivnaya komissii i podgotovka vtorogo oblastnogo Tverskogo arheologicheskogo s"ezda (10—20 avgusta 1903 goda) [Tver provincial scientific archival commission and preparation of the second regional Tver archaeological congress (August 10–20, 1903)]. K 100-letiyu vtorogo oblastnogo Tverskogo arheologicheskogo s"ezda (10—20 avgusta 1903 goda) = On the occasion of the 100th anniversary of the second regional Tver archaeological congress (August 10–20, 1903).. Tver', 2003. pp. 3-16. (In Russ)

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права» АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС». Российская Федерация, 199226, Санкт-Петербург, Галерный проезд, 3; г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Поступила: 09.01.2020

После доработки: 17.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mitrofanov Viktor V. — Doctor in History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, ANO VO University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint Peetersburg, 196226, Saint Peetersburg, Russia
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The paper was submitted: 09.01.2020

Received after reworking: 17.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908

Панасенко Валерия Валентиновна
Краснодарский государственный институт культуры
г. Краснодар, Россия
e-mail: lerok-ok@yandex.ru

ТРИ СОЧИНСКИХ ВИАДУКА

Аннотация. В статье приведены материалы библиографических исследований о трёх объектах инженерно-архитектурного строительства периода реконструкции Сочи-Мацестинского курорта 1930-х гг., прогремевшего на всю страну как ударная стройка для создания всесоюзной здравницы. Комплексные изыскания, проведенные методом анализа и сопоставления форм и параметров исследуемых виадуков, направлены на доказательство гипотезы об уникальности отечественных разработок и о важнейшем вкладе советских архитекторов-конструкторов первой половины XX века в опыт мирового мостостроения. Затрагиваются актуальные на сегодняшний день проблемы реставрации рассматриваемых объектов культурного наследия как знаковых сооружений своего времени; проблема необходимости сохранения облика и конструктивных элементов мостов в качестве одного из важнейших условий для раскрытия культурного потенциала и развития познавательного туризма региона. Впервые освещаются особенности конструкций и облика виадуков с точки зрения архитектурно-художественных решений, раскрываются секреты процесса проектирования.

Ключевые слова: культурное наследие, гражданское строительство, архитектурные памятники, мостостроение.

Для цитирования: Панасенко В. В. Три Сочинских виадука. Культурный ландшафт регионов. 2020. Том. 2. № 1. с. 149-157.

Valeriya V. Panasenko
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
e-mail: lerok-ok@yandex.ru

THREE SOCHI VIADUCTS

Abstract. The article presents research based on bibliographic materials on the objects of engineering and architectural construction during the reconstruction period of the Sochi-Matsesta resort of the 1930s, which was the project for the construction of an all-Union health resort. Comprehensive investigations carried out by the method of analysis

and comparison of the forms and parameters of the studied viaducts. Studies are aimed at proving the hypothesis about the uniqueness of domestic developments and the most important contribution of Soviet architects and designers of the first half of the twentieth century to the experience of world bridge building. Topical issues of restoration of cultural heritage sites under consideration as landmark buildings of their time are being addressed; and the problem of the need to preserve the appearance and structural elements of bridges as one of the most important conditions for unlocking the cultural potential and the development of educational tourism in the region. For the first time, the features of designs and cladding of architectural and artistic solutions are highlighted, proving the uniqueness of the author's developments, revealing the secrets of the design process.

Key words: cultural heritage, civil engineering, architectural monuments, bridge building.

For citation: Panasenko V.V. Three Sochi viaducts. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 149-157. (In Russ., abstr. in Engl.).

Введение

В давние времена служившие лишь коммуникационными сооружениями и предназначенными для передвижения людей и гужевого транспорта, мосты на протяжении многих веков обретали всё новые функциональные качества. Сейчас они являются важнейшими архитектурно-пространственными объектами современных городов. Но ввиду большого количества типовых разработок мостовых сооружений, в нашей стране не получили достаточно широкого распространения мосты редких форм и технических решений. И потому так незаслуженно мало внимания уделяется им, тем единичным уникальным образцам символов культурного и технического прогресса своих эпох, над которыми трудились великие зодчие.

Для Краснодарского края эта проблема является особенно актуальной. На территории региона большое количество пешеходных и транспортных мостов различных конструкций и времен постройки: от дореволюционного каменного моста, возведенного казаками в станице Даховской (ныне республика Адыгея) в 1905 году, до современного Крымского, который считается чудом техники, благодаря длиннопролётной арочной конструкции. Их разнообразие определяется не только богатыми ландшафтными характеристиками края, но и полетом инженерной мысли талантливых зодчих, некогда воплотивших здесь свои ни с чем не сравнимые проекты. Строительный бум пришелся на 1930-е годы, когда все государственные ресурсы были брошены на преобразование перспективных территорий Черноморского побережья.

Материалы исследования

На данный момент город Сочи является счастливым обладателем нескольких красивейших авторских мостов, три из которых были построены в знаковый для него период – время становления Сочи-Мацестинского курорта как здравницы всесоюзного значения. Это – мощные каменные виадуки, являющиеся связующими звеньями собранной из старых улиц при грандиозной реконструкции курорта магистрали – проспекта имени Сталина (ныне Курортного проспекта), а в

последствии – и частью автострады Сочи-Мацеста-Хоста, которая стала композиционным стержнем планировочной структуры города.

Реконструкция свершилась благодаря постановлению советского правительства от 1926 г., на основании которого город официально удостоен был стать крупнейшим курортом страны. К разработкам и осуществлению грандиозных проектов высококлассной дорожно-транспортной инфраструктуры, комплексов бальнеотуризма, садово-парковых ансамблей, театров, курзалов, были привлечены академики, именитые мастера архитектурных и инженерных дел: И.В. Жолтовский, В.А. Шуко, А.В. Щусев, И.С. Кузнецов, К. Н. Чернопятов, Б.В. Ефимович, братья А.А. и Л.А. Веснины и др. В 1934 г. началось ударное строительство.

Советский публицист, журналист и писатель Михаил Ефимович Кольцов, гостивший на «Кавказской Ривьере» в роли курортника осенью 1934 г., в самый разгар происходившей там культурной революции, писал в одном из своих очерков: «Мы до сих пор не умеем строить хороших дорог. Сочинская автострада – первая у нас победа этого тяжеловесного и гордого искусства, которым Древний Рим и сейчас напоминает о себе в южной Европе больше, чем обломки статуй и колонн. От ста двадцати шести поворотов старой трассы, новая сохраняет лишь двадцать шесть» [1].

Первым композиционным узлом на Сталинском проспекте возник виадук через Верещагинскую балку. В 1935 г., возведённый под руководством инженера Ю.О. Львова, по проекту архитекторов Н.Б. Соколова и Ю.С. Козака, он соединил не только два склона горной долины реки Верещагинка, но и два района города Сочи: Центральный и Хостинский. Он же впоследствии стал и самым крупным мостом автострады. В опубликованном в 1936 г. отчете правительственной комиссии по приему важнейших объектов строительства, произведенного в Сочи-Мацестинском курортном районе, размеры виадука описываются так: «Верещагинский виадук (железобетонный мост) имеет длину по проезжей части 219,85 пог. м. при ширине проезжей части 12,0 м, ширине тротуаров с обеих сторон по 3,0 м...» [2, с. 57]. Средняя высота моста составляет 27 м.

Сам главный автор проекта, архитектор Николай Борисович Соколов, в своём архитектурном очерке «Сочи-Мацеста (очерк архитектуры)», посвященном обновленному курорту, напишет о самых примечательных деталях архитектурно-художественного оформления моста. Акцентными элементами по задумке зодчего являются конструктивные формы опор, поддерживающие арочные конструкции пролётов. У основания опоры имеют простое геометрическое сечение, форма которого постепенно усложняется к верхним частям колонн и перетекает в пластичные изгибы ферм, как будто подражая раскидистым пальмам. Словно повторяя массивные элементы остова виадука, по бокам от проезжей части моста ажурными лентами тянутся балюстрады ограждения (рис. 1).

Второй виадук, возникший на главной транспортной артерии курорта в рамках реконструкции Сочи-Мацестинского курорта, раскинулся над долиной реки Мацеста. Сооружение виадука велось с 1936 по 1938 гг. Над его проектом трудился целый коллектив архитекторов, в который вошли академики архитектуры В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейх, талантливые зодчие А.П. Великанов и А.Ф. Хряков. В качестве опор виадука проектировщиками заложена облегчённая арочная конструкция из железобетона длиной 411 метров, которая позволила сохранить великолепный вид на море, открывающийся с Новой Мацесты. На самых удачных точках обозрения панорам устроены тротуарные выступы, соответствующие креповкам устоев, которыми удобно пользоваться в качестве видовых площадок (рис. 2). С моста также открывается панорамы ближних и дальних гор Кавказско-

го хребта. Особенно хорошо видна гора Амуко, расположенная в 27,4 км по прямой линии от моста и занимающая центральную часть панорамы.

Идейным вдохновителем инженерного сооружения и руководителем проектной мастерской, его разработавшей, стал крупнейший зодчий Владимир Алексеевич Щуко. Как и во многих его произведениях, в архитектурно-художественном решении моста читается сдержанная классика, которую в 1930-х гг. архитектор трактует довольно широко, с отзвуками функционально-конструктивистского опыта. Своё творческое кредо В.А. Щуко сформулировал в своём творческом отчёте, опубликованном на страницах журнала «Архитектура СССР» в 1935 г.: «Основным же принципом при решении то или иной задачи я всегда считал и буду считать монументальную простоту, ясность и выразительность архитектурной формы, основанной на законах пропорций. Интуитивное чувство пропорций может быть проверено рядом законов, основанных на изучении лучших образцов архитектуры, однако индивидуальные свойства художника, темперамент, знания и вкус – имеют превалирующее значение. Поэтому я всемирно приветствую использование новейших конструкций и новейших строительных материалов, ибо только эти данные, с одной стороны, и наличие у зодчего подлинной архитектурной школы – с другой, являются залогом к созданию будущего советского стиля» [3, с. 124].

В очерке 1950 г. «Сочи-Мацеста (очерк архитектуры)» Н.Б. Соколов отметит, что мост в долине Мацесты – пример выдающегося произведения дорожного строительства, положивший своими внушительными формами начало благоустройству участка долины между Новой Мацестой и морем: по двум берегам реки устроены каменные набережные, выполненные «циклопической» кладкой, раскинут парк [4].

Прокладка новой магистрали Сочи-Мацеста потребовала организовать транзитное движение в районе устья реки Сочи, и было решено построить автомобильный мост в продолжение Платоновой аллеи, дублируя старую дорогу, пролегающую тогда по улице Дагомысской (ныне Парковая). Для решения данной задачи требовались серьёзные инженерные ресурсы, так как мост предстояло разместить под определенным углом относительно русла реки, не дав при этом утратить ему своего динамического и прочностного потенциала.

Поистине непревзойдённый проект, отвечающий сложному техническому заданию, сумел разработать академик архитектуры И. В. Жолтовский (рис. 3). Конструкцию Ривьерского виадука отличают перекрытия пролётов, для которых были запроектированы крайне редко применяемые косые арки и балочная клетка. Ещё одной уникальной авторской характеристикой является облицовка железобетонных конструкций тёсаным местным белым камнем. Помимо конструктивной составляющей примечательны и пропорции моста. Большой мыслитель в области архитектуры Иван Владиславович на протяжении большего периода своего творчества был обращен к изучению античности, что сделало его приверженцем «золотого» мышления и раскрыло секреты гармонии древних и средневековых мастеров, которыми он успешно пользовался в воплощении своих творческих идей. Зодчий считал, что общим законом для всей природы, а также и для архитектурных произведений является золотое сечение. Мир – это порядок, а порядок – есть золотое сечение [5, с. 48 – 60].

Строительство уникального мостового сооружения велось на протяжении 14 месяцев, и только в мае 1936 г. движение по Ривьерскому виадуку, выходящему на Сталинский проспект, было открыто. Однако, мало кому известно, что проект академика не был воплощен в полной мере и во всех деталях. В иллюстрирован-

ном альбоме Г. Д. Ощепкова «И. В. Жолтовский: проекты и постройки» приведены репродукции эскизов моста «Золотого сечения», принадлежащих руке мастера (рис. 4, 5) [6, с. 71].

На проектах интересно обнаружить асимметричные павильоны слева и справа, круглую скульптуру по центру главного пролёта, венчающую замковый камень, а также элементы рельефного декора, обрамляющего порталы арочных сводов. И этот ретроспективный облик моста, обращенный к эпохе Возрождения, восхищает.

В книге П. В. Щусева «Мосты и их архитектура», 1953 г., проектное архитектурно-художественное решение Ривьерского виадука описывается так: «Очень интересна его композиция, в которой главный пролёт гармонически подчиняет ряд разнообразно расположенных мелких отверстий и архитектурно увязан с береговыми устоями, украшенными богатым портиком и каменными лестницами. Этот мост построен по проекту академика И. В. Жолтовского из железобетона, облицованного местным камнем, но, к сожалению, остался незаконченным» [7, с. 318].

Очевидно, что несущие конструкции были выполнены в полном объёме. Но почему же все декоративные элементы были упразднены? В самом полном описании результатов проведенной реконструкции Сочи-Мацестинского курорта Н.Б. Соколов даёт нам вполне четкий и логичный ответ: «Асимметричное расположение всех пролётов под мостом было задумано автором, чтобы отразить динамическое значение моста, как сооружения, предназначенного для транзитного движения. Эта асимметрия могла быть ещё более выразительной при постройке павильонов, которые здесь предполагались; они не были осуществлены, поскольку при этом ухудшалась видимость дороги, уходящей влево» [8].

Несмотря на все допущенные упрощения при строительстве, Ривьерский мост не перестаёт радовать жителей и гостей Сочинского курорта своим простым, но органичным сочетанием с окружающим ландшафтом. Внушительные конструкции опор гармонично сочетаются с тонкими замковыми частями первого и второго пролётов, сообщающими виадуку лёгкость и согласуются с деликатной светлой отделкой. Лёгкость массивному сооружению придают также и проёмы для пешеходной и проезжей зон набережной. Подходы на мост сверху ограждены высокими белокаменными парапетами. Тротуары шириной в три метра по двум сторонам от проезжей части подчеркнуты бордюрами всё из того же белого камня.

Невозможно не отметить панорамы, открывающиеся с Ривьерского моста. Отсюда на север видны долина реки Сочи, зелёные холмы предгорья, а дальше – снежные вершины. Можно проследить, как близко к городу и морю подступают возвышенности, застроенные жилыми районами, домами с живописными садами. А на юг раскрывается бескрайняя картина моря.

Результаты исследования

Подводя результаты проведённых изысканий, невозможно не признать колоссальную ценность конструктивных решений и архитектурно-художественного облика исследованных объектов. Эти инженерные сооружения наиболее ярко выражают мотивы рационализма – одного из самых новаторских стилей первой половины XX века [9, с. 8]. В связи с чем жители города Сочи и всего Краснодарского края имеют все основания не только обратить внимание на величественные виадуки, но и поистине гордиться этими уникальными объектами, сохраняя и популяризируя их.

Сейчас все три сочинских виадука являются памятниками гражданской архитектуры и инженерного искусства, объектами культурного наследия федерального значения. Регулярно проводится охранная политика и производятся квалифицированные ремонтно-реставрационные работы всех старейших мостов города. Важно отметить, что в ходе реконструкции 2012–2013 гг., после проведенных комплексных научных исследований, эксперты определили первоначальное колористическое решение Мацестинского виадука, чтобы впоследствии воссоздать этот оттенок. Но, несмотря на грамотную политику в области сохранения, программы популяризации этих памятников, очевидно, не достаточны. Сегодня виадуки служат высочайшим, но не полностью реализованным потенциалом историко-культурного достояния города. Необходимость их эффективного использования в области туризма как одного из важнейших ресурсов экономики неумолимо растёт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кольцов М.Е. На Советской Ривьере // Правда. 1935. 17 марта.
2. Реконструкция курорта Сочи-Мацеста : Отчет комиссии. Москва, 1936. –165 с.
3. Славина Т.А. Зодчие нашего города. Владимир Щуко. Лениздат, 1978. – 136 с.
4. Соколов Н. Б. Сочи-Мацеста (очерк архитектуры). Москва, 1950. 126 с.
5. Астафьева-Длугач М. И., Волчок Ю. П. А.М. Журавлев. Зодчие Москвы. Изд. 2-е. Москва, 1988.
6. Ощепков Г. Д. И.В. Жолтовский: проекты и постройки. Москва, 1955.
7. Щусев П. В. Мосты и их архитектура. Москва, 1952.– 359 с.
8. Соколов Н. Б. Указ. соч.
9. Былинкин Н. П. История советской архитектуры. 1917 – 1954. Учебник для архитектурных вузов. Специальность «Архитектура» / Н. П. Былинкин, В. Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева. – Изд.2-е. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с.

REFERENCES

1. Koltsov M.E. Na Sovetskoy Riv'ere. Pravda, 1935, March 17. (in Russia)
2. Rekonstruktsiyakurorta Sochi-Matsesta:Commission report. Moscow, 1936. 165 с. (in Russia)
3. Slavina T.A. Zodchie nashego goroda. Vladimir Shchuko.Lenizdat, 1978. 136 с. (in Russia)
4. Sokolov N.B. Sochi-Matsesta (ocherk arhitektury). Moscow, 1950. 126 с. (in Russia)
5. Astaf'eva-Dlugach M.I., Volchok U. P., Zhuravlev A.M. Zodchie Moskvyy.2nd ed. Moscow, 1988. (in Russia)
6. Oshchepkov G. D. I. V. Zholtovskiy: proekty i postroyki. Moscow, 1955. (in Russia)
7. Shchusev P.V. Mosty i ih arhitektura. Moscow, 1952. 359 с. (in Russia)
8. Sokolov N.B. Previously indicated. (in Russia)
9. Bylinkin N.P. Istoriya sovetskoy arhitektury. 1917 – 1954. Textbook for architectural universities. Specialty "Architecture". 2nd ed. Moscow, Stroyizdat, 1985. 256 с. (in Russia)

Иллюстрации:

Рис. 1. Верещагинский виадук. Современное фото
Page 1. Vereshchaginsky viaduct. Modern photo
URL: <https://sochi.scapp.ru/scapp-gorod/mosti-sochi/>

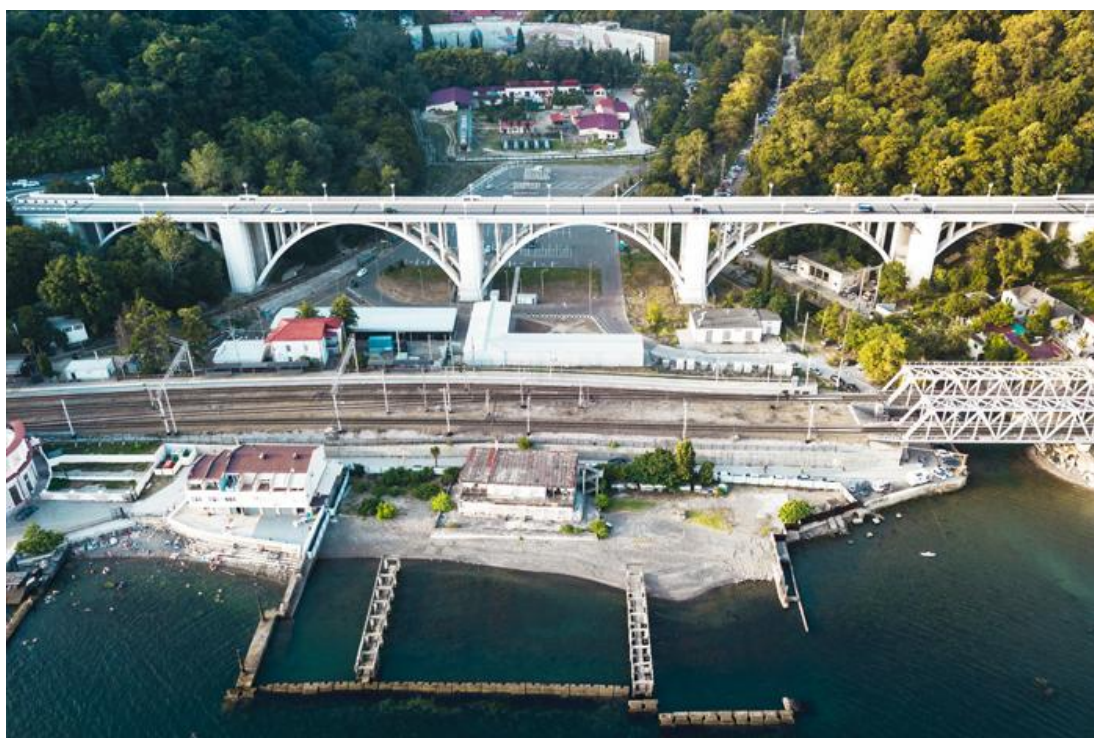

Рис. 2. Мацестинский виадук. Современное фото
Page 2. Matsesta viaduct. Modern photo
URL: <https://sochi.scapp.ru/scapp-gorod/mosti-sochi/>

Рис. 3. Ривьерский виадук. Современное фото
Page 3. Riviera viaduct. Modern photo
URL: <https://sochi.scapp.ru/scapp-gorod/mosti-sochi/>

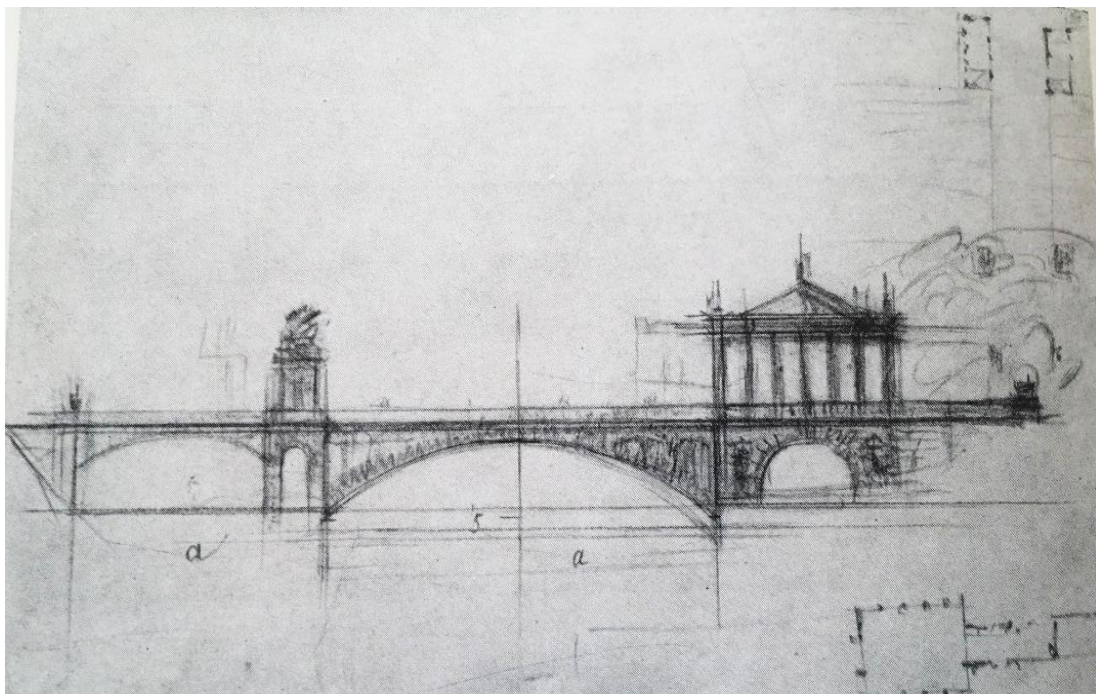

Рис. 4. Ривьерский виадук. Первый набросок моста. Иллюстрации из книги
Г. Д Ощепкова «И.В. Жолтовский: проекты и постройки». Москва, 1955. С. 71.
Page 4. Rivieraviaduct. Firstsketchofthebridge. Illustration from the book Oshchepkov
G. D.« I. V. Zholtovskiy: proekty i postroyki». Moscow, 1955. p. 71.

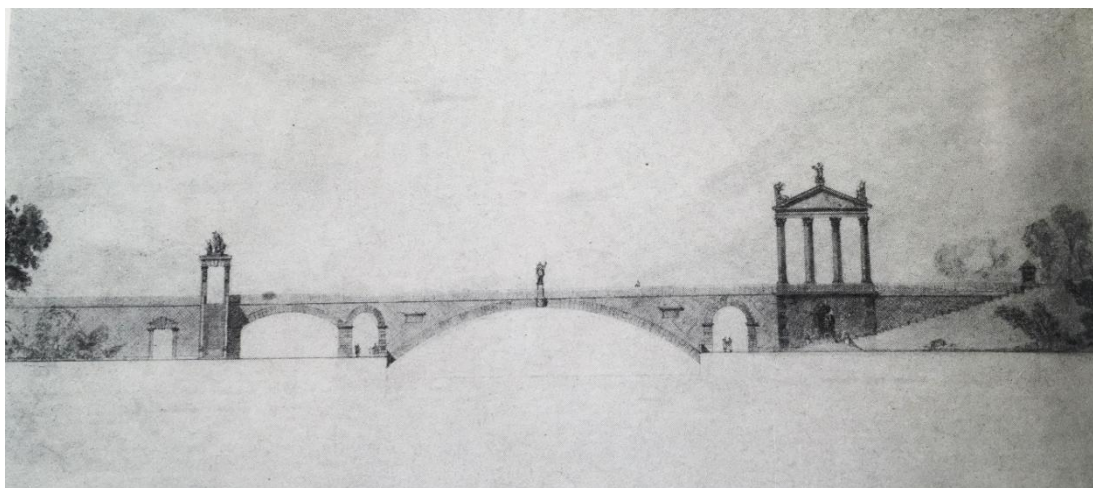

Рис. 5. Ривьерский виадук. Проект моста в отмывке. Иллюстрации из книги Г. Д Ощепкова «И.В. Жолтовский: проекты и постройки». Москва, 1955. С. 71.

Page5. Rivieraviaduct. Bridgeproject. A wash drawing. Illustration from the book Oshchepkov G. D. « I. V. Zholtovskiy: proekty i postroyki». Moscow, 1955. p. 71.

Информация об авторе: Панасенко Валерия Валентиновна – студентка магистратуры Краснодарского государственного института культуры по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

г. Краснодар, Россия

e-mail: lerok-ok@yandex.ru

Поступила: 22.01.2020

После доработки: 18.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Panasenko Valeriya Valentinovna - master student of the Krasnodar State Institute of Culture in the field of preparation «Museology and the protection of cultural and natural heritage».

Krasnodar, Russia

e-mail: lerok-ok@yandex.ru

The paper was submitted: 22.01.2020

Received after reworking: 18.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.

УДК 908

Шевцова Алина Алексеевна
Краснодарский государственный институт культуры
г. Краснодар, Россия
e-mail: shevtsova_alina_alekseevna@mail.ru

ЦЕРКОВЬ СПАСА НА НЕРЕДИЦЕ В НОВГОРОДЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема восстановления Новгородской церкви Спаса на Нередице после разрушительных действий гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание в данной работе уделяется уникальной фресковой росписи храма и кампании по ее реставрации. Автор рассмотрел современные методы и подходы по восстановлению памятника. Данная тема на сегодняшний день очень актуальна, так как культурное наследие важно для национальной самоидентификации и является важнейшим основанием для развития интеллектуально-творческой, нравственно-духовной личности. Несмотря на имеющиеся научные изыскания Л. Любимова, Б. Трехбратова, А. Шаповалова и др., тема, затронутая в данной статье, несомненно, требует дальнейшего исследования, в чем и заключается ее новизна. Делаются выводы, что для нашего времени очень важно сохранить историческое наследие. Это позволит следующим поколениям иметь представление о культуре того времени.

Ключевые слова: Церковь Спаса на Нередице в Новгороде, восстановление памятника, архитектура, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Шевцова А. А. Церковь Спаса на Нередице в Новгороде: история создания и восстановления национального памятника. *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 158-170.

Alina A. Shevtsova
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
e-mail: shevtsova_alina_alekseevna@mail.ru

CHURCH OF THE THANKS ON THE BEDROOM IN NOVGOROD: HISTORY OF CREATION AND RESTORATION OF THE NATIONAL MONUMENT

Abstract: this article discusses the problem of rebuilding the Novgorod Church of the Savior on Nereditsa after the destructive actions of Nazi Germany during the Great Patriotic War. Particular attention in this work is given to the unique fresco painting of the temple and the campaign for its restoration. The author considered modern methods

and approaches for the restoration of the monument. This topic is very relevant today, as the cultural heritage is important for national self-identification and is the most important basis for the development of intellectual, creative, moral and spiritual personality. Despite the available scientific studies of L. Lyubimov, B. Trekhbratov, A. Shapovalov and others, the topic addressed in this article undoubtedly requires further research, which is its novelty. It is concluded that for our time it is very important to preserve the historical heritage. This will allow future generations to have an idea of the culture of that time.

Keywords: Church of the Savior on Nereditsa in Novgorod, restoration of the monument, architecture, World War II.

For citation: Shevtsova A.A. Church of the Saviour on Nereditsa in Novgorod: history of creation and restoration of the national monument. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 158-170. (In Russ., abstr. in Engl.).

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия записано, что к культурному наследию относятся памятники, которые включают собой произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки [4]. Памятники от слова «память», поэтому общество должно принимать ряд комплексных мер, которые позволят не утратить памятники живописи и архитектуры на протяжении многих веков. Эта проблема остро встала в XX и XXI веках. Одним из основных факторов разрушения архитектурных сооружений являются войны, которые часто не оставляют от них даже фрагментов. Это в полной мере касается и культуры России.

Многие памятники русского монументального искусства требуют реставрации. Фрески утрачиваются, цвета становятся более блеклыми, а первоначальная архитектура теряет свои формы. Очень часто даже не природные факторы влияют на это, а виновата именно человеческая деятельность. Одной из образчиков такой деятельности стала Церковь Спаса на Нередице - храм Преображения Господня, разрушенная во время Великой Отечественной войны.

Церковь Спаса на Нередице является одним из главных памятников русской культуры и искусства, который был возведен в 1198 году по поручению князя Ярослава Владимировича (рис. 1). Роспись была произведена в 1199 году. Церковь стала настоящим эталоном зодчества XII века, наряду с Софийским собором в Киеве, Георгиевским собором Юрьева монастыря в Великом Новгороде. Внутри церкви находились фресковые росписи, которые занимали всю поверхность стен. Это был один из самых живописных ансамблей в России. Сейчас сохранены только отдельные фрагменты росписи, но даже они позволяют рассмотреть их красоту. На фресках можно увидеть Архангела Михаила. В алтарной апсиде находится изображение Богородицы Оранты (рис. 2), а также святителей. На жертвеннике расположено изображение Богоматери, которой поклоняются две фигуры. Это образ легенды о молении Алексея.

В куполе расположено «Вознесение». На радуге восседает Христос, окруженный шестью ангелами, а снизу изображены апостолы. Это жест чуда «вознесения», а также принятие руководства миром. Позы спокойные и все погружены в раздумья. Остальные части церкви украшены сценами из священного писания. На одних участках изображены ветхозаветные сюжеты: «Жертвоприношение Авраама», «Явление троицы Аврааму», в трансепте находятся изображения, отсылающие к Новому Завету: «Рождество Христово», «Крещение», «Сретение» и другие [9, с. 68]. Исследователь Л. Д. Любимов по этому поводу писал: «В образах святых с горящими глазами, выстроенных по стенам лицом к зрителю, грозно внушительных в своей неподвижности или мерной, тяжелой поступи, дышала некая первозданная мощь» [8, с. 76].

Все фрески выполнены в одно время, кроме одной. В западном нефе написано изображение отца Александра Невского Ярослава Всеволодовича, который подносит модель церкви Христу (рис. 3), выполненное около 1246 года [10].

Памятник стал объектом научного исследования. Особое внимание уделялось росписи, которую на протяжении нескольких поколений изучали историки. Первая архитектурная реставрация проводилась в 1903-1904 годах [2, с. 637-642].

Повреждения в храме были замечены еще в довоенное время. Утрачивалась роспись, но за восстановление в то время никто не брался. А вот во время Великой Отечественной войны храм находился прямо на линии фронта, что не позволило ему сохранить свой внешний вид. За время военных действий было уничтожено около 50 процентов кладки (рис. 4). Больше всего повредилась живопись, из которой сохранилось всего 15 процентов [7, с. 276-277]. Поскольку фрески храма были уникальными и имели культурную ценность, их восстановление после войны было чрезвычайно важным (рис. 5).

Государство должно было принять меры по восстановлению. Первые работы начались в марте 1944 года. В это время проводилась разработка проекта восстановительных работ. Памятник включили в первоочередной список. Это означало, что на него будет обращено особое внимание. В мае 1944 года был возведен специальный защитный навес, служивший средством защиты сохранившихся фресок [6, с. 358-371].

С августа по октябрь 1944 года живописцы, художники и археологи участвовали в экспедиции под руководством М. К. Каргера, одного из известных советских историков архитектуры. За это время были проведены обмеры, а также фиксация состояния объекта. Все работы по восстановлению были инициированы Новгородским музеем-заповедником.

Перед проведением работ были изучены исследования Н. П. Сычевой, В.К. Мясоедова, Л. А. Мацулевича, В. А. Булкина и других. Помимо этого, были рассмотрены и труды ряда исследователей, которые составляли описание церкви, среди них можно выделить работы Л.И. Лифшица, Э. С. Смирновой, Г.И. Вздорной.

Разбор завалов, начавшийся в сентябре 1944 года, завершился к 1948 году, когда убрали всю территорию, а также вывезли 70 корзин фресок, представляющих историческую ценность. В это время был расчищен обширный участок, а также выбраны 3 тысячи фрагментов росписи, которые отправились в музей.

После этого начались работы, которые перешли в активную стадию по восстановлению. В 1945 году был возведен каркас временного шатра, но материалов хватало только на частичную обшивку.

Следующие три года (с 1946 по 1948) продолжались работы по освобождению от завалов. В 1946 году была расчищена территория алтарной части церкви. За это отвечала мастерская Л. М. Шуляк [1].

Основной этап работ проходил с 1949 по 1957 годы. За это время была проведена архитектурная реставрация, которая придала церкви ее прежний вид. Это стало возможным благодаря тому, что сохранились обмерные чертежи начала XX века, которые были сделаны архитекторами того времени. Восстановили верхние части стен, своды и купол. При этом некоторые фресковые росписи были утрачены безвозвратно без возможности их восстановления (рис. 3).

В фонде Новгородского музея Всероссийской Академией Художеств хранились фрагменты живописи, которые были собраны с 1944 года. Фрагменты штукатурки были так же сохранены и оставлены в деревянном сарае около церкви. В будущем их планировалось использовать для восстановления. Но постоянные перевозки корзин привели к тому, что из 72 сохранившихся, только 36 удалось вернуть обратно в церковь.

Таким образом, первый этап восстановления был завершен к 1958 году. За это время был возвращен основной внешний вид здания церкви Спаса на Нередице. Это позволило приблизиться к полной реставрации важного объекта культуры [6, с. 358-371]. При этом требовалась еще долгая и кропотливая работа, которая включала в себя восстановление живописи храма. За нее должны были взяться лучшие художники, которые смогли бы воссоздать внутренний облик храма.

Новгородский музей-заповедник для работ по восстановлению монументальной живописи привлек Татьяну Ромашкевич и команду, которая должна была выполнять реставрационную деятельность под ее началом. Это позволило вернуть красочный слой, шпаклевку, а также выполнить прочие косметические работы. При этом даже сейчас продолжается деятельность по подбору фресковой живописи, чтобы вернуть церкви ее первоначальный внутренний вид.

Первый этап работы по реставрации живописи начался в 1969 году. В это время исследователи А.П. и В.Б. Грековы вместе с бригадой реставраторов начали работу по восстановлению фресок [1].

Начиная с зимы 1970 года по весну 1971 года проводилась просушка фрагментов, их упаковка в ящики. Все они были возвращены в музей. Насчитывалось 81270 фрагментов, которые занимали площадь в 92,4 квадратных метра. Однако, при хранении собранных фрагментов, были допущены ошибки, что приводило к их частичному разрушению. Там увеличилось количество биологических поражений, произошло образование солевых пленок.

С 1985 года было принято решение о том, что необходимо начать проведение работ по комплексному восстановлению фресок. До этого была проведена реставрация стен здания. Этот вопрос обсуждался на Совете по охране памятников культуры, проходившем в Новгороде. Начались реставрационные работы, главной целью которых было восстановление памятника, куда входила необходимость подборки фрагментов фресок для их возвращения на стены [6, с. 358-371]. Все найденные фрагменты должны были быть возвращены в церковь. Это дало

возможность вернуть хотя бы часть композиций, каждая из которых считается уникальным объектом [3, с. 33-50].

За несколько последних десятилетий коллективы реставраторов занимались именно этой работой, чтобы восстановить вид штукатурки XII века. Ими применялись современные методики автоматизированной локализации и сборки фрагментов живописи. Это позволяло лучше восстанавливать различные объекты живописи, чтобы они были максимально идентичны тем, которые находились в церкви XII века.

Архитектурный памятник восстановлен не полностью, но работы ведутся довольно активно. Только одна композиция вернулась на свое место – «Ктиторская» фреска. Очень важный этап для церкви – это восстановление композиции Святой великомученицы Юлиании, которая продолжается в архитектурных мастерских. По окончании, она будет возвращена в церковь. Остальные фрагменты находятся в архитектурных мастерских, где с ними ведется планомерная работа. По их окончании они также будут возвращены на территорию культурного объекта. Сейчас ведется работа над композицией «Крещение».

Площадь восстановленных объектов очень мала по сравнению с пустыми стенами, так что понять, как выглядели отдельные, не восстановленные композиции, пока не представляется возможным. Даже подготовленный специалист не получит практически никакой комплексной информации [6, с. 358-371] (рис. 3, 4).

Сегодня для работ в обязательном порядке должны применяться компьютерные технологии, а не только классические методы реставрации. Это связано с тем, что ручной поиск и подбор фрагментов малоэффективен, и на это могут потребоваться многие годы. Становится также понятно, что многие объекты живописи восстановить в полной мере не получится по ряду объективных факторов: разрушение храма, перемещение фрагментов и их утеря.

Хотя полностью восстановить реальный вид церкви не получится, но сейчас производятся работы по созданию виртуальной модели росписи. Это позволит получить представление о том, какие историко-художественные особенности имеет памятник. Для этого были собраны архивные фотографии, проанализированы различные авторитетные источники. Реставраторам помогает и документальная фотофиксация памятника, копии и обмерные чертежи, которые были сделаны до тотального разрушения культурного объекта [1].

Таким образом может быть осуществлен комплексный подход к восстановлению церкви Спаса на Нередице. Но этот процесс займет много времени, и потребуются усилия большого числа реставраторов и ученых. Они должны работать вместе, чтобы вернуть хотя бы частично вид архитектурного объекта.

Специально для работы в церкви Спаса на Нередице были разработаны новые методы восстановления объекта. Для этого используется современная аппаратура. Из-за того, что консервация церкви не была проведена вовремя, большинство фрагментов живописи были утрачены, а часть имела стертые края. Новая методика использует прежние наработки российских реставраторов, а также современное программное обеспечение, которое позволило проанализировать архивные фотографии, и по ним восстановить контуры фресок. Они будут через проекторы выводиться в реальную величину на стену, сделав работу реставраторов более точной. При невозможности обследования внешней стороны фрески, будет

проводиться внутренний анализ. На места, где восстановить прежний вид не удастся, накладываются «пробелы», что позволит получить полное представление обо всех изображениях.

Есть все основания говорить о том, что Новгородская церковь Спаса на Нередице в значительной степени была восстановлена после практически полного разрушения во время Великой Отечественной войны. Это стоило больших усилий архитекторов, реставраторов и других специалистов. При этом государство активно поддерживало инициативы по восстановительным работам, связанные с уникальным памятником XII века.

Для нашего времени очень важно сохранить даже небольшие фрагменты росписи. Это позволит следующим поколениям иметь представление о культуре того времени. Для исследователей важной задачей является именно восстановление всего ансамбля. Все реконструкции проводятся именно с научными целями, так как это позволяет обеспечить исследовательский процесс достоверными сведениями о памятниках архитектуры.

Таким образом, именно восстановление культурных памятников должно быть в приоритете министерства культуры и всего государства, для сохранения культурных ценностей, а также памяти об истории живописи XII века. Использование современных методов позволяет добиваться значительного прогресса в работе, результаты которых положительным образом сказываются на культурном наследии всего общества.

Церковь Спаса на Нередице в Новгороде внесена в Список Всемирного наследия по решению ЮНЕСКО. Там не проводятся службы, и только иногда совершаются молебны. Это памятник русской архитектуры, за которым теперь обязано следить государство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реконструкция росписи церкви Спаса Преображения на Нередице // Новгородский государственный объединенный музей-заповедник / Режим доступа: URL: <http://novgorodmuseum.ru/restavratsionnaya-shkola-1/96-rekonstruktsiya-rospisi-tserkvi-spasa.html> (дата обращения: 08.12.2019).
2. Богословский Н. Г. Новгородские древние святыни: I. Спасо-Нередицкий монастырь близ Новгорода // Христианское чтение. – 1877. – Ч. II. – № 11–12. – С. 637 – 642.
3. Булкин В. А. Спасо-Преображенская церковь на Нередице и новгородская архитектурная школа XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. – М., 2005. – 573 с.
4. Конвенция «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Заклучена в Париже 16.11.1972. Вступила в силу 17.12.1975. Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV: Междунар. Договоры СССР, вступившие в силу с 1 янв. По 31 дек. 1989 г. М.: Международные отношения, 1991. С. 482–492

5. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / ред. А. С. Щенков. – М.: Terra – Книжный клуб, 2002. – 525 с.
6. Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / ред. А. С. Щенков. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 694 с.
7. Лазарев В. Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. – М.: Искусство, 2000. – 304 с. (Славяно-византийский свод). Режим доступа: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=121 (дата обращения: 10.12.2019).
8. Любимов Л. Д. Искусство Древней Руси. М., 1974. – 336 с.
9. Трехбратов Б. А. Золотые купола. Краснодар. 2016. – 112 с.
10. Шаповалова А. Н. Средневековое искусство Великого Новгорода: специфика заказа и художественные особенности // vox medii aevi. 2015// Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovoe-iskusstvo-velikogo-novgoroda-spetsifika-zakaza-i-hudozhestvennyye-osobennosti/viewer> (дата обращения: 10.12.2019).

REFERENCES

1. Reconstruction of the painting of the Church of the Transfiguration of the Savior on Nereditsa. Novgorod State United Museum-Reserve URL: <http://novgorodmuseum.ru/restavratsionnaya-shkola-1/96-rekonstruktsiya-rospisi-tserkvi-spasa-.html> (accessed: 08.12.2019).
2. Theological N. G. Novgorod ancient shrines: I. Savior-Nereditsky monastery near Novgorod. Christian reading. 1877. Part II. No. 11-12. PP. 637 - 642.
3. Bulkin V. A. The Transfiguration Church on Nereditsa and the Novgorod architectural school of the 12th century. Church of the Savior on Nereditsa: from Byzantium to Russia. To the 800th anniversary of the monument. Moscow. 2005 . 573 p.
4. The Convention "On the Protection of the World Cultural and Natural Heritage" (Concluded in Paris on 11/16/1972. Entered into force on 12/17/1975. Ratified by Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 09.03.1988 No. 8595-XI). Collection of international treaties of the USSR. Vol. XLV: Int. Treaties of the USSR, which entered into force on January 1. By Dec 31 1989, Moscow: International Relations, 1991.S. 482-492
5. Monuments in pre-revolutionary Russia. Essays on the history of architectural restoration / ed. A. S. Schenkov. Moscow: Terra - Book Club, 2002. 525 p.
6. Monuments in the Soviet Union. Essays on the history of architectural restoration . ed. A. S. Schenkov. Moscow: Monuments of historical thought, 2004. 694 p.
7. Lazarev V. N. Art of Ancient Russia. Mosaics and frescoes. Moscow: Art, 2000. 304 p. (Slavic-Byzantine arch). Available at: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=en&book_id=121 (accessed: 12/10/2019).
8. Lyubimov L. D. Art of Ancient Russia. M., 1974. - 336 p.
9. Trekhbratov B. A. Golden domes. Krasnodar. 2016 . - 112 p.
10. Shapovalova A. N. Medieval art of Veliky Novgorod: specifics of the order and artistic features // vox medii aevi. 2015. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovoe-iskusstvo-velikogo-novgoroda-spetsifika-zakaza-i-hudozhestvennye-osobennosti/viewer> (accessed: 12.12.2019)

Иллюстрации:

Рис. 1. Новгород. Церковь Спаса на Нередице (вид с юго-востока до разрушения). 1911 г.

Fig. 1. Novgorod. Church of the Savior on Nereditsa (view from the southeast to destruction). 1911

Источник, Source: <https://anashina.com/cerkov-spasa-na-neredice-v-velikom-novgorode/> (дата обращения 10.12. 2019)

Рис. 2. Новгород. Церковь Спаса на Нередице. Богоматерь Великая Панагия. Фреска в алтаре

Fig. 2. Novgorod. Church of the Savior on Nereditsa. Our Lady of the Great Panagia. Fresco in the altar

Источник Source: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=121&chap=8&ch_l2=19
(дата обращения 10.12. 2019)

Рис. 3. Новгород. Церковь Спаса на Нередице. Князь Ярослав Всеволодович с моделью храма Спаса перед Христом. Копия фрески. ГРМ, СПб.

Fig. 3. Novgorod. Church of the Savior on Nereditsa. Prince Yaroslav Vsevolodovich with a model of the Church of the Savior before Christ. Copy of the mural. Timing, St. Petersburg.

Источник Source: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=121&chap=8&ch_l2=19
(дата обращения 10.12. 2019)

Рис. 4. Новгород. Церковь Спаса на Нередице. 1944 г.

Fig. 4. Novgorod. Church of the Savior on Nereditsa. 1944

Источник Source: <https://slovo-bogoslova.ru/publikacii/zapiski-restavratora-opyt-vosstanov/>
(дата обращения 10.12. 2019)

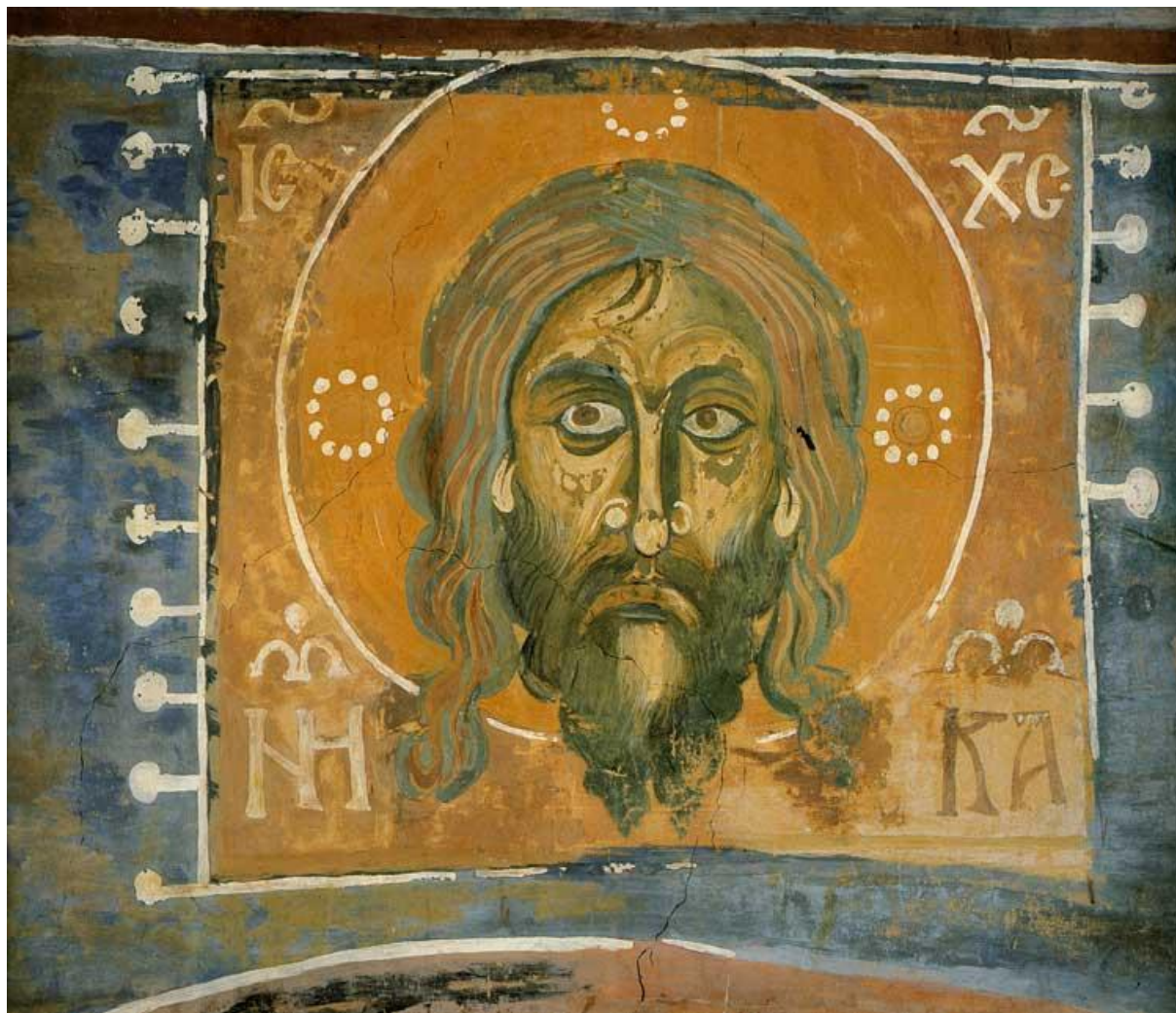

Рис. 5. Новгород. Церковь Спаса на Нередице. Спас Нерукотворный. Копия фрески. ГРМ, СПб.

Fig. 5. Novgorod. Church of the Savior on Nereditsa. Spas miraculous. Copy of the mural. Timing, St. Petersburg.

Источник Source: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=121&chap=8&ch_l2=19 (дата обращения 10.12.2019)

Информация об авторе: Шевцова Алина Алексеевна, студентка 4 курса факультета дизайна, изобразительных искусств и гуманитарного образования, Краснодарский государственный институт культуры (г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33), e-mail: shevtsova_alina_alekseevna@mail.ru
г. Краснодар, Россия

Поступила: 18.01.2020

После доработки: 18.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2019

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Shevtsova Alina Alekseevna, 4th year student of the Faculty of Design, Fine Arts and Humanities, Krasnodar State Institute of Culture (33, 40th Anniversary of Victory St., Krasnodar, e-mail: shevtsova_alina_alekseevna@mail.ru Krasnodar, Russia

The paper was submitted: 18.01.2020

Received after reworking: 18.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2019

The author have read and approved the final manuscript.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Культурный ландшафт регионов

2020. Том 2. №1 (январь-февраль)

29.02.2020